

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

Проза
Русского
Севера

Одинокое плавание

Проза Русского Севера

Николай Черкашин

Одиночное плавание

«ВЕЧЕ»

1976–2018

Черкашин Н. А.

Одинокое плавание / Н. А. Черкашин — «ВЕЧЕ», 1976–2018 — (Проза Русского Севера)

ISBN 978-5-4484-8786-6

Роман известного российского писателя-мариниста Николая Черкашина «Одинокое плавание» рассказывает о моряках Северного флота. Холодная война вывела их подводные лодки не только в Ледовитый океан, но и в Северную Атлантику и даже в Средиземное море. Это непридуманная история о жизни отважных героев — офицеров, мичманов, матросов экипажа подводной лодки «Б-410». Николай Черкашин — в прошлом офицер-подводник, участник дальних морских походов, автор многих произведений о военном флоте России.

ISBN 978-5-4484-8786-6

© Черкашин Н. А., 1976–2018

© ВЕЧЕ, 1976–2018

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	26
Глава пятая	37
Глава шестая	47
Глава седьмая	64
Глава восьмая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Николай Черкашин

Одинокое плавание

© Черкашин Н.А., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

* * *

*Меня питают достоинства моих товарищей,
достоинства, о которых они и сами не ведают,
и не из скромности,
а просто потому, что им на это наплевать.*
Антуан де Сент-Экзюпери

Часть первая Северодар

Глава первая

1

На самом краю земли, который так и назывался – Крайним Севером, стоял на скалах старинный флотский городок. Море, омывавшее этот край, звалось Баренцевым, а до капитана Баренца – Талым морем; городок же, затерявшийся в лапландских сопках и фьордах, величали ни много ни мало – Северодаром.

Дар Севера – это гавань, укрытая от штормов красными гранитными скалами в глубине гористого фьорда. Она походила на горное озеро, тихое, девственное, одно из тех таинственных озёр, в глубинах которого вроде бы ещё не вымерли доисторические монстры. В это легко поверить, глядя, как выныривает из зеленоватой воды черная змеинолобая рубка, как, испустив шумный вздох, всплывает длинное одутловатое тело – чёрное, мокрое, с острым тритонным хвостом и округлым черепашьям носом, как бесшумно скользит оно по стеклянной глади бухты – к берегу, окантованному причалами и стальной колеёй железнодорожного крана.

Глухая чаша горного озера, рельсовый путь, идущий неведомо откуда и ведущий неведомо куда, чёрные туши странных кораблей – без труб, без мачт, без пушек – всё это рождало у всякого нового здесь человека предощущение некой грозной тайны.

Давным-давно здесь зимовали парусники. Их капитаны нарекли гавань Екатерининской – в честь императрицы, что рискнула послать сюда первые корабли.

Капитаны уводили свои шхуны туда, откуда Северодар, тогда ещё Александровск, казался далеким югом. Одни пытались пробиться к Полюсу, другие – открыть неведомые земли в высоких широтах, третьи – обогнуть Сибирь океаном. Призраки их кораблей, сгинувших в просторах Арктики, и сейчас ещё маячат во льдах – с белыми обмерзшими реями, с лентами полярного сияния вместо истлевших парусов... Иногда их засекают радары подводных лодок, и тающие отметки на экранах операторы называют «ложными целями».

Гавань Север подарил кораблям – подводным лодкам, а людям он не подарил тут ничего, даже клочка ровной земли под фундамент дома. Все, что им было нужно, люди сделали, добыли, возвели, вырубил здесь сами. Город строили мужчины и для мужчин, ибо главным ремеслом Северодара было встречать и провожать подводные лодки, обогревать их паром и лечить обмятые штормами бока, поить их водой и соляром, заправлять сжатым воздухом и сгущенным молоком, размагничивать их стальные корпуса и обезжиривать торпеды, припасать для них электролит и пайковое вино, мины и книги, кудель и канифоль...

Гористый амфитеатр Северодара повторялся в воде гавани, и потому город, составленный из двух половин – реальной и отраженной, – казался вдвое выше. Предезкий архитектор перенес портики и колоннады с берегов Эллады на гранитные кручи Лапландии. И это поражало больше всего – заснеженные скалы горной тундры в просветах арок и балюстрад.

Жилые башни попеременно с деревянными домами разбрелись по уступам, плато и вершинам и стояли, не заслоня друг друга – всяк на юру, на виду, наособинку, стояли горделиво, будто под каждым был не фундамент, а постамент. И ещё антенные мачты кораблей накладывались на город. Корабли жались почти к самым домам, так что крылья мостиков – виделось сверху – терлись о балконы.

Право, в мире не было другого такого города – на красных скалах, у зеленой воды, под голубым небом – в полярный день, под радужными всполохами – в арктическую ночь.

И хотя город вырубали в скалах мужчины и вырубали его для мужчин, капитан-лейтенант Алексей Башилов, новый замполит подводной лодки бортовой номер 410, нигде больше не встречал на улицах так много милостивых стройных женщин, как здесь, за Полярным кругом, в Северодаре. Впрочем, все объяснялось просто: избранницы моряков всегда отличались красотой, а морские офицеры испокон веку слыли неотразимыми кавалерами. И потому бывшие примы студенческих компаний, первые красавицы школ, факультетов, контор, строек, НИИ и всех прочих учреждений, предприятий, домов, пороги которых переступала нога корабельного офицера, рано или поздно шли под свадебные марши с женихами в парадных тужурках, увитых золотом шнуров, галунов, поясов, шли неизменно по левую руку, как полагается спутницам военных мужей, и кортик – о, этот кортик, рудимент доброй старой шпаги! – качался на золотой перевязи в такт шагу и нежно побивал о бедро невесты, точно жезл чародея...

Но смолкали арфы Гименея, и свадебное путешествие укладывалось в несколько часов аэрофлотского рейса. Дорога от аэропорта до Северодара поражала вчерашних москвичек, киевлянок, южанок древними валунами и чудовищными заносами. Поражал и город на скалах, нависший над морем, точно горный монастырь.

Парадные тужурки и новенькие кортики надолго укладывались в недра чемоданов – до платяных шкафов ещё далеко, – мужья-лейтенанты переоблачались в темные рабочие кители, вместо белоснежных кашне повязывали чёрные шарфики, запахивали чёрные же лодочные шинели с пуговицами, истёртыми на хлястиках о железо рубочных шахт, и исчезали в этих шахтах порой на много месяцев кряду, обрекая юных жен на соломенное вдовство, неизбежные тревоги и вечное ожидание. И тогда город надолго превращался в стан прекрасных полонянок, свезенных со всех земель сюда, на край света, на Крайний Север, – северу в дар, в Северодар...

Да и что, скажите на милость, делать красивой женщине в городе, где по утрам выпускают свои залиvisto-грозные вопли подводные лодки, в полдень сотрясает стены полуденная пушка, а по ночам воют на крутых подъёмах, брэнча цепями на колесах, чудовищные грузовики?! В городе, где все улицы ведут к гавани, где главный очаг культуры – ДОФ, Дом офицеров флота, где, загляни вечером в ресторан – единственный на всю окрестную горную тундру (он же столовая, кафе и кулинария), – весь гарнизон будет знать к подъёму флага, что ты там была, знать, с кем и в чем. Город, где ни одного цветочного магазина, где у дамского парикмахера – один-единственный фен, да и тот с холодным обдувом. Да что там цветы и фен! В городе, выстроенном мужчинами для мужчин, не было родильного дома, и рожать будущие матери отправлялись на катерах-торпедоловах через залив на Большую землю. А когда бураны рвали в городе провода, то детскую молочную кухню питали током генераторы одной из подводных лодок, стоящих у причала.

...Сбиваются о гранитные камни заморские каблукы, шквальные ветры уносят в тундру ароматы французских духов, блекнет одинокими ночами женская краса, уходит в ранние морщинки, как вода в трещинки. И жизнь, что так заманчиво начиналась под шелест свадебного платья, в блеске морского офицерского золота, вдруг покажется темнее полярной ночи. Не всем одолеть её вязкую темень. Не всем прийти на пятый плавпирс, когда вой сирены входящей в гавань субмарины возвестит долгожданный час встречи. Но те, кто придут и переступят стык берега и моря – не какой-нибудь там символический, а вот этот, зримый, принакрытый стертým стальным листом стык понтона плавучего пирса и гранитного берега, – они-то, быть может, сами того не ведая, переступят главный порог своего дома и в сей же миг превратятся из полонянок в истинных северянок...

Разумеется, в городе жили не одни офицерские жены, и Башилову, человеку молодому и холостому, не грех было заглядываться на северодарских красавиц. Хотя меньше всего на

свете собирался он влюбляться именно сейчас. Это безумие – терять голову перед приездом комиссии Главного штаба.

На любом корабле у любого офицера всегда найдется дюжина горящих дел, десятка два дел крайне срочных, тридцать – безотлагательных, сорок – обязательных и полсотни – текущих. Перед дальним походом эти цифры утраиваются. Влюбляться в такую пору, внушал себе Башилов, – преступная безответственность. Откуда взять время на телефонные звонки, прогулки, свидания, когда служебные тиски зажаты до предела; на корабль прибыло пополнение, и за молодыми матросами нужен глаз да глаз, экипаж ещё не отстрелялся в море, ещё не отремонтирован береговой кубрик, не откорректированы карточки взысканий и поощрений, не разобрано на комсомольском собрании персональное дело старшины 2-й статьи Еремеева, надерзившего инженер-механику, наконец, в зачетном листе на допуск к самостоятельным вахтам ещё и конь не валялся – ни одной отметки. Влюбляться в такое время – сумасшествию подобно! Нет, тут нужно сразу выбирать: или корабль и океан, или берег и личная жизнь. Башилов выбор сделал и каждый вечер, перебирая в памяти все промелькнувшие за день женские лица, не без гордости, но и не без грусти, замечал себе, что сердечный горизонт чист, что никаких помех делам корабельным не предвидится и что если продержаться так ещё пару месяцев, то в моря он уйдет со спокойной душой, без оглядки на берег...

2. Башилов

В раме моего окна – синее море в белых снегах. Жёлтые казармы. Чёрные подлодки.

Дом мой прост и незатейлив, как если бы его нарисовал пятилетний мальчик: розовый прямоугольник с четырьмя окнами – два вверху, два внизу. Над крышей – труба. Из трубы – дым. Все.

Комнатка моя ещё проще: в одно окно без занавесок. Покупать занавески некогда, да и не хочется. Вид на заснеженные сопки расширяет комнатушку, а главное, даёт глазам размяться после лодочной тесноты, в которой ты поневоле близорук: всё под носом, и ни один предмет не отстоит от тебя дальше трех шагов...

Большую комнату занимает мичман, завскладом автономного пайка, Юра. Его двадцатилетняя жена Наташа счастлива: муж что ни вечер – «море на замок» и домой.

В коридоре вместо звонка приспособлен лодочный ревун, притащенный Юрой с базы. Между ударником и чашкой проложен кусок газеты, но всякий раз ревуная трель подбрасывает меня на койке.

Дом стар. Половицы продавливаются, как клавиши огромного рояля. За хилой перегородкой – общий ватерклозет. Унитаз желт, словно череп доисторического животного, он громко рычит и причмокивает.

Чтобы попасть ко мне, надо идти через кухню, навечно пропахшую жареной рыбой и земляничным мылом. Но все это, как говорит наш старпом, брызги. Потому что комната в Северодаре – это много больше, чем просто жильё. Это куб тепла и света, выгороженный в лютном холоде горной тундры. В этом кубе теплого света – или светлого тепла – можно расхаживать без шинели и шапки, можно писать без перчаток, играть на гитаре, принимать друзей, встречать любимую...

Впервые в жизни у меня была своя комната, и я чувствовал себя владельцем полуцарства. Вернешься с моря, забежишь на вечерок, ужаснешься диковинной оранжевой плесени, взошедшей на забытом бутерброде, порадуешься тому, что стол стоит прочно и тебя не сбрасывает со стула и не швыряет на угол шкафа, и с наслаждением вытянешься в полный рост на койке; пальцы ног не упрутся в переборку, за ними ещё пространства – ого-го! А утром снова выход в полигон, или на мерную милю, или на рейдовые сборы, или на торпедные стрельбы, или на минные постановки...

Кто не ходил в моря через день, тот не знает, что за счастье – эти короткие вылазки в город. Как все прекрасно и заманчиво в этой недосыгаемой береговой жизни, как все в ней удобно, интересно, соблазнительно!.. Любые земные проблемы кажутся малостью, ибо настоящие опасности, настоящие беды – кто из подводников так не считает? – подстерегают человека там, в океане, на глубине... И нечего заглядываться на берег! Северодар устроен мудро, устроен так, чтобы мы могли выходить в море легко и свободно, ни за что не цепляясь, – как выходит торпеда из гладкой аппаратной трубы.

Замполит с «четырёхста десятой» не без гордости носил на кителе бело-синий ромбик московского университета. Правда, Башилову всегда было неловко отвечать на вопрос о своём факультете. Слово «философ» звучало нескромно что из уст безусого студюозуса, что из уст обзаведшегося усами капитан-лейтенанта. И все же в некотором праве на это претенциозное звание Башилов себе не отказывал, так как на третьем курсе в одно прекрасное майское полнолуние написал несколько заумный, но логически стройный реферат, который велеречиво озаглавил «Теория планетарности времени». Этот реферат, прочитанный с трибуны студенческого симпозиума, вызвал оживление в зале и принес Алексею Башилову внутриуниверситетскую известность. Его прочили в аспирантуру. Но... листок повестки, выпорхнувший из почтового ящика, поднял на воздух все башиловские планы с лёгкостью фугасного снаряда.

В военкомате лейтенанту запаса Башилову выписали отпускной билет «с правом бесплатного проезда в любой населённый пункт Советского Союза для устройства личных дел» и вручили командировочное предписание, которое обязывало новоиспечённого офицера прибыть после отпуска в распоряжение начальника политуправления Северного флота. Обе бумаги Башилову очень понравились: они сулили настоящую мужскую жизнь, да ещё на Севере, да ещё на флоте!.. Аспирантура могла подождать год-другой.

Отпускной билет он выписал до Южно-Сахалинска, так как посчитал этот город самой дальней точкой страны. В вагоне-ресторане экспресса «Россия» Башилов встретил парня из МВТУ, тоже только что призванного из запаса; бауманец ехал в отпуск – до Южно-Курильска, и Алексей пожалел, что так плохо учил в свое время географию. Недельный путь от Ярославского вокзала в Москве, украшенного барельефами медведей и лосиных голов, до каменного терема Владивостокского вокзала, примостившегося прямо на берегу Тихого океана, Башилов проделал не зря. Надо было хотя бы раз в жизни, а перед военной службой особенно, увидеть всю страну разом – от края до края, от океана до океана.

Северный флот встретил Башилова лютой июльской жарой и неожиданным назначением в УМЛ – университет марксизма-ленинизма при Северодарском Доме офицеров. От Севера здесь было разве что незакатное летнее солнце, от флота – лишь нашивки плавсостава, к которому преподаватель политэкономии лейтенант Башилов не имел, к великой своей досаде, ни малейшего отношения. Слушатели УМЛ (в народе их называли «умалишённые») – безусые главстаршины и бывалые мичмана, говорливые лейтенанты и солидные капли – дразнили его слух фразами, брошенными в перекурах с великолепной небрежностью: «Погружаться лучше при полной луне», «Берберки симпатичнее мулаток», «Самая прозрачная в мире вода – в заливе Сидра. Выше полста метров там лучше не всплывать...». Из окон аудитории открывался панорамный вид на Екатерининскую гавань, на причалы подводных лодок и подножие гранитного утеса. Выводить на доске формулу «товар – деньги – товар», глядя, как твои сверстники уходят в океаны и возвращаются из океанов, было невыносимо, и Башилов, выведав у слушателей, что на «четырёхста десятой» открылась вакансия замполита, отправился в политотдел подплава.

– Нет, – сказал ему начпо, начальник политотдела, пожилой грузный азиат с погонами капитана 1-го ранга. – На такие должности мы назначаем только кадровых офицеров. А вы птица залётная, всего на три года.

– А если я останусь в кадрах?

– Тогда посмотрим.

Остаться в кадрах, то есть отваживаться на двадцатипятилетнюю службу, Башилов не спешил. Шутка ли: на одной чаше весов – университетская аспирантура, диссертация, кафедра, столичная жизнь, международные симпозиумы; на другой – заполярный гарнизон, не атомный даже – дизельный подплав, бесконечные дежурства, учения, проверки и изнурительные многомесячные походы... Тут было над чем подумать.

Все решилось в один безрассветный зимний день. Из Атлантики вернулась подводная лодка капитана 2-го ранга Медведева. Башилов шел по причалу и остановился против «сто пятой», пораженный тем, как может вода изуродовать металл: стальная обшивка мостика была содрана штормовыми волнами и смята в гармошку. На пирсе против сходни стоял вестник беды – санитарный рафик. Матросы в белых халатах копошились на корпусе лодки у распахнутого торпедопогрузочного люка, сквозь который осторожно просовывали из отсека носилки. Алексей с болезненным любопытством пытался разглядеть, кого вытаскивают, и вскоре мимо него пронесли бледного русоволосого парня, накрытого лейтенантской шинелью.

– Что с ним? – спросил Башилов у мичмана-фельдшера.

– На верхней вахте волной приложило, – пояснил мичман, провожая носилки жалостливым взглядом. – Перелом позвоночника. Отплавался, сердяга...

Весь день и весь вечер перед глазами Башилова покачивались носилки с лейтенантом, изувеченным штормом. Подводник был младше его на два года, но он видел и испытал то, что будущий доцент с неременным брюшком и неминуемой лысиной никогда не узнает. Собственное будущее – и ближайшее, и отдаленное – открылось вдруг Башилову в такой ровной и прямой перспективе, что в конце её, там, где сходились все жизненные линии, можно было даже разглядеть бугорок могильного холмика. Утром Алексей написал рапорт, в котором просил оставить его в кадрах ВМФ и перевести на должность заместителя командира подводной лодки по политчасти. На обе просьбы он получил адмиральское «добро».

3

Свой первый в жизни корабль я отыскал в доке, где с бортов подводной лодки девчата-пескоструйщицы сдирали наросты морских желудей, ржавчину и старую краску. Извлеченная из воды лодка казалась неправдоподобно огромной и безобразной. Носовую часть её сверху и снизу уродовали большие желваки – «бульбы», – в которых размещались акустические приемники. На плаву субмарина выглядит куда изящнее...

С кормы подводная лодка напоминала хвостовую часть самолёта, опрокинутую килем вниз. На тронутым ржой крыле стабилизатора развалились под солнышком трое парней в монтажных касках.

Из ограждения прочной рубки торчали поднятые все выдвижные устройства – перископы, антенны, шахта РДП, – отчего лодка походила на перочинный ножик со всеми растопыренными лезвиями, штопорами, пилками...

Под ноздреватым от ракушек днищем прохаживался матрос-автоматчик. Откидной приклад у автомата был тоже приметой подводной лодки, её сверхтесного жизненного пространства.

По деревянным трехэтажным лесам, усыпанным огарками электродов, я взобрался на верхнюю палубу, пролез через невысокую овальную дверцу в ограждение рубки и тут же ударился головой так, что лязгнули зубы. Над узеньким проходом к люку свисал разобранный трубопровод.

– С прибытием! – весело поздравил меня коренастый капитан 3-го ранга и, не дав произнести заученную уставную фразу, протянул руку: – Давайте знакомиться: Абатуров Вячеслав Святославович. Экипажу представлю вас позже – на построении.

Кажется, командира слегка озадачило мое последнее, и единственное, место службы.

– Ну, ничего! – утешил он сам себя. – Раньше комиссаров из кавалерии присылали – и ничего, не тонули.

Был он скор, подвижен, как ртуть. Он тут же исчез, пообещав ввести в курс дела после обеда.

4

Сквозь прямоугольники лобовых иллюминаторов открывался вид на замшелые сопки, завалившийся на борт старый пароход и далекое синее море. В обтекателе рубки, прозванном ещё с военных времен «лимузином», поблескивали толстые стекла вправленных в латунные глубоководные боксы приборов: репитер гирокомпаса, указатель руля и экранчик радиолокационной станции. Здесь же торчали рычаги тифона и сирены, отливал надраенный латунию манипулятор вертикального руля. Прозаический рычаг был заменен традиционным штурвалом, пусть не деревянный, металлический, но штурвал. Над головой овальный вырез. Обычно в нём, возвышаясь из «лимузина» по грудь, стоит на крохотной откидной площадке командир.

Висела здесь рында величиной с небольшой церковный колокол и надраенная латунная доска с надписью «Подводная лодка Б-410» – и выбитым годом постройки. А над самой головой приварен турник. «Солнце» на нём не покрутишь, но подтянуться до подбородка можно вполне.

Под ногами я обнаружил настил со шпигатами, наподобие водосточных уличных решеток. При погружении из них поднимается в «лимузин» вода, при всплытии – уходит вниз. Сейчас же лишь ветер вырывается из темного железного подполья и неприятно задувает в рукава шинели.

И, наконец, самое главное. Здесь, в полукруглой черепушке обтекателя, находился комингс стального колодца, уходившего глубоко вниз, в подводные недра лодки. Над ним нависала толстенная литая крышка, закрытая на массивную защелку. Кольцевой торец колодца – «зеркало» комингса – и в самом деле отливал зеркальным блеском.

Я уже был наслышан, что «зеркало» – это (к нему прилегает резиновая прокладка крышки) священно. Никто не имеет права наступать на него. В этом обычае есть нечто большее, чем просто забота о чистоте поверхности стального торца, о герметичности верхнего рубочного люка. Она, эта блестящая окружность, венчает экипаж, словно общий нимб, словно тот магический «охранный» круг, какой описывал над собой щитом древний воин и очертя голову шел в бой. Зримая граница двух враждебных миров – подводного и поднебесного.

Я заглянул внутрь: глубокая стальная шахта прерывалась посередине, как раз в прочной рубке, перископной площадкой. В площадке зиял зев нижнего рубочного люка, и от него уходил вниз ещё один колодец, на дне которого – глубоко-глубоко – тусклый электросвет высвечивал красный кружок пола. На нём вдруг появился ещё меньший – белый, – и он стал расти, поднимаясь все выше и выше. Кто-то в белой фуражке взбирался по вертикальному трапу.

Из люка ловко вынырнул курносый офицер с кобурой на боку:

– Дежурный по кораблю лейтенант Симаков.

Симаков представился с небрежной молодцеватостью бывалого корабельного офицера. Однако ничто не скрывало двадцати трех симаковских лет.

Я сказал, что хочу осмотреть свою каюту, и мы спустились по шахтам обоих люков в центральный пост, а затем перелезли сквозь круглый лаз в водонепроницаемой переборке во второй отсек. Второй отсек похож на коридор купированного вагона, разве что отдвижные деревянные двери «купе» расположены по обе стороны прохода. Даже умывальник размещён по-вагонному – в конце коридора, у круглой двери в носовой переборке.

Я отыскал свою каюту по правому борту в середине отсека. Протиснувшись в крохотный тамбур, куда выходила ещё и дверь каюты старпома, я проник в тесную темную выгородку. Выключатель оказался почему-то в шкафу, точнее, в шкафчике чуть больше чемодана. Плафон скудно высветил мое подводное жилище.

Если разделить пространство большой бочки для засола капусты крестообразной перегородкой, то одна из верхних четвертей будет точной копией лодочной каюты. В этом смысле Диоген был первым подводником. Большую часть площади и объема занимал стол с массивной тумбой-сейфом. Между ним и полукруглой стеной прочного корпуса втиснут узкий дерматиновый диванчик. Даже при беглом взгляде на это прокрустово ложе становилось ясно, что оно никогда не позволит вытянуть ноги без того, чтобы не подпирать пятками и теменем переборки. Ложе поднималось, и под ним обнаружился рундук, довольно вместительный, если бы в нём не ветвились магистрали каких-то труб.

Разгибаясь, стукнулся затылком так, что чуть не рухнул вместе с диванной крышкой: с полукруглого подволока свисали два маховика. «Аварийная захлопка», – прочитал я на одной табличке. «Аварийное продувание балластной цистерны №...» – значилось на другой. Пришлось обернуть маховички кусками поролона.

Единственным предметом роскоши в каюте оказался замасленный туркменский коврик, прикрывавший деревянную панель над диваном. В панели обнаружились встроенные шкафчики. Осмотрев их, я извлек все, что досталось мне в наследство от предшественника – хвост воблы, тюбик со сгущенным глицерином, пуговицу с якорем, засохший фломастер, штемпель «Письмо военнослужащего срочной службы», игральную кость, пистолетную гильзу, дамскую шпильку, двадцать баночек с белой гуашью и диафильм «Кролиководство». Правда, в рундуке ещё оказался ворох бумаг и скоросшивателей. Но разбирать их было делом не одного дня. Целый месяц до моего назначения обязанности замполита исполнял доктор. Наверное, если бы мне довелось замещать его, медицинское хозяйство на корабле пришлось бы в ещё больший упадок.

По подволоку моей каюты в три слоя змеились трубопроводы различных толщин. В хитросплетения магистралей, заполненные пылью и таинственным мраком, чья-то хозяйственная рука, знающая цену любому уголку лодочного пространства, рассовала множество предметов. Находить их было так же увлекательно, как собирать грибы или вытаскивать из речных нор раков. Груда моих трофеев росла с каждой минутой – коробка шахмат, тропические тапочки, старый тельник, чехол от фуражки, томик Солоухина, пропитанный машинным маслом до желтой прозрачности. Несколько таких же, прошедших автономное плавание книжек стояло на полке за гидравлической машинкой клапана вентиляции. Все они были обернуты в чистую бумагу, видимо, для того, чтобы не пачкать при чтении руки.

В коридорчике раздались тяжелые шаги, скрипнула дверца, и в каюту заглянул тучный капитан 3-го ранга. Одутловатое красное лицо его излучало дружелюбие и живейший интерес.

– Здоров! Меня знаешь? Я тут до тебя жил. Ага! Он самый, Сергачев Иван Егорыч, бывший зам... Про тебя слышал... зашёл поглядеть, горьким опытом поделиться. Я вот погорел. «ДээМБэ» играю. Поеду в Петергоф директором парка культуры и отдыха. А что, плохо? Два зама: один по культуре, другой по отдыху. Должность мичуринская: лежи и слушай, как трава растет. А главное, свежий воздух не лимитирован – без фильтров, без регенерации... Н-да. Ты тоже соришь. Тут все горят. Но гореть надо красиво. Чтоб потом уходить... с повышением. Я, брат, сгорел некрасиво... Не жалею, не зову, не плачу...

С командиром ухо остро держи, а то подомнет.

Ты женат? Холостой. Это хорошо. Но баб бойся. От них вся погибель. Если кого заведешь – полная скрытность, как на боевой службе. В эфир, конечно, все равно выйдешь. И мой тебе совет: не люби там, где живешь... От амуров до аморалки – один шаг. Только до персонального дела не доводи. Ну ладно, будет с тебя...

Он перевел дух, расстегнул шинель и вытащил из внутреннего кармана плоскую стальную фляжку.

– Плесни-ка мне «шилца» на прощание.

Я пожал плечами и сказал, что спирт хранится в каюте у механика.

– Стратегическая ошибка! – воскликнул Сергачев. – Идем к меху. Мех у вас новый. Я с ним незнаком. Замолви словечко!

Мы вышли в центральный пост. Но тут в круглом лазе четвертого отсека показалась голова Абатурова, и Сергачев поспешно ринулся вверх по трапу в шахту рубочных люков.

Он исчез, оставив после себя густой запах «Шипра» и глухую тоску на душе.

Я вернулся к себе.

– Алексей Сергеевич! – Голос Симакова доносился из каюты старпома. – Кофию не хотите ль?

– С превеликим удовольствием.

В такой же тесной келье, как и моя, только ещё более загроможденной, со свисавшей с подволока электропечкой для сжигания водорода и какими-то аппаратами с самописцами, Симаков готовил кофе.

– Это, конечно, не мокко и не арабика, – приговаривал он, раскладывая по стаканам растворимый порошок, – но сделайте же скидку... – он повел плечом, приглашая обозреть окружающую среду, – на прочный корпус.

Я заметил сборничек Омара Хайяма, заложенный офицерской морской линейкой.

– Омар Хайям, – перехватил взгляд Симаков, – по психологии своей настоящий подводник.

– Вот как?!

– Он призывает к наслаждению мирскими радостями. Только подводники умеют ценить комфорт. И наслаждаться даже такими крохами, как эти.

Тут лейтенант выложил на стол парочку трюфелей, а я некстати вспомнил, что минер наш (уже наш!) пока ещё не побывал ни в одном дальнем походе.

– В чем переводе вы предпочитаете Хайяма? – Симаков поймал меня врасплох.

Я с трудом вспомнил только что виденную на титуле фамилию переводчика:

– М-м-м... Пожалуй, Жуковского.

– О, у вас своеобразный вкус. Я люблю в переводе Фитцджеральда.

Между делом выяснилось, что Симаков не очень-то силен в биографии Хайяма. Зато я в свою очередь оказался не так уж сведущ в генеалогии Стюартов, о которых речь зашла чуть позже. В отместку мне удалось уличить дежурного по кораблю в том, что он не делает особого различия между адвентистами седьмого дня и иеговистами. Тогда ему пришла выигрышная идея испытать мои познания в горнолыжном спорте...

Я понимал, что Симаков устроил мне самую откровенную проверку на «коэффициент интеллектуальности», и изо всех сил держал марку. Стало жарко то ли от горячего кофе, то ли от «конкурса капитанов»... Симаков давал понять, что он не лыком шит и что он очень и очень подумает ещё, прежде чем наделить меня моральным правом «учить жить» его, потомственного подводника, ВРИО командира минно-торпедной боевой части лейтенанта Симакова.

Кажется, мы остались довольны друг другом и своими «энциклопедическими» познаниями. Симаков даже обещал мне показать «нашу субмарину от передних крышек носовых торпедных аппаратов до задних – кормовых».

5

Я составлял свой первый лодочный документ – список дней рождения членов экипажа, когда в каюту снова постучался Симаков.

– Алексей Сергеевич, давайте я вам фуражку сделаю, – великодушно предложил он. – Уж очень она у вас нескладная. Со склада брали?

– Со склада.

– Родина дала, Родина и смеется...

Симаков – первая фуражка в экипаже, а то и в гарнизоне. На Симакове вообще нет ни одной покупной или казенной вещи. Вот уж кто, как говорят англичане, человек, сделавший себя сам. «Краб» на самодельной фуражке не алюминиевый, а золотого шитья; брюки скроены им самим; тужурка сшита на заказ; туфли модельные; галстук не с казенной застежкой-регат – из черного шелка и завязан большим узлом; звездочки на погонах не пупырчатые алюминиевые, а точенные из латуни; пуговицы не штампованные, а старинные – дутые. Даже синий ромбик, училищный знак, и тот сработан неким мастером – не отличишь от настоящего, причем герб искусно выпилен из двухкопеечной монеты.

Лейтенант принялся за дело. Он быстро стянул белый чехол и лихо откромсал ножницами марлевые поля.

– Надо вам на заказ сшить. Есть тут один маэстро. Я вас к нему свожу...

Симаков обрезал подлобник тульи, выковырял весь ватин и со сноровкой заправского портного стал приметывать к вершине огузка стальной обруч.

– Сшит колпак не по-колпаковски, – приговаривал он при этом, – надо колпак переколпаковать и выколпаковать...

Но тут Симакова срочно вызвал старпом, и я остался наедине со своим недовыколпаченным колпаком. Я попытался натянуть чехол на распорный обруч. Не тут-то было! Гибкое стальное кольцо никак не хотело влезать ни в чехол, ни в фуражку. Когда мне удалось наконец впихнуть обруч внутрь околыша, команда уже строилась на причале. Верх фуражки являл, к моему ужасу, выпукло-вогнутую поверхность римановской геометрии. Я попробовал перевести его в эвклидову плоскость – обруч выгнулся, и фуражка превратилась в изящную бонбоньерку.

По коридору раздавались шаги командира, а я все пытался вернуть головному убору былую уставную форму. Фуражка с непостижимой быстротой превращалась в драгунский кивер, в кармелитскую панаму, в «рогатувку» польского гусара, в шаманский бубен, в академическую ермолку, в пяльцы вышивальщицы, в картуз деревенского гармониста, в берет карточного валета...

– Алексей Сергеевич! – крикнул из коридора командир. – Жду на причале. Команда построена.

– Да-да. Иду. Поправлю только чехол.

Я остановил свой выбор на жалком подобии нахимовской фуражки, в какой обычно щеголяют новоиспеченные лейтенанты: тулья залихватски заломлена; задник приподнят кверху, – и догнал Абатурова. Конечно, встречают по одежке, но проводы ещё не скоро...

Глава вторая

1. Башилов

Если бы я знал, чем станет для меня этот хмурый мартовский день, я бы запомнил его во всех мелочах. Но мелочи забылись. Осталось главное – этим утром мы грузили боезапас в корму. Говоря проще, засовывали торпеды в кормовые аппараты своей родной «Б-410». Дело это весьма ответственное и столь же нудное. Играют боевую тревогу: «По местам стоять! К погрузке боезапаса!» Задраивают все люки, отдают носовые швартовы, и лодка, выбросив фонтан брызг, притапливает нос так, что якорный огонь уходит под воду и брезжит оттуда тусклым пятном, а рубка смотрит лобовыми иллюминаторами прямо в черную глубину, будто субмарина тшится разглядеть там что-то. Острохвостая корма ее при этом поднимается из воды, обнажая сокровенные ложбины волнорезных щитков. Щитки вместе с наружными крышками торпедных аппаратов втягиваются внутрь легкого корпуса, и тогда ощериваются алые жерла торпедных труб. В них-то и надо засунуть нежную смертоносную сигару длиной с телеграфный столб. Для этого нужны ясная погода, понтонный плотик, крепкие руки и точный глазомер. Все это было, но, как назло, заела крановая лебедка, и торпеда зависла над узкой щелью меж пирсом и корпусом. И старший помощник командира капитан-лейтенант Симбирцев пожелал много нехорошего капризной лебедке, бестолковому матросу-крановщику и его маме...

Мы смотрели на злополучную торпеду, как она, покачиваясь на тросе, поводит тупым рылом то в сторону лодки, то в сторону плотика со страхующими минерами. И когда на причале появилась женщина в красном полупальто, все по-прежнему не отрывали глаз от торпеды, будто замороженные ее плавными поворотами. Но я нечаянно обернулся.

Она прошла шагах в десяти, не заметив нашей опасной суеты, не видя нас и не слыша ни ревунов крана, ни яростных матюгов минера, понукавшего зависшую торпеду, ни воя сирены застрявшего в тумане буксира.

«Опасно! Опасно! Опасно!» – кричали красный сигнальный флаг «Наш» над рубкой, алый низ вздыбленной кормы, оранжевый жилет страхующего матроса, красная боеголовка зависшей торпеды. И красное полупальто незнакомки било в глаза все тем же тревожным цветом.

Бывает красота неяркая, мягкая; бывает броская, вызывающая, хищная. Она была безоговорочно, упоительно красива – не отвести глаз. И даже зависшая на тросе торпеда, казалось, поворачивала ей вслед удивленную тупую морду.

Она шла легко, горделиво неся бремя своей красоты. Узконосые сапожки на тонких каблуках переступали через обледеневшие швартовы, через втаявшие в снег кабели зарядных кабелей, через отдраенные морозом рельсы железнодорожного крана...

Она шла мимо ржавых торпедоболванок, мимо черных фидерных ящиков, заиндевелых баков лодочных аккумуляторов, кряжистых чугуновых палов, мимо торчащих из овчин постовых тулупов автоматных стволов, которыми, сами того не желая, провожали ее вахтенные у трапов подводных лодок...

Она шла, и фиолетовое пламя сварки вспыхивало в бриллиантовых должно быть сережках. Она попадала в тень – и превращалась в прямой строгий силуэт, она пересекала луч прожектора – и вокруг нее загорался неверный ореол неверного света, искрился мех воротника и шапки, и снова она гасла, становясь стройной быстрой тенью. Она исчезала в дымах и парах гудящего подплава, чтобы тут же возникнуть из белесого облака, из провальной тени, из клок нерассеянной ртутными лампами ночи.

Она шла мимо дремлющих у причалов лодок, и черные узколобые черепа рубок впивали в нее желто-электрические зрачки лобовых иллюминаторов. И странно, и радостно, и тревожно было видеть ее среди морского военного смертоносного железа, видеть шествие женщины в исконно мужском заповедном мире.

– Ну что, Сергеич, – перехватил мой взгляд старпом, – работаешь в режиме АСЦ?

АСЦ – это автоматическое сопровождение цели. Шутка мне совсем не понравилась. Но я напустил на себя вид бывалого волокиты и спросил как можно небрежнее:

– Кто такая?

– Людка Королева. Начальница над гидрометеомутью...

«Людка» – резануло слух, но зато фамилию Симбирцев произнес – или мне послышалось? – не Королёва, а Королева. И эта оговорка вернула все на свои места. Мимо нас прошла Королева. Королева Северодара, коронованная восхищенными взглядами и злыми наветами...

Лучше пробоина в борту, чем баба на корабле. Однако зависшая торпеда не выскользнула из бугеля и не сорвалась в воду, не задела мичмана Марфина, так некстати вылезшего из кормового люка; и матрос Жамбалов, поскользнувшись на пирсе, не выронил из рук пластиковую кокору с запалом, и та не скатилась с настила в море; и командир эскадры контр-адмирал Ожгибесов, проезжавший мимо в черной «Волге», не заметил двух наших великовозрастных дурил, вздумавших катать друг друга на торпедной тележке; и железнодорожный кран не поддал на ветру своим пудовым гаком по хвостовине последней торпеды с ее взведенными винтами и хрупкими рулями... Ничего этого не случилось, не стряслось, не произошло. Быть может, она из тех редких женщин, что не приносят кораблям беды?

Прекрасное видение вскоре исчезло и забылось в привычной эскадренной суете. Минер записал в вахтенный журнал номер последней принятой торпеды, и тут же в гавани объявили «ветер-три». Мы дружно вздохнули: успели! Теперь можно было спокойно расстаться с дефицитным плотиком и грузить торпеды в носовой отсек.

2

...Длинное тупоглавое тело торпеды, похожее на гигантский фаллос, наклонно и медленно входило в обложенный подушками зев носового люка. Лейтенанту медслужбы Молоху, лодочному врачу, даже показалось, что подводная лодка чуть просела в воде, как кобылица под жеребцом. Дьявольская случка дьявольских машин...

Смертоносный снаряд ростом с телеграфный столб медленно сползал по лотку, удерживаемый лишь тросом, закрепленным с хвоста. У погрузочного люка лодочный минер лейтенант Весляров с двумя матросами, словно заботливые акушеры, встречали это нежное машинное дитя, способное разворотить любой корабль.

– Доктор! – гаркнул с мостика командир. – Где твое место?

Молох вздрогнул. Так кричат собакам: «На место!» Конечно, нервы у командира перенапряжены... Конечно, его докторское место не на пирсе, а в кают-компании, где по боевой тревоге разворачивается КП медицинской службы... Но все же одергивать так при матросах – солдафонство.

Корабельный врач сбежал по сходне на корпус, вниз в овальную дверцу рубки, обогнув ее с кормы, чтобы не мешать торпедистам, крутившим ручки лебедки, резво поднялся на рулевую площадку, где зиял распахнутый входной люк, похожий на глубокий колодец, разве что стальной и без воды. Над ним, на откидной подножке стоял командир. Он возвышался как монумент – величественный, грозный и красивый в своем опасном мужском деле.

«Он прав, – подумал Молох, – я собака. Я хуже собаки. Я подонок...» – и нырнул под нависавшие над рубочной шахтой железные подошвы Командора.

Во втором – жилом аккумуляторном отсеке – Молох, как был в заснеженной шинели, так и лег на свою нижнюю койку. Он лежал в полутьме офицерской четырехместки и, прислушиваясь к грому матросских сапог, топтавшихся по палубе как раз над ним, взывал к надмирным силам: «Пусть, пусть оборвется трос и торпеда взорвется, пусть взорвутся все торпеды на этом чертовом корабле, пусть меня разнесет в клочья, в дым, если я и в самом деле такая сволочь!»

Но ведь всякий бы, кто узнал, что произошло сейчас в квартире командира, в его спальне, на его ложе, мог бросить Молоху: «Ну и сволочь же ты, док!»

«Но я ни в чем не виноват! Я не хотел этого! Она сама... – умолял Молох небо. – Если я виноват, пусть сейчас же рванет торпеда и весь мир летит к черту!».

3

После завтрака командир подводной лодки «Б-410» капитан 3-го ранга Абатуров заглянул в офицерскую столовую, отыскал глазами своего доктора. Молох перехватил его взгляд и, оставив недопитый чай, тотчас же поднялся из-за стола.

– Док, закончишь завтрак, сбегай ко мне домой, посмотри Катерину. Похоже, у нее ангина начинается, а ей послезавтра в Питер.

С подобными просьбами к лейтенанту медицинской службы не раз обращались семейные офицеры корабля, и он безотказно пользовал жен, детей, а однажды даже овчарку инженера-механика, когда та сломала лапу. Благо, все это давало хоть какую-то лечебную практику, поскольку у настоящего подводника, как любил повторять старпом, могут быть только три болезни: перелом ноги, триппер и похмельный синдром.

Молох собрал врачебный чемоданчик и поднялся на Комендантскую сопку, где во сто окон смотрел на Екатерининскую – Катькину – гавань абатуровский дом. Жена командира, столичная штучка, изредка наезжавшая в Северодар, встретила его в белом махровом халате и провела в спальню, завешанную коврами и самодельными чеканками на латунных листах. Молох видел ее лишь дважды – на концерте в Доме офицеров и на вечеринке у старпома, но она приняла его как старого знакомого и сразу же перешла на «ты», хотя у Молоха язык не поворачивался тыкать красивой женщине, к тому же старшей его года на три.

– Доктор, нет у меня никакой ангины, – предупредила она с ходу. – Меня другое тревожит. Я боюсь, не меланома ли у меня?

– Меланома? – удивился Молох. Определить злокачественность этой небольшой опухоли-бородавки, «черной смерти», как называли ее древние греки за неостановимую скоротечность, мог только специалист-онколог.

– Вот, посмотри.

Она развязала пояс и распахнула халат. Ослепительная нагота женского тела ударила доктору в глаза. Но он изо всех сил заставил себя сосредоточиться на черной родинке величиной с кофейное зерно, прилепившейся в правой паховой складке. На минуту профессиональный интерес затмил было взывавшую кровь. Он – врач, перед ним – пациентка. Пальцы его довольно бесстрастно легли – одно на бедро, головокружительно округлое, гладкое, мягкое, другие погрузились в тугую поросль венериного холмика и слегка раздвинули складку. То была самая обыкновенная родинка, о чем он и сообщил мнительной пациентке.

– Господи, как ты меня обрадовал! – воскликнула Катерина, запахиваясь не спеша. – Гора с плеч. Я тут чего только не передумала... Идем, я тебя кофейком угощу. С коньячком.

Но у него и без кофе с коньяком сердце колотилось пребешенно. Черный треугольник женского паха стоял в глазах, точно его выжгли на сетчатке. Дьявольское тавро...

Она разлила грузинский коньяк по крохотным рюмочкам и, не дожидаясь, когда зафырчит, забулькает гейзерная электрокофеварка, они выпили за здоровье очаровательной пациентки. Он так и сказал – моей самой очаровательной пациентки.

– Спасибо, док, – кокетливо склонила она голову к плечу и осушила рюмочку.

Что было дальше? Да, что было дальше...

После третьей рюмки коньяка, разумеется, за тех, кто в море, в нем проснулся обычный охотник на женщин. Он не сводил глаз с ее недораспахнутой груди, дразнившей взгляд началом волнующих линий, которые где-то там под непроницаемо белой махровой тканью сходились в два острых наверхия.

Катерина уже не была пациенткой, но оставалась женой его всевластного в море начальника, вершителя его корабельной судьбы.

Табу!

После четвертой рюмки, вылитой в чашечку крепчайшего кофе, исчез и этот последний барьер. Впрочем, исчез еще и потому, что Молох безошибочно прочитал и ее, сначала благосклонный, затем поощряющий, и наконец – призывный взгляд. Она тоже не видела в нем ни доктора, ни подчиненного мужа... «Ты нравишься мне, мой черновласый широкоплечий гость. Ты – мужчина, с которым мне приятно пить кофе и вместе хмелеть от коньяка... Ты – мужчина...» «Ты мужчина...» – выбрасывали из-под тяжелых от краски ресниц ее глаза. – «Ты – мужчина... Ты нравишься мне» – посылая она ему свои женские токи, и он принимал их, обмирая в подздоши, пытаясь унять сладкую дрожь в коленях светской болтовней, мелкими сигаретными хлопотами с пепельницей и зажигалкой.

– Я уезжаю послезавтра домой, в Питер, – сообщила она, поигрывая незажженной сигаретой. Он чиркнул зажигалкой и зажег огонек. – Уезжаю навсегда... Я хочу тебя... – сказала она и взяла его за руку, она поднесла его руку вместе с зажигалкой к сигарете, прикурила и оборвала весьма двусмысленную паузу, – ...видеть в Питере. Запиши телефончик.

Молох записал на обложке эскадренного пропуска, с трудом удерживая ручку в похолодевших чужих пальцах. Он ответил ей тем же:

– Я хочу тебя... – сказал он, сунув в губы сигарету и прикурив от ее изящного дамского «ронсона», – ...осмотреть тебя еще раз. Я не онколог. Мне надо быть уверенным, что я не обману тебя.

– Хорошо, – томно выдохнула она сиреневое облачко. – Докурим – и осмотришь.

Надо было слышать, с каким придыханием это было сказано. Это было не просто согласие, но обещание, зов... Докуривали они молча. Докуривали они торопливо, то и дело поглядывая на остатки своих сигарет. Так минеры посматривают на концы тлеющих шнуров – скоро ли до взрыва?

Она первой притушила свою сигарету, не докурив ее и до середины. Он тут же вмял в пепельницу свой окурочок.

– Пойдем, – позвала она и вошла в спальню, развязывая по пути пояс халата...

4

– Товарищ командир, последняя пошла! – радостно крикнул лейтенант Весляров, провояжая взглядом повисшую на стропе торпеду. Абатуров поморщился. Как и все подводники, он терпеть не мог слова «последний».

– Весляров! – отозвался баритон старшего помощника. – Последний стакан «шила» тебе перед смертью нальют! Ты меня понял, зелень подкильная?

– Усек, Георгий Васильевич! – все так же радостно согласился командир торпедной группы. – Восемнадцатая пошла! Заводской номер...

И охнул. Восемнадцатая не пошла, а поехала, заскользила по лотку, ринулась, понеслась в люк, в отсек башкой вниз, взрывателем – в стальную палубу...

Трос лопнул со звуком гитарной струны. Лопнул трос, на котором торпеду осторожно – по сантиметрам! – спускали по лотку. Лопнула подвеска абатуровского сердца, и оно покатилося вслед за торпедой – в бездну...

Он успел лишь подумать, что в отсеке семнадцать торпед: шесть в аппаратах, одиннадцать на стеллажах и четыре в корме...

Он успел оторвать глаза, чтобы схватить взглядом последний миг мира, который исчезнет вместе с ним...

И все, кто стоял у лотка и на мостике, невольно сделали то же самое. Они все посмотрели на берег. Он был рядом. И с мостика хорошо было видно праздничное столпотворение на Комендантской сопке. Даже медные вздохи духового оркестра долетали... Город встречал Первое Солнце года. Город встречал свое последнее солнце...

Торпеда на секунду задержалась в люке, чтобы в следующую – сверзиться...

Капитан-лейтенант Башилов поймал взглядом обрывок троса, свившийся в свиной хвостик под винтами торпеды.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть взрыва.

Абатуров и Симбирцев успели подумать об одном же: «Буки-37». Когда у этого же, Шестого, причала рванул боезапас на «Б-37», на крыши города обрушился железный град. С неба летели осколки чугунных баллонов, куски прочного корпуса, обломки торпед, размочаленные бревна причала...

Во всех домах, стоявших окнами к Екатерининской гавани, вылетели стекла. Длинный лодочный баллон ВВД пробил, словно авиабомба, крышу Циркульного дома, влетел в чью-то кухню и застрял в потолке. Яростный свистящий шип двухсотатмосферного воздуха разорвал ушные перепонки жене эскадренного финансиста.

Абатуров был тогда лейтенантом. Он шел к Шестому причалу, чтобы одолжить у минера с «Б-31», у своего однокашника, червонец до «дня пехоты». Взрывная волна, прокатившись по причальному фронту, подняла его в воздух – он и сейчас помнит это странное ощущение жутковатого восторга, с каким летел он – спиной вперед – над дощатым настилом, как трепыхались полы шинели, словно черные крылья, как счастливо ухнул не на бетон и не на железо – в воду гавани...

Тело друга вырезали потом автогенном из завернувшегося в рулон стального листа...

Симбирцев же проходил курсантскую стажировку на злополучной «Букашке». За час до взрыва доктор, зав. столом кают-компании, послал его в город закупать чеснок в «Овощах и фруктах». Стекло витрины вышибло сразу – оно распласталось у ног курсанта и разлетелось в тысячу кусков...

Тогда они были спасительно далеко от эпицентра. Сейчас огненный вулкан должен был вздыбиться у них под ногами. Жизнь не пронеслась перед глазами, как это случается с погибающими. У них не было на это времени. Жалких мгновений, отпущенных им до взрыва, едва хватало на то, чтобы перед глазами каждого встало его последнее утро...

За пять минут до «Повестки» Симбирцев в третий раз за ночь заставил Галину исторгнуть сладостный стон любовного изнеможения. И тут эскадренный горнист завел над гаванью печально-тягучую песню «Повестки» – сигнала, возвещающего, что до подъема флага осталась четверть часа. Симбирцев вскочил на ледяной пол, в мгновение ока натянул тельник, брюки, ботинки... Старпом ни при каких обстоятельствах не имеет права опаздывать на подъем флага...

– Уходишь? – истомленным голосом спросила она. Вместо ответа он нежно вытер любовную испарину с ее неостывших ягодичек.

– Опять на полгода? Господи!.. – Галина, чужая жена, впрочем, теперь уже не чужая, а бывшая жена штурмана с плавбазы, оперлась на локоть, наблюдая сверхскоростные сборы возлюбленного. Надеть китель она ему не дала – потянула со стула за рукав, прижала к лицу.

– Оставь мне хоть китель. Он тобой пахнет!

– Лодкой он пахнет, – усмехнулся Симбирцев. – Соляром, этинолем, суриком...

– Оставь! – она свернула китель в куклу и положила под бок. – С ним буду спать.

Старпом посмотрел на часы – до построения экипажа оставалось десять минут.

– Забирай! – он натянул шинель на тельняшку, прикрыв голый ворот черным шарфом. –

Дай только документы выну.

– Может быть, я успею яичницу приготовить?

– Не успеешь.

Симбирцев достал из холодильника сырое яйцо, надбил его и, крикнув от омерзения, выпил залпом. Завтрак занял пятнадцать секунд. Поцеловал на прощание руку.

– Не поминай лихом!

– С Богом!

– Может, еще выход отменят, – неуверенно пообещал Симбирцев и обвалью ринулся по лестнице, сбегая с пятого этажа. Прихрамывая на ногу, вывихнутую в любовном поединке, он вышел к экипажному строю.

– Смирно!

Дежурный по кораблю лейтенант Весляров рубил шаг ему навстречу. Командира еще не было.

Успел-таки!

Новый зам «410-й» капитан-лейтенант Башилов проснулся от холода. «Золотая вошь» – офицерская общага, устроенная в срубе бывшей норвежской кирхи, – даже в самые лютые морозы отапливалась лишь жаром молодых тел, иногда подогретых лодочным спиртом. К утру замерзала в тюбиках зубная паста, поэтому утро в башиловской комнатке-«четырёхместке» начиналось с того, что кто-нибудь (по графику) пока другие дрыхли под заиндевевшими шинелями, наброшенными поверх одеял, поджигал на ледяном полу газету и орал:

– Подъем!

Пока пламя пожирало «Красную звезду», они успевали одеться, дорожа каждой секундой недолгого тепла. В этот раз Башилов замешкался: в шкафу не оказалось брюк. Новеньких черных брюк, в кои-то веки сшитых на заказ, к тому же у лучшей брючницы военторговского ателье.

– Старик, я забыл тебе сказать, – заметил растерянность соседа штурман со «сто пятой». – Робик Туманян прожег вчера свои клеша кислотой и надел по экстренному сбору твои. Не бери в голову. Вернется – отдаст.

– А когда он вернется?

– Да у них короткая автономка. Всего шесть месяцев. Под Фареры елозить пошли...

Правила хорошего тона обитателей «Золотой вши» не допускали в таких случаях никаких возмущений. И глубоко вздохнув, Башилов облачился в казенную лодочную рванину, в пятнах тавота и сурика.

Завтрак, которому выпадало стать последней трапезой в его жизни, состоял из стакана жидкого столового чая и горбушки белой буханки, намазанной коровьим маслом. Башилов никак не мог привыкнуть к тому, что весь флот завтракал так испокон веку.

«Боже, и когда же кончится это прозябание?»

Вот и кончилось...

Капитану 3-го ранга Абатурову приснился сон, который снился ему не первый год и перестал уже удивлять. Как всегда в этом сне, на край его постели присела дама в шелестящем черном платье» – взволнованная, порывистая, счастливая. Она приподняла вуаль, наклонилась с улыбкой и осторожно нашла жаркими губами его губы.

Она целовала медленно, сладостно, томительно, и с каждой секундой ее большие мерцающие глаза становились все серьезнее и серьезнее. Он потянулся обнять ее, и она исчезла, как исчезала всегда.

В жизни Абатурова никогда не было такой женщины, как не было ее и в его воображении.

И еще он заметил, что всякий раз после визита черной незнакомки на лодке случалось несчастье. Так было под Бизертой, когда они провалились за предельную глубину, так было на Фареро-Шетландском рубеже, когда в шестом отсеке загорелась ходовая станция правого электромотора, так было в прошлую автономку, когда электрика Киселева убило током.

Так было и сейчас.

Торпеда летела в отсек лобовым взрывателем вниз!..

У, стерва! Накликала...

5

Оркестр из главных корабельных старшин-сверхсрочников наяврил «Летку-Енку». Мимо гигантского снеговика, воздвигнутого арестантами с гауптвахты, облепленного гарнизонной детворой, мимо облупленной балюстрады Циркульного дома, заполненной северодарской знатью и зваными гостями из флотской столицы, толкло мокрый снег пестрое языческое шествие. Во главе его катил грузовик с откинутыми бортами. В кузове на задрапированной «разовыми» простынями политотдельской трибуне стояла стройненькая секретчица особого отдела в бывшем свадебном платье своей подруги, которая изображала у ее ног Царевну Лебедь с накрахмаленными марлевыми крыльями.

За грузовиком ехал мотоцикл военной комендатуры; за спиной водителя в черной кожанке с комендантской повязкой восседал Волк из популярного мультфильма, а в коляске трясся Заяц-матрос. Волк в лодочной куртке-«канадке» норовил ухватить Зайца за фланелевые уши. То же пытались сделать и школяры, бежавшие рядом с мотоколяской.

Девахи с хлебозавода, выселенные в Северодар из столицы за древний женский промысел, кружили в картонных кокошниках озорной хоровод, затаскивая в него из толпы зазевавшихся знакомцев...

Вся эта крикливая процессия поднималась на Комендантскую сопку, где на старом перископном стволе, поставленном вместо ярмарочного шеста, бился в клетке петух, где с лотков торговали шашлыками, пирогами, блинами и военными мемуарами, где матросы-казахи, обряженные русскими бабами, поили публику из дымящих самоваров зеленым, по случаю временного дефицита, чаем, где громоздилось готовое к сожжению чучело Старухи-Зимы и где встречала гостей с ледяного трона, отлитого все теми же матросами-арестантами, Снежная Королева – самая красивая женщина Северодара – Людмила Королева...

6

Лейтенант Весляров, бузотер и любитель поддать, не отправленный на гауптвахту лишь потому, что в марте она работала в «матросском режиме», успел швырнуть в просвет между люком и телом торпеды деревянный клин. Сосновая древесина с хрустом вмялась в сталь горловины. Смертоносный снаряд чуть замедлил свое убийственное скольжение...

– Матрас! – закричал Абатуров с мостика. – Матрас подложите!

– Матрас!!! – гаркнул Весляров в торпедопогрузочный люк.

Но все матрасы из носового отсека еще с утра отправили на дезинфекцию. Мичман Белохатко, сорокалетний крепыш, обвел отсек взглядом и, не найдя ничего, что могло бы смягчить удар трехтонной сигары, зло матюкнувшись, лег под люк. Тупое рыло торпеды уставилось ему в спину, обтянутую измасленным кителем.

Клин, брошенный Весляровым, сбил плавное убыстряющееся скольжение – торпеда пошла рывками. Казалось, предсмертная судорога сотрясает длинное тело темно-зеленой хищницы: рывок, рывок, рывок...

Сердце Абатурова прыгало так же... Мозг его со скоростью ЭВМ выдал радиус сплошного поражения при взрыве восемнадцати сдетонировавших торпед...

Башилов расстегнул верхнюю пуговицу кителя и привалился к перископной тумбе.

Мимо с визгом, приплясом, переливами гармошки шли ряженые вокруг сопки, нависавшей над гаванью гранитным стёсом. Снежная Королева, скатав снежок, запустила им в сторону лодки. Снежок упал в воду, вспугнув чаек.

«Все это было бы уже без меня», – подумал Башилов и с любопытством огляделся по сторонам. Мир стоял незыблемо, как гранитные скалы гавани.

Глава третья

1

Командир эскадры контр-адмирал Ожгибесов решал в послеобеденной тиши кабинета весьма деликатную проблему: как и где назначить тайное свидание подруге любовницы, соблюдая при этом такую скрытность, чтоб ни один сторонний глаз, начиная от всевидящего ока жены, кончая рентгеновским взором начальника особого отдела и не менее могущественной в женском мире гарнизона его давней пассии Азалии Сергеевны, – ни одна душа не смогла бы о том проведать. Разумеется, Ожгибесов отдавал себе отчет, что обманывать сразу двух (двух ли?) женщин весьма недостойно в его летах и при его должности старшего морского начальника Северодара.

На Страшном суде, а он виделся Виктору Викторовичу только в образе парткомиссии флота, он мог сказать в свое оправдание только одно: виноват, больше не повторится – это последняя, закатная любовь.

Вот она! Ее везут к нему под окна, будто нарочно, чтобы лишний раз подразнить сердце старого женокрада. Потешное шествие свиты Снежной Королевы огибало колоннадный особнячок штаба эскадры и поднималось по Главной улице на вершину Комендантской сопки.

Старуху Зиму, по распоряжению Ожгибесова, соорудили, за неимением в Заполярье соломы, из щепы, стружек и планок на заводе по ремонту атомомобилей. Зажечь ритуальный костер предстояло Юной Весне, в пышно батистовый наряд которой, как всегда, была убрана самая красивая девочка северодарской школы, дочь командира подводной лодки Катя Крикуненко. Одета поверх белого платья в гуцульский полушубочек, она стояла на автотроне Снежной Королевы среди пенопластовых льдин с Королевой же – в мантии из фольги, выпотрошенной из снарядов для постановки радиопомех.

Об этой женщине Ожгибесов знал все, что только смог узнать от Азалии Сергеевны, ее приятельницы и начальницы, директрисы музыкальной школы, и начальника особого отдела полковника Барабаша. Вся информация была получена под благовидным предлогом: Азалия Сергеевна рекомендовала Людмилу Ивановну Королеву в качестве домашней учительницы музыки для дочерей адмирала.

– Что за птица такая? – спрашивал Ожгибесов у Барабаша, озабоченно хмуря брови. И начальник особого отдела докладывал, предварительно заглянув в свою легендарную досьекартотеку:

– «Королева Людмила Ивановна, русская, двадцать пять лет, беспартийная, уроженка города Петропавловска, окончила гидрометеотехникум и музыкальное училище. В Северодаре шесть лет. Имела допуск для работы в торпедно-технической базе лаборанткой, в настоящее время преподаватель музыкальной школы. Была замужем за командиром подводной лодки «буки-сорок» капитаном 2-го ранга Королевым, детей нет. Личная жизнь: поддерживает отношения с дирижером эскадренного оркестра майором Доренко, командиром батареи ПВО капитаном Семеновым и командиром подводной лодки «Б-34» капитаном 2-го ранга Медведевым. В настоящее время связь с последним наиболее регулярная».

– Что значит «связь»? – не без легкой ревности уточнил Виктор Викторович.

– В том смысле, что он чаще других бывает у нее дома. А уж чем они там занимаются – это можно выяснить особо.

– Спасибо, Матвейч, за исчерпывающую информацию. Хоть одна служба работает у нас как положено.

– Я вам без бахвальства скажу, – расцветал польщенный Барабаш, – кого ни назовете в Северодаре, я вам всю его подноготную выдам. И без компьютера!

Словом «подноготная» начальник особого отдела, как и большинство его коллег, обозначал весьма неудобное в произношении понятие – «духовный мир человека», не говоря уж про такую заумь как «микрокосм».

2

Ожгибесов подошел к высокому итальянскому окну (итальянскому! Сподобилось же кому-то выстроить здание штаба в стиле геновского палаццо и где – в Заполярье!), чтобы получше рассмотреть Снежную Королеву.

Хороша!

Озорно улыбаясь, Королева бросала в толпу снежки, забыв про царственное достоинство. При каждом взмахе она изгибалась с изяществом амазонки и посылала белый комочек не поженски сильно и ловко. Один из них полетел в сторону штаба и ударился в будку часового.

«Нет, есть и в нашей дыре штучки не хуже столичных! – порадовался Ожгибесов. – Хороша, чертовка! Вылитая Людмила Сенчина!»

Через четверть часа эта красавица будет вручать ему каравай-солнце. Ему, властителю сего града, который он только что назвал «дырой», но не позволил бы этого сделать никому другому...

Два телефонных звонка взрезали тишину адмиральского кабинета. Вызывали красный – московский – аппарат, и черный – эскадренный.

– Минуту ждать! – сурово бросил он в черную трубку. – Контр-адмирал Ожгибесов слушает! – молодежато доложил он в красную.

Звонил офицер-порученец из приемной главнокомандующего Военно-морским флотом капитан 1-го ранга Морозов. Когда-то он был помощником на лодке Ожгибесова, теперь – опорой и надеждой его в главкомате, или на языке северодарских остряков – «волосатой рукой в Москве».

– Приветствую, Виктор Викторович! Только что получили РДО от твоей «единички» в Александрии. (В Александрии в среднем ремонте стояла подводная лодка «Б-40»). Читаю: «Ввиду ультимативного требования новых египетских властей покинуть порт в течение суток и угрозе захвата корабля силой, подготовил ПЛ к взрыву. Прошу указаний. Капитан 2-го ранга Королев». Вот такие пироги. Перешли-ка мне список личного состава. Если что... будем представлять весь экипаж к правительственным наградам...

«Посмертно», – добавил про себя Ожгибесов то, что не произнес Морозов.

– Список передам сегодня же. Есть ли надежда, что все уладится без взрыва?

– В том случае, если Королеву успеют передать шпонки для гребных винтов. Принимаем меры. Буду держать тебя в курсе. До связи!

Ожгибесов опустил красную трубку, взял черную.

– Товарищ адмирал, оперативный дежурный по эскадре капи...

– Что стряслось?

– На «Б-410» заклинило в люке торпеду. Инерционные предохранители, по-видимому, сняты с действия.

– Где она стоит?

– У Шестого причала.

– Гоните ее на внешний рейд. Буксиру-спасателю – готовность к выходу.

– На рейде волнение в три бала.

– А вы хотите экспериментировать в гавани? «Б-37» забыли?

– Вас понял, товарищ адмирал.

– Выполняйте!

– Есть.

Ожгибесов потер седеющие виски. Эх, не зря к его эскадре прикипело прозвище «дикая». Впрочем, за пять лет командования он привык к неожиданным и всегда пренеприятным вводным.

Первым порывом было немедленно мчаться на место происшествия. Но удержался. Его появление лишь наэлектризует обстоятельства. А там сейчас нужны спокойные нервы. Абагурову хладнокровия не занимать. Волевой мужик.

Настольные часы в дубовом футляре – германский трофей – торжественно возвестили, что адмиральский час – блаженное послеобеденное время – истек. Начиналась служба – бешеная, нервная, всегда готовая рвануть либо взрывом начальственного гнева, либо взрывом трюта, а то чего и похлеще...

Адъютант осторожно заглянул в дверь.

– Звонят из горисполкома, спрашивают, будете ли вы на Празднике?

«А пошли они к...» – едва не сорвалось у Ожгибесова, но, вспомнив, какая женщина будет вручать ему каравай и, возможно, он ее при этом поцелует, Виктор Викторович потянулся к фуражке. Будь что будет! Может, последний поцелуй в жизни.

– Скажи – выехал!

В машине он посмотрел на часы: «Управлюсь минут за десять». Тревожная мысль: «рванет или не рванет на четыреста десятой» вдруг сменилась другой проблемой: целовать всенародно Снежную Королеву или нет. С одной стороны, вроде как ритуал, с другой, Азалия – она там наверняка – и так уже кое-что себе смекает. У этих татарок кошачья интуиция...

«Нет. Не стану целовать. У нас еще будет время».

Странная женщина: бывший муж сидит на mine с тикающим механизмом, другой ее поклонник, того и гляди, взлетит на воздух, а она веселится на весь город. Взрывоопасная женщина! Странно и то, что он – градоначальник и командир эскадры, загнанный в просвет между двумя взрывами, всерьез решает: целовать – не целовать...

Он поцеловал ее... Не удержался! Принял из Людмилиных рук огромный каравай с наклепанными поверху кривоватыми лучами, передал кондитерское изделие адъютанту и трижды под радостный рев зрителей приложился к нарумяненной, но холодной щеке – воистину Снежная Королева. Краем глаза заметил, как Азалия поджала губы.

Сказав несколько приветственных слов, рванув шнур фальшфейера, Ожгибесов передал пылающий факел Юной Весне. Та подожгла стружки под чучелом Старухи Зимы, и оранжевое огнище взвилось выше столба, с петушиной клеткой на вершине. Петух заорал, подзадоривая первого пытателя счастья – мичмана-крепыша, который, бросив на снег китель и поплевав на ладони, резво полез по шесту...

Ожгибесов вскочил в черную адмиральскую «Волгу».

– На шестой причал!

Глава четвертая

1

А в Москве весна плавилась последний снег по задворкам, уже вовсю парил на припеке влажный асфальт, и помощник флагманского механика Третьей бригады подводных лодок капитан 3-го ранга Дубовский весьма пожалел, что прилетел в столицу в шинели, а не в легком флотском пальто. Тяжелую шинель с чернокаракулевым воротником – северофлотский шик! – он решил оставить у земляка-белоруса в Техупре, у него же взять летнее пальто и лететь в Гродно налегке.

Отпуск!

Ему «простили» не отгулянный месяц за прошлый год. А в позапрошлом лето его отозвали из флотского санатория в Хосте, дав насладиться январским снежком на курортных пальмах всего две недели. Но теперь-то уж он возьмет свое – черта с два телеграммы из Северодара отыщут его на хуторе под Сморгонью в Гольшанской пуще. Там ждет его Веруня Доброскок, пылкая казачка, заброшенная судьбой и первым мужем в Принеманский край. Она у него тоже не первая жена, но может быть последняя и на всю жизнь. Хорошо бы узнать поточнее... Как раз именно это и предлагала ему сделать цыганка в аэропорту, специализировавшаяся на авиапассажирах.

– Всю правду скажу, алмазный мой! Я не цыганка, я сербиянка, я не гадаю, я вижу. Посеребри зеркальце, жемчужный!

Дубовский посеребрил кругленькое облезлое зеркальце в морщинистой коричневой ладошке – червонцем.

– А ждет тебя в жизни, янтарный...

– Нет, ты мне на текущий месяц прогноз выдай.

Цыганка глянула ему в глаза.

– Ой, бирюзовый, дальняя дорога тебе будет! Казенный дом – казенные хлопоты. Разлука тебя ждет, изумрудный, ой, большая разлука с червонной дамой твоей...

Не поверив ни единому слову и пожалев червонец, пущенный на серебрение дурацкого зеркальца, Дубовский зарезервировал место на вечерний рейс до Гродно и отправился к земляку в Техупр. Рослый, спортивный, с лицом римского воина под навесом золоченого козырька черной фуражки, он уверенно шагал по незнакомым улицам, ловя на себе весенние взгляды встречных женщин.

Техупр размещался на Маросейке в бывшей гостинице «Сибирь», описанной Толстым в романе «Воскресение». Если верить легенде, то кабинет начальника Техупра адмирал-инженера Степуна находился как раз в том самом номере, где Катюша Маслова отравила клиента-купца. Теперь грозный гневливый адмирал – гроза флотских механиков – немало отравлял здесь жизнь своим подчиненным.

– Ну, что нашли? – рявкнул он в селектор.

– Так точно, – робко отвечал динамик, – он в столовой, сейчас приведут.

– Сейчас – бабий час! Немедленно ко мне! Его уже двенадцать минут ко мне ведут!

Счет оперативного времени шел если не на минуты, то уж точно на часы. Через семнадцать часов и двадцать минут истекал срок ультиматума, предъявленного командиру «Б-40». Новая египетская администрация, забыв про Ассуанскую ГЭС и судоремонтный завод, отстроенный и подаренный им СССР в Александрии, требовали немедленного вывода всех советских кораблей из тервод Египта и эвакуации военно-воздушной базы в Мерса-Матрухе. Все корабли были поспешно выведены, кроме злополучной «Б-40», которую политический куль-

бит вчерашних союзников застал в разгар среднего ремонта – с разобранными дизелями и демонтированными гребными винтами. Один дизель героически собрали и опробовали, но это вовсе не решало проблемы. Гребные валы были голы как стебли сорванных цветов. Шестилопастные винты, похожие на отлитые из бронзы гигантские эдельвейсы, лежали на причале рядом с лодочной кармой в безнадежном ожидании монтажа. Чтобы закрепить винты на валах, нужны были шпонки. Шпонки – бронзовые клинья особой конфигурации – лежали на подоконнике в кабинете Степуна. Их только что доставили из Сормова, где строилась когда-то «Буки-40». Ее родные – штатные – шпонки лежали невостребованные где, скорее всего, их переливали в какой-нибудь кустарной александрийской кузне в статуэтки Нефертити или вытачивали из них дверные ручки – все три увесистые детали были похищены позавчера из корпусного цеха неким багдадским вором с александрийской пропиской. Без шпонок гребные винты болтались на валах как тележные колеса на осях.

Конечно же, крепеж без труда можно было бы выфрезеровать здесь же, в соседнем цехе, но судоремонтный завод закрыл советский заказ. Это было сделано под нажимом американцев. Разведка 6-го флота США, осведомленная, что «Б-40», вооруженная секретными телеуправляемыми торпедами, делала все, чтобы военно-дипломатическая ловушка, в которую попала подводная лодка, держала несчастную субмарину как можно крепче. Если бы подводные лодки могли, как ящерицы, отбрасывать хвосты, «Буки-40» давно бы оставила злополучную корму у александрийского причала. Но... Шпонки. Даже одна спасла бы положение. Ушли бы в море на одном винте, а там, у борта плавмастерской поставили бы остальные. На худой конец, можно было бы на самой плавмастерской отыскать в ЗИПе все три шпонки и забросить с водолаем в Александрию. Но беда была еще и в том, что ни на одной из двенадцати подводных лодок, зависавших в котловинах Средиземного моря, не было подобных шпонок, ибо на «Б-40» стояли нестандартные гребные винты, проходившие «опытную эксплуатацию в условиях боевой службы». Получалось так, что незамысловатая деталь становилась тем мечом, которым лишь можно было разрубить гордиев узел, стянувшийся вокруг «Б-40». Без шпонки некрепишь винт, без гребного винта не выйдешь в море в ультимативный срок – египетские командос начнут интернировать корабль. Капитану 2-го ранга Королеву не отстоять секретные торпеды с четырьмя автоматами для верхней вахты да дюжиной офицерских «Макаровых». Значит, будет взрыв у причала – такой же мощный, как когда-то в Северодаре на «Б-31». Будут жертвы, будет международный скандал, будет черт знает что...

Главком уже дважды звонил адмиралу-инженеру и интересовался этими проклятыми шпонками. Ох, не царское это дело... Шпонки. Вот уж точно – белый свет на них клином сошелся...

Нужен был толковый расторопный офицер, который смог бы сегодня же вылететь в Мерса-Матрух пока еще военный аэродром принимал последние транспортные самолеты, эвакуировавшие имущество базы в Севастополь. Этот удалец должен был суметь полулегально пробраться в александрийский порт и доставить злополучные шпонки на лодку. Степуну уже назвали имя такого офицера – капитана 3-го ранга Владимира Дубовского, помфлагмеха с северодарской эскадры. Его только что видели на третьем этаже, он здесь. Сейчас его найдут, – успокаивал себя Степун. Уже придержан вылет транспортного «Ана» на чкаловском аэродроме. И адмиральская «Волга» готова рвануть от подъезда, врубив синюю мигалку...

– Так где же ваш Дубовский, драть его в клюз?! – рявкнул адмирал в селектор.

– Минуту ждать, товарищ адмирал! – увещевал грозного начальника растерянный голос.

Ни сном ни духом не ведая о выпавшей ему миссии, Дубовский кромсал вилкой пищу в пельменной напротив Техупра и под жигулевское пиво выкладывал земляку капитану 2-го ранга Пацею последние северодарские новости. На свою беду, он сидел рядом с окном, и какой-то дошлый гонец Степуна узрел его сквозь витринное стекло.

Через пять минут помфлагмеха стоял перед грозой флотских механиков.

– Задача ясна? – завершил инструктаж адмирал-инженер тем классическим вопросом, который начисто убивает желание задавать какие-либо вопросы.

– Так точно!

– Вперед и с песней! Кейс вернешь мне, когда прилетишь обратно. – Степун передал свой «дипломат», уложив туда драгоценные шпонки. Неопытный таможенник мог принять их за слитки «желтого металла». Во всяком случае, по весу портфель и в самом деле тянул на пуд золота.

...Адмиральская «Волга», пристроившись за голосащим на все лады «реанимобилем», мчалась по резервным полосам, разверзая заторы на перекрестках. Дубовский – в летнем пальто, пропади оно пропадом! – поминал недобрым словом утреннюю цыганку-сербиянку.

Нагадала, зараза!

Ладно, хоть не задаром зеркальце ей серебрил...

Эх, Веруня, Веруня... Кто бы мог подумать, что путь в Сморгонь лежит через Александрию?

2

Катер контр-адмирала Ожгibesова нагнал «410-ю» в глухой и безлюдной бухте под горой Вестник, обрывавшейся в море сразу же по выходе из Екатерининской гавани. Подводная лодка угрюмо покачивалась в полуамфитеатре красноватых гранитных утесов, длинное черное тело ее походило на всплывшую торпеду, готовую взорваться от малейшего толчка. Катер опасливо воротил от нее свой маленький форштевень. Ожгibesов с тоской смотрел, как приближается обреченный корабль, но сидеть в кабинете и ждать ужасных новостей было просто невыносимо. В конце концов, он сам бывший минер, может быть, придет на ум что-нибудь путное...

Он ловко перепрыгнул на перо отваленного руля глубины и принял рапорт командира прямо на палубе носовой надстройки. Покачивало и поплескивало.

– Где торпеда?

– Уже на стеллаже, товарищ адмирал. На качке сама из клина вышла.

– Почему оборвался трос?

– Проводим расследование, товарищ адмирал.

– Виновных наказать моей властью.

– Есть.

Ожгibesов не смог скрыть огромного внутреннего облегчения: он даже не взгневил как следует голос. У Абатурова у самого физия сияла на все двенадцать румбов: пронесло! Это вам не пуля у виска просвистела, это торпеда с плеч свалилась. Все живы и будут жить, несмотря на все адмиральские громы и партийные молнии.

– Значит, так... – Ожгibesов собрал лицо в привычную маску. – Сейчас приведете корабль и личный состав в порядок и встанете к городскому причалу. Будете принимать народ до семнадцати ноль-ноль. Дальше по плану.

– Есть.

Водоворот древнеязыческого празднества затянул в себя и «четыреста десятую» с экипажем. По давней традиции два раза в год – в День Первого Солнца и в День ВМФ – эскадра предоставляла горожанам одну из подводных лодок для внутреннего осмотра. Поток северодарцев – старых, малых, юных и зрелых – выстраивался к трапу диковинного корабля. Северодар не баловал своих обитателей зрелищами, и многие, особенно мальчишки, лезли в лодочные шахты и люки как в некий аттракцион, благо бесплатный. Экскурсионное шествие всегда открывала Снежная Королева со своей ряженой свитой.

3. Башилов

Непривычно радостный голос старпома грянул с мостика по трансляции:

– Внимание, внизу! Освободить место под люком! Королева спускается!

Все, кто был в Центральном посту, уставились на зияющий над нашими головами зев широкой стальной горловины, в которую уходил вертикальный трап. Оттуда, из семиметрового колодца, отшлифованного нашими спинами, из шахты входных – рубочных – люков, уходящей, если смотреть в нее снизу, в самое небо, вдруг появились на перекладинах трапа две белых модельных туфельки, затем вылез с тугим шорохом кружевной подол пышного платья, шарф, стягивающий и без того узкую, как рукоять кортика, талию, наконец, выскользнули изящные плечи с накинутым белым мехом...

Это было чудо. Посреди изошренного железа подводной войны возникла Женщина, светясь, источая улыбки и тонкие ароматы... Она спустилась сюда, где мы должны были принять свою смерть по воле случая ли, судьбы или начальства, и где едва не приняли ее сегодня утром – в отсек-бункер, в отсек-эшафот, в отсек-склеп... Она вторглась в наш запретный жутковатый мужской мирок, насыщенный духом смерти...

Мы смотрели на нее...

Так смотрят грешники на сошедшего в ад Ангела.

Так смотрят монахи на искусительницу, заглянувшую в их суровую келью.

Так смотрят моряки на женщину – предвестницу несчастий...

Так смотрят дети на фею, которая пришла к ним на елку.

Она была слишком хороша, чтобы желать ее.

Она принадлежала всем и никому.

И тем не менее мы одинаково рьяно лезли ей на глаза, старались что-то сказать, что-то показать, объяснить, удивить... И я тоже старался... И я смотрел на нее во все глаза, ничуть не надеясь даже на проблеск ее внимания. Нас было слишком много.

Мы были все в одинаковых кителях, в одинаково замызганных пилотках и с одинаковым восторгом взирали на нее. Нас различали лишь звездочки на погонах, но что ей было до них? Что ей было до нас? Сколько более интересных и обходительных поклонников знавала она? Сколько осталось их там, на берегу?

И она бы ушла от нас, унося свою вежливую улыбку сквозь легкую оторопь человека, впервые попавшего внутрь чудовищного механизма, ушла бы, если бы матрос Марусеев не протер для пушного шика стальные пластины настила соляром. В пятом – дизельном – отсеке Снежная Королева поскользнулась, старпом ее подхватил под локоть, но беленькая модельная туфелька улетела под пайолы. Матрос же Марусеев ее и вытащил из дизельных трюмов, уже совсем не белую. Он подал ее гостье, и та обнаружила в ней коктейль морской воды и соляра. Не зная, куда вылить жижу – все вокруг блистало только что наведенной чистотой, Королева растерянно вертела в руках побуревшую «лодочку».

– Где командир отсека? – грозно поинтересовался Симбирцев. – Почему в трюмах вода? Я же приказывал убр-р-рять под ветошь!

– Ну вот, – вздохнула Королева, – раньше офицеры шампанское из туфелек пили, а теперь и вылить-то не знаешь куда...

Старпом огорченно крикнул – честь корабля была подмочена соляром. Он взял лакированную лодочку, понюхал жидкость, вскинул по-гусарски локоть и... в два глотка осушил злополучную лодочку. Сдернув висевшее за посудным рундучком полотенце, промокнул усы и тщательно вытер туфельку, потом, подстелив многострадальное полотенце под колено, самолично обул ножку в белом чулке. Королева охнула.

– Ваше снежное величество, – Симбирцев никак не хотел выходить из роли, – от имени кают-компании океанской торпедной подводной лодки «Буки-четыредесятая» прошу принять приглашение на наш скромный праздничный ужин, который состоится у меня на квартире...

Приглашение было принято. Уходя из отсека, Симбирцев погрозил кулаком механику:

– Ну, вождь маслопупов, с тебя сегодня литр «шила»... Где доктор? Док, плесни для дезинфекции. Жить буду?

– Будете, Георгий Васильевич, будете, – невозмутимо ответил Молох, копируя своего предшественника – замшелого лодочного коновала капитана Андреева. – Морская вода с соляром, отличное слабительное...

4

Но День Первого Солнца еще не кончился с двенадцатым ударом трофейных часов в ожгибесовском кабинете и перезвоном склянок в Екатерининской гавани. Он – со всеми его треволениями для командира эскадры – еще продолжался в западных часовых поясах и догорал в Египте, в Александрии, в стране, где тоже чтили солнце, воздавая ему божеские почести – Ра.

Среди прочих непостижимых в этой жизни явлений эти два города – Александрия и Северодар (который, кстати говоря, назывался до революции Александровском) – были связаны между собой кроме языческого культа Солнца еще и тайным подводным ходом, ибо, если собрать и выстроить в единую цепь все подводные лодки, которые в течение последних тридцати лет ходили «из варяг в греки», то есть из «лапландцев в египтяне», то по трубе этого общего, «условно-статистического» прочного корпуса можно было вполне пробраться от гранитных берегов русской Лапландии до древних скал земли фараонов. И пробирались по этому подводному ходу сотни и сотни людей, в матросских робах и офицерских кителях, гонимые туда и обратно во имя высших интересов обоих государств...

Обо всем этом вполне мог рассуждать капитан 3-го ранга инженер Дубовский, человек весьма начитанный и склонный не только к качанию мышц, но и к стиранию грани, как он выражался, между серым и белым веществом мозга, – мчась на машине из Мерса-Матруха в Александрию. Но голова была занята унылой прозой текущей жизни. Военно-морской атташе капитан 2-го ранга Бекетов, гнавший сам консульскую белую «тойоту», мрачно сообщил, что Александрийский порт блокирован жандармерией и командос и он не видит никакой возможности пробраться к «Буки-сорок».

Часы на приборной панели отсчитывали время до назначенного ультиматумом срока, а значит и до возможного взрыва... Стрелка спидометра показывала взлетную скорость легкого самолета, и потому в салоне мелодично позванивал электронный колокольчик, предупреждавший, что машина мчится на смертельно опасном пределе. За боковыми дымчатыми стеклами в серо-желтую ленту сливались розоватые с серым налетом пески пустыни, столь не привычные после вчерашнего северодарского снега.

– В городе военное положение, – предупредил атташе. – У вас хоть какие-нибудь документы есть?

– Удостоверение личности советского офицера, – усмехнулся Дубовский, – и пропуск на территорию родной эскадры.

– Н-да... Если задержат, говорите, что вы член экипажа с этой лодки.

– Не задержат.

– Вы так думаете?

– У нас на Севере «вохровки» – женский батальон – заводы охраняют. Самая строгая охрана в мире. И то, когда надо, проходили... Я же с Дикой эскадры.

– Ну-ну...

Они благополучно проскочили пригородный кордон, выставленный парашютистами.

– Как подменили, – жаловался Бекетов на египтян. – Поворот на сто восемьдесят градусов. А мы сюда столько средств всадили...

– Ваши братья дипломаты не сработали. За что их Родина севрюгой кормит?

– Дипломаты у нас те еще: сынок на сынке... Потому и гонят нас с позором отовсюду.

– Но лодку-то могли до конца ремонта оставить. Что им приспичило выгонять?

– Новая администрация перед американцами прогибается. Ждут большой кредит...

– Не жарко? – кивнул Дубовский на черную тужурку Бекетова, радуясь, что в Мерса-Матрухе летчики успели переодеть его в легкие белые брюки и рубашку-безрукавку.

– Это вам тут с непривычки жарковато. А мы акклиматизировались. Если вода в море не теплее двадцати пяти, купаться не лезем. Холодно.

Дубовский засмеялся:

– А я на Шук-озере при десяти плаваю.

– Морж?

Пассажира не ответил. Машину остановил патруль. Капрал в черном комбинезоне и малиновом берете хмуро вперился в документы Бекетова.

– Салам, садык! – заразительно от уха до уха улыбнулся Дубовский, и капрал невольно ответил тем же. Ткнул автоматом вперед – проезжайте.

– А вы настоящий дипломат, – похвалил атташе.

– Я в Ташкенте срочную служил. Там тоже такие...

У ворот в морской порт Бекетов притормозил.

– Не пропустят. Я уже дважды пробовал. Никакие документы не помогают. У них приказ – русских не пропускать. Вон америкосы идут, те – пожалуйста.

Офицер в черной тужурке и белых брюках в сопровождении двух матросов в смешных белых панамках прошли мимо охранника не повернув головы. Тот почтительно вытянулся.

– А форма-то почти как у нас, – заметил Дубовский. – Только без погон и белые брюки при черной тужурке. Форма два наоборот.

– Да, похоже... Первое время арабы от нас шарахались, думали, американцы. Те с ними не церемонятся, чуть что по зубам.

– Нормальный подход. Восток уважает только силу.

– Зря вы не пошли по дипломатической линии...

Дубовский сделал вид, что не заметил иронии.

– А почему вы в черной тужурке? – спросил он. – Вам ведь, наверное, сподручнее здесь в белой ходить.

– Надеялся попасть на лодку... А там, сами знаете, как в белом...

– Весь в дерьме и весь в тавоте, но зато в подводном флоте...

– Так что будем делать? Время идет...

– Для начала отпорем погоны... Если вы не возражаете?

– Хотите рискнуть? Может быть большой скандал.

– Скандал будет еще большим, если Королев взорвет лодку. Я его знаю.

– Ну, тогда – Бог в помощь... Только посольство не вмешивайте...

Бекетов забрал из тужурки документы и перочинным ножиком спорол погоны.

– Шевроны у них почти такие же, даже со звездочками... Вы английский-то хоть знаете?

– В школе учил.

– Не завидую... Если все обойдется, буду просить посла, чтобы представил вас к ордену...

– А если не вернусь, считайте меня беспартийным. – Дубовский надел тужурку.

– Ну, как? Морда лица не слишком советская?

– Ничего... Вполне. Наденьте темные очки. Джеймс Бонд!.. Действуйте, я вас здесь подстрахую.

– Тужурочка ваша нескоро теперь вернется.

– Переживем...

– Ну, тогда я еще на пачку сигарет разорю. А то там ребята наверняка без курева сидят.

– Берите. И эту начатую, и вот еще непочатая...

– Ну, спасибо!

– В Москве, может, свидимся, – пожал ему локоть Бекетов. – Посидим в хорошем месте. Обещаю. Возьмите мою визитку, тут и московский телефон есть.

– Если арестуют, сжую и проглочу.

– Не обязательно.

– Шутка. Ну гуд бай!

– Ни пуха!..

5

Тем временем у сходни «Б-40» шли дипломатические переговоры. Командир подводной лодки капитан 2-го ранга Королев надел по такому случаю новую тропическую пилотку и переделался из шорт в длинные ярко-синие тропические брюки.

Полковник-египтянин, комендант порта, чинно молчал, предоставив переводчику, курчавому смуглому парню в малиновой феске, полную свободу слова. Он лишь кивал в тех случаях, когда нужно было сказать «да», или отрицательно качал головой на все предложения Королева. Он был живым воплощением ультиматума, с которым пришел к советскому командиру. Королев попытался поймать бегающие глаза переводчика.

– Садык, ну какого хрена вы все это городите?! Мы вам судоремонтный завод отгрохали, подарили, а вы нас так позорно выставляете?

– Господин полковник, не уполномочен вести переговоры по этому вопросу. Требование нашего МИДа остается в силе: если подводная лодка не покинет порт в течение двадцати четырех часов, она будет интернирована с применением силы.

– Тогда разрешите нашему буксиру зайти в гавань и вытянуть в море.

– Ваш буксир носит военный флаг. Акватория порта объявлена демилитаризованной зоной, и мы не можем больше пускать сюда военные корабли иностранных держав.

– Ну, дайте тогда свой. Оттяните нас к границе террвод, а там нас перехватит наш буксир. И делу конец.

– У нас сейчас нет свободных буксиров.

– Хорошо. Я не буду принимать никаких решений, пока сюда не прибудет наш военно-морской атташе.

– Ваш военно-морской атташе поставлен в известность. И нас не интересует, почему он не счел возможным сюда приехать.

– Дайте мне самому позвонить в наше посольство!

– На это требуется разрешение нашего МИДа. Полковник не думает, что его удастся получить в течение суток.

– Ах, не думает! – выскрикнулся Королев. – Тогда передайте вашему полковнику, что у меня на борту ядерные торпеды, и я сам ударю кувалдой по детонаторам. И тогда от вашей Александрии останется одна Хиросима. Так и передайте! И пусть кто-нибудь попробует подойти к моему трапу ближе, чем на пять шагов!

Лицо у полковника, и без того длинное, вытянулось еще больше при слове «Хиросима».

Королев повернулся и вышел. Конечно, это был блеф, но блеф эффектный. Откуда полковнику было знать, что торпеды с ядерными зарядными отделениями были перед ремонтом перегружены на плавбазу «Федор Видяев» и сделано это было ночью.

Так или иначе, но королевская угроза возымела действие. Сначала отвернул пушку танк и, выпустив облако сизого дыма, уполз с причальной стенки за мешки с песком. Затем к трапу подъехал на велосипеде переводчик и попросил выйти к нему командира.

– Сколько времени требуется вам, чтобы уйти своим ходом?

Королев долго вглядывался в циферблат своих часов.

– Мы сможем дать ход через... через... тридцать два часа.

– Я думаю, господин полковник сможет убедить МИД в разумности этого срока.

– Если бы нас заправили свежей пресной водой, – выторговывал Королев новое условие, – мы бы смогли уйти раньше.

– Я передам вашу просьбу господину полковнику.

Дубовский не спеша выбрался на тротуар и тут же позвонил парнишку-араба.

– Эй, Али-баба, иди сюда. Неси! – сунул он ему увесистый портфель. – А это – бахшиш.

Парнишка весело осклабился, спрятал сигареты за пояс и взвалил на спину неподъемный багаж.

– Фолоу фо ми! – распорядился «американец», вспомнив подходящую к случаю надпись на табло аэрофлотовских машин.

У портового шлагбаума он весьма кстати припомнил еще одно нужное словцо:

– Хари ап! Хари ап! – крикнул он своему носильщику, у которого глаза на лоб лезли.

С этим «хари ап!» он нагло двинулся мимо охранника. Тот попытался остановить парнишку с сумкой, но спешащий «американец» так грозно рявкнул «харей ап!», что жандарм счел за благо отступить в тень своей полосатой будки.

Дубовский хорошо знал лабиринт огромного порта. Как-никак в прошлом году прожил здесь на плавамастерской пять месяцев. Он без труда вышел к судоремонтным пирсам и даже увидел издали знакомую лодочную рубку, засуриченную до истошно пожарного цвета. Но тут дорогу преградил барьер, сложенный из мешков с песком; «малиновый берет» с автоматом Калашникова («С нашим же оружием, гад!») принялся темпераментно объяснять, показывая дулом автомата то на подводную лодку, буро-красную, как недоваренный рак, то на пыльно-зеленый с желтыми разводами танк, чья пушка смотрела на несчастную субмарину со вскрытой носовой надстройкой, из которой словно гигантские коконы чернели баллоны ВВД.

– О'кей! – сказал Дубовский и повернул обратно. Можно было догадаться, что пытался втолковать ему жандарм, но как поспоришь с ним на своем «школьном английском»? Носильщик бросил портфель и сбежал под шумок.

– Ну, дела! – и «американский» офицер затейливо выругался по-русски...

– Осмотреться в отсеках! – приказал он себе вслух и огляделся по сторонам. Два американских моряка с нашивками командеров шли прямо на него. Следом за ними вышагивали два дюжих сержанта с буквами «MP» на белых касках – военная полиция.

«Влип!» – оценил ситуацию Дубовский и двинулся им навстречу. – «Если что, двоих я уложу, но эти ребята не подарок», – подумал он, разглядывая шварценегеровские плечи полицейских.

– Гуд дэй! – заставил он себя улыбнуться. – Ай эм рашн сейла фром зэт сабмарин. Ай маст би он зэ бод имидэйтли. Хелп ми, плиз!

Все эти фразы сложились и вылетели у него почти без запинки, что можно было объяснить сверхмощной работой мозга в экстремальной обстановке.

– О'кей! – согласился один из командеров и улыбнулся в ответ довольно дружески. – Фолоу фо ми!

И он двинулся прямо на малиновые береты. Оба жандарма приняли почтительную стойку и молча пропустили столь представительную делегацию. Они не спеша прошли мимо пятнистого танка и распрощались прямо под жерлом его низко наведенной пушки.

– Сенк ю, вери мач! – Дубовский вложил в рукопожатие немалую силу, пожалев, однако, пальцы командера. – Ван момент!

Он быстро зашагал к трапу. Над рубкой торчала офицерская пилотка дежурного по кораблю.

– Командира наверх! – крикнул странный визитер. – И банку тараньки – быстрее звука! Жестянка с консервированной воблой появилась из недр лодки раньше Королева.

– Рашн сувенир, плиз!

– O don't mention!¹

Они расстались весьма довольные друг другом. Жандармы сделали постные лица, наблюдая за тем, как русский командир, вылезший из лодки, тискает в объятиях странного «американца» с тяжеленным «кейсом».

6

– Товарищ адмирал, Дубовский прибыл в Александрию! – доложил мичман-адъютант.

– Спасибо, Петрович! Завари чайку.

Ожгибесов невольно промерил глазами путь от Северодара до устья Нила, близ которого алел флажок, воткнутый в Александрию на большой настенной карте.

Его эскадра была едва ли не самой большой в мире из всех подводных эскадр. «У нас столько подводных лодок, сколько их было у всей Германии перед началом Второй мировой войны», – любил повторять при случае Ожгибесов.

Зона ответственности второй эскадры простиралась от фиордов русской Лапландии до берегов Египта, она охватывала весь Атлантический океан от гренландских глетчеров до легендарного мыса Доброй Надежды, от Нордкапа до Кейптауна, все Средиземное море – от Гибралтара до Дарданелл. Однако флотоводцем Ожгибесов себя не считал. Там в далеких морях его подводными лодками управляли из Москвы. Московские адмиралы и были флотоводцами, поскольку именно они перемещали подводные завесы, нарезали позиции, определяли, кто куда пойдет, кому становиться в межпоходный ремонт, кому идти с визитом вежливости, а кому – на слежение за авианосцами. Ему же, командиру эскадры, выпадала куда более скромная, но отнюдь не менее хлопотливая роль – готовить подводные лодки к выходу на боевую службу: учить командиров, отрабатывать экипажи в северодарских полигонах, боевую готовность и заниматься таким неблагодарным делом, как укрепление воинской дисциплины, организация службы войск, и неустанным повышением благоустройства гарнизона. А пользовались плодами его трудов и флагманских специалистов всегда другие. Это как старший конюший, который объезжает лошадей, обихаживает их, а потом подает хозяину для скачек и прочих состязаний. Все призы достаются шефу, а старшему конюшему – чаще всего недовольные окрики, выговоры, строгачи, а порой и энэсэсы, то есть объявления о неполном служебном соответствии, что равносильно последнему предупреждению перед снятием с должности. Это было обидно, но таковы старинные правила жестокой игры, которая называлась «военно-морской службой»: «командир отвечает за все». За все, что происходит у него на корабле или, в ожгибесовском положении, – на эскадре. А на эскадре, разбросанной по трем морям и двум океанам, постоянно – ежедневно и ежечасно – что-то происходило, случалось, возгоралось, затапливалось, размораживалось, терялось, исчезало... И за все эти бесконечные ЧП и «чепушки», возникавшие то в сирийском порту Тартусе, то в югославском Тивате, то в отечественном Крон-

¹ О, не стбит!

штадте, или Ялте, или в Сормово, или даже в степях Казахстана, где авторота из второй эскадры помогала убирать целинный хлеб, словом, всюду, куда забрасывала служба северодарских подводников, отвечать приходилось именно ему – контр-адмиралу Ожгибесову, либо на ковре командующего Северным флотом, либо по прямому проводу перед адмиралами с Большого Козловского переулка, где на радость флотским острякам («большие козлы с Большого Козловского») размещался главный штаб ВМФ СССР. В горькие минуты самобичевания Ожгибесов называл себя «мальчиком для битья в адмиральских погонах».

Под настольным стеклом ожгибесовского стола лежала табличка-памятка «Список происшествий по перечням «1», «2» и «3», по которым он докладывал о ЧП прямым начальникам. Самыми страшными происшествиями были те, которые шли по перечню «1»: гибель личного состава, потеря оружия и секретных документов. Ожгибесов хорошо помнил, как год назад весь северодарский гарнизон целую неделю перерывал все свалки и мусорные ящики в поисках крошечной вклейки – в три строки – в грифованный документ, которую потерял нерадивый старшина-секретчик... Эх, да что там вспоминать!

Адъютант мичман Нефедов, верный Петрович, – Ожгибесов присмотрел его для себя еще со времен, когда командовал подводной лодкой «Б-40», – принес и осторожно поставил на чайный столик большую чашку с густым травяным взваром. То был особый лекарственный сбор, который производил на адмирала успокоительное действие после всяких служебных передраг. Конечно, можно было бы принять на грудь и по сто граммов коньячку, но Ожгибесов знал, как опасно привыкать к «алкоголетерапии». Его предшественник был снят именно за то, что слишком пристрастился снимать нервные перегрузки казенным «шилом». Ожгибесов предпочитал это делать по-иному. На сей счет существовала разработанная им и многократно опробованная «сексорелаксация».

В городе, которым Ожгибесов повелевал в силу служебного положения, было немало – а впрочем, кто их считал? – женщин, которым весьма импонировало мужское внимание первого «морского лорда» северодарского гарнизона. К тому же слово командира эскадры было последним и решающим в таком мучительном и насущном деле, как распределение квартир. У Ожгибесова, как у начальника гарнизона, был свой жилищный фонд, небольшой, но вполне достаточный, чтобы вести интриги и строить куры.

Больше всего Ожгибесов любил воспитывать лейтенантских жен. «Женатый лейтенант – это подрыв боеготовности флота!» – не раз повторял Ожгибесов и на публике, и в узком кругу. А в кабинете, когда в час «приема по личным вопросам» перед адмиральским столом робко предстал очередной соискатель казенной жилой площади, Ожгибесов грозно вопрошал:

– Ты зачем сюда приехал? Родине служить или пеленки стирать? Здесь передний край и крайний Север! Я в твои годы из отсеков не вылезал, по трюмам ползал, системы изучал. А у тебя в голове только детские болезни! Ладно... Пусть жена твоя ко мне придет. Я еще посмотрю, кого ты к нам в гарнизон привез.

По результатам ожгибесовских «смотрин» решалась жилищная проблема... Те лейтенантши, которые шли напролом, требовали «по закону» того, что им «было положено по конституции», становились в длинные и безнадежные очереди, но бойкие дамочки, готовые «на всё ради семьи», быстро находили понимание с начальником гарнизона, и на удивление «бездомным» подругам довольно скоро справляли новоселье пусть и не в новой квартирке, зато в отдельной комнате.

Был у Ожгибесова враг. Враг, которому он рано или поздно должен был передать эскадру и свое верховенство в гарнизоне – капитан 1-го ранга Анатолий Кузьмин, командир первой бригады подводных лодок. Лет пять назад они водили дружбу: Кузьмин тогда командовал 3-й бригадой, а Ожгибесов был у него начальником штаба.

Когда погибла «С-88», комбриг находился в отпуске, Ожгибесов его замещал, а потому именно он нес персональную ответственность за роковой выход «эски» в море. Лодка погибла «по неустановленной причине». Над головой Ожгибесова сгустились самые черные тучи, но выручили связи тестя в Москве. После всевозможных комиссий и расследований отозванный из отпуска капитан 1-го ранга Кузьмин был снят и назначен замкомбрига, а Ожгибесова «сослали» на время в Москву – слушателем Академии Генерального штаба.

Из столицы Ожгибесов вернулся в Северодар на должность начальника штаба эскадры и очень скоро – к ноябрьским праздникам – получил на погоны адмиральскую «муху». А Кузьмин пахал в морях, перекочевывая с одной лодки на другую для подстраховки молодых командиров. Он и сейчас находился в Средиземном море, куда ушел в прежней должности комбрига. На сей раз у него складывалось все настолько удачно, что у него были все шансы вернуться в Северодар контр-адмиралом. Если, конечно, и лодки его вернутся без трупов, пожаров и прочих крупных ЧП. Ожгибесову тоже надо было продержаться без происшествий всего полтора месяца – до круглой годовщины Великой Победы. Должность командира эскадры была «вилочной». «Вилка» допускала разброс званий от контр-адмирала до вице-адмирала (в военное время или «за особые заслуги в деле укрепления...»). Знакомый кадровик в Москве сулил ему вторую адмиральскую звезду. Получив ее, можно было бы играть отвальную и перебираться из надоевшего за двадцать лет Северодара в Москву. Там, в главкомате, уже держали для него неплохую должность. Благо «главный кадровый вопрос» – есть ли в Москве жилье? – решался в пользу Ожгибесова. Тесть помог купить кооперативную квартиру. Туда можно было перебраться хоть на следующей неделе, но Ожгибесов хорошо знал, что адмирал с одной звездой в Москве не адмирал. Это в Северодаре его одинокая «муха» парила грозным орлом. И потому он терпеливо ждал, что выбросит ему русская рулетка до заветного срока – пан или пропал, вице-адмиральский чин или...

Но он готов был отказаться от второй звезды, лишь бы Фортуна сделала так, чтобы капитан 1-го ранга Кузьмин никогда не вернулся из своего похода...

7

В час, когда День Первого Солнца отснял и угас даже в Египте, из Александрии вышла красная от незакрашенного свинцового сурика подводная лодка. На ее кормовой надстройке за скосом рубки поблескивали тусклой бронзой лопасти двух гребных винтов, принайтовленных к палубе. «Буки-40» покидала древнюю гавань, в одночасье вдруг ставшую враждебной, на одном – среднем – валу, который удалось увенчать ценой титанических усилий и с помощью шпонки, доставленной Дубовским, гребным винтом о шести лопастях. Лодку выпроваживал египетский тральщик, командир которого, учившийся в Баку, питал к русским подводникам самые добрые чувства. На прощанье он велел отстучать сигнальщику по светосемафору – «Счастливого плавания!»

Капитан 2-го ранга Королев приказал ответить: «Благодарю!»

У кромки морской границы Египта недоремонтированную лодку встретила плавучая мастерская «ПМ-24». Она повела «Б-40» на одну из якорных стоянок в нейтральных водах – под остров Кипр. Только тут Дубовский узнал, что ближайшая okazия в Севастополь будет не раньше, чем через месяц.

«Это ж надо быть таким козлом, – сокрушался он, – чтоб из отпуска в автономку загреметь?! Эх, Веруня... Вот и не верь цыганкам».

Командир ПээМки, старый училищный приятель, налил ему стакан «шила».

– Давай, Володя, за ту березу, из которой сделают бумагу для приказа о нашем ДМБ!

– Носом к морю! – ответил помфлагмеха.

Вообще-то он не пил...

Глава пятая

1

Вихревая звезда циклона зародилась над ледяным панцирем Гренландии. От Берега короля Фредерика VI до Земли короля Фредерика VIII встала и завертелась гигантская снежная мельница. Набрал силу, буря ринулась на юго-восток, штормя Ледовитый океан, круша айсберги, разбрасывая норвежские сейнеры и английские фрегаты от мыса Нордкап до острова Медвежий.

Шторм летел на утесы скандинавских фиордов, подмяв под вихревые крылья Исландию и Шпицберген. Ветроворот, нареченный синоптиками «Марианной», накрыл Лапландию и в последнее воскресенье декабря ворвался в Северодар...

В Северодаре ждали на новогоднее представление цыганский цирк «Табор на манеже». С утра, когда метеослужба не предрекала ничего дурного, в Мурманск ушли два катера-торпедолова: один за артистами, другой за клетками с медведями. По пути они захватили жену помощника флагманского механика и жену баталера, обеим подошло время рожать. Едва катера вышли за боковые ворота и скрылись за горой Вестник, как в гавани объявили «ветер три», то есть первичное штормовое предупреждение. На подводных лодках подзаскучавшие дежурные офицеры слегка встрепенулись, распорядились усилить швартовы и открыть радиовахты на ультракоротких волнах.

Через час на сигнальной мачте рейдового поста появились два черных конуса – «шторм-два». «Шторм-два» – предупреждение посерьезней, но все же слишком обыденное для Северодара, чтобы могло кого-то по-настоящему обеспокоить... Взволновались разве что командиры да лодочные механики, в чьи двери в скором времени постучали матросы-оповестители. Кому охота покидать воскресное застолье, для того чтобы сбегать в гавань, посидеть в прочном корпусе час-другой, а потом возвращаться к остывшим бифштексам? Зимой эти «штормы-два» объявляют и отменяют порой по три раза на день... Но не успели командиры и механики добраться до пирса, как в штабах захрипели, зарычали, загудели динамики: «Внимание! Шторм-раз! Шторм-раз!» И по этажам всех казарм понеслось разноголосое: «Команде строиться для перехода на лодку!»

Таков закон: при угрозе сильного ветра на подводные лодки, стоящие у причалов, прибывают экипажи в полном составе во главе с командирами, машины готовятся к немедленной даче хода, к мгновенному маневру – мало ли куда рванет шквал лодку. А парусность у рубки большая...

Но что это? На реях сигнальной мачты – черный крест. И, точно не доверяя скупым полуденным сумеркам, вспыхнул на рейдовом посту ромб из четырех красных огней, зажженных рукой Людмилы Королевой, – «Ожидается ураган». И командиры всех лодок отдали одно и то же распоряжение: «Боевая тревога!.. По местам стоять...»

...Пурга ворвалась в город привычным путем из каменного желоба ущелья Хоррвумчорр. Белый вихрь с разлета ударился о гранитное основание Северодара – Комендантскую сопку. Взметнувшись снежной коброй, клубясь и завиваясь, буран разбил на две метели. Как всегда, Метель Правого Крыла, расструившись на семь вьюг, ринулась в облет Комендантской сопки. Вьюга первая, распустив веер поземок, понеслась над дорогой, полуподковой огибающей город. Белые ее плети прошли по черным спинам матросов, потаптывающих снег у опущенных шлагбаумов, на площадках караульных вышек, у опечатанных дверей и ворот...

Вторая вьюга взлетела на Комендантскую сопку и первым делом обвилась вокруг полубашни штабного особняка, залепила окна адмиральского кабинета мокрым снегом, затем, сбивая с карнизов сосульки, понеслась по обмерзшему шиферу финских домиков; в печном дыму и снежной пыли соскользнула она на Якорную площадь и завертела белый хоровод вокругobeliska погибшим подводникам.

Третья вьюга помчалась по улице Перископной, где с балкона Циркульного дома, выходящего полукруглым фасадом на гавань, сорвала и подняла в воздух голубой персидский ковер. Его хозяйка, жена начальника Дома офицеров и директриса музыкальной школы Азалия Сергеевна, как раз примеряла черное кружевное белье с этикетками бокового магазина, и когда красавец ковер, вывешенный проветриваться, вдруг захлопал ворсистыми крыльями и поднялся в воздух, выскочила на балкон в чем была. Не чуя снега под босыми ногами, она тянула руки вслед улетающему голубому «персу». Драгоценный ковер, взмыв выше всех этажей, был подхвачен вьюгой четвертой, и та легко понесла его над воротами со шлагбаумом, над учебным плацем, над стареньким пароходом-отопителем и сошвартованной с ним плавказармой. Хозяйка горестно стиснула виски – ей показалось, что «перс» плюхнулся в воду, загаженную соляром. Но ковер, трепеща и волнуясь, опустился на крышу плавказармы. Зацепившись за вентиляционный гриб, он дал знать о себе широким взмахом, и Азалия Сергеевна бросилась к телефону звонить мужу, чтобы тот немедленно связался с дежурным по подплаву и попросил бы его звякнуть дежурному по плавказарме, да так, чтобы мичман-увалень не мешкая послал своего рассыльного на крышу, где зывал о помощи ковер-самолет...

И вьюга пятая ничуть не отстала от своих сестер – взывала премерзко в обледеневших тросах и веселой ведьмой пошла гулять по антенному полю, теребя штыри, растяжки и мачты, – ловчую сеть эфира, настороженную на голоса штормующих кораблей. Она кидалась в решетчатые чаши локаторов, сбивая их плавное вращение, так что на экранах возникали белые мазки помех – следы ее проказ.

Вьюга шестая пронеслась под аркой старинной казармы и, сотрясая деревянные лестницы на спусках к морю, скатилась по ступеням на причалы. С тщанием доброго боцмана выбелила она черные тела подводных лодок, скошенные гребни их рубок, чугунные палы, серые штабеля торпедных пеналов...

Вьюга седьмая ударила в фонари, как в набатные колокола, и бешеные тени заматались по домам и кораблям, улицам и пирсам. Померкла стена разноцветных огней, вознесенных городом над гаванью. Померкли мощные ртутные лампы, приподнимавшие над причалами полярную ночь. И сразу же все огни в гавани – якорные, створные, рейдовые – превратились из лучистых звездочек в тускло-желтые, чуть видные точки.

Метель Левого Крыла завилась вокруг горы Вестник как белая чалма, оставив в покое бревенчатый сруб на лысой вершине и женщину, которая одна знала имя урагана, прочтя его с ленты телетайпа.

Слетев с горы, снежная комета настигла строй в черных шинелях. Матросы с поднятыми воротниками и опущенными ушанками возвращались из бани на подводную лодку. Передние ряды толкли вязкий глубокий снег, задние подпирали, пряча лица за спинами передних, и все сбивались плотнее, ибо одолеть такую завихруху можно только строем, и не дай бог перемогать полярный буран в одиночку. Замыкающий матрос, согнувшись в три погибели, прикрывал свечной фонарь полый шинели. Он берег его так, будто это был последний живой огонь во Вселенной.

Поодаль строя таранил снежный вихрь широкогрудый рослый офицер, назло непогоде – в фуражке.

– Ну что, – кричал капитан-лейтенант Симбирцев, скособочив голову, – замерзли? Кальсоны надо носить!.. – орал старпом, зная, что настоящий матрос ни за что в жизни не подденет исподнее. – А то стоячий такелаж придется красить в черный цвет и писать «учебное».

Губы, обожженные морозом, с трудом растягивались в улыбке. Строй месил снег. Строй пробивался сквозь пургу. Строй шагнул на подводную лодку.

Белой медведицей ревела метель...

2

Большой офицерский сбор собирался не сразу. Сначала на квартиру старпома были посланы шеф по выпивке и зам по закуске лейтенанты Весляров и Молох, которым, ввиду отъезда хозяйки дома на Большую землю, вменялось накрывать стол и готовить пельмени. Выразив, однако, сомнения в их кулинарных способностях, Симбирцев отправил им на подмогу лодочного кока мичмана Марфина.

В наказание за конфуз в дизельном отсеке дежурным по кораблю был назначен – вне очереди – командир моторной группы старший лейтенант-инженер Мухачев. Все остальные веселой гурьбой хлынули по хорошо известному хлебосольному адресу: Малая Перископная, дом пять.

Симбирцев жил широко и бесшабашно, то расходясь, то снова съезжаясь со своей велико-терпимой женой. Ныне он в очередной раз пребывал в неофициальном разводе, и все бесквартирные лодочные офицеры-холостяки хранили у него чемоданы с пожитками, а также заходили по субботам и воскресеньям, чтобы помыться под душем, поскольку подплавскую баню разморозило еще чуть ли не в хрущевские времена. Претендент на «горячий помыв» должен был принести с собой деревянный ящик для растопки водогрейной колонки.

Так же, как Одесса знала Костю-моряка, весь Северодар безошибочно узнавал фигуру циркового борца, обряженного в черную шинель или почти лопавшийся от напора природных сил китель – Георгия Симбирцева, старпома с четыреста десятой. Последние пять лет он почти не вылезал из автономок, проведя чистых четыре года в прочном корпусе, отчего омагниченная русская душа требовала широкой масленицы, благо случился такой праздник как День Первого Солнца.

Войдя в свою квартиру, где уже два часа хозяйничала «группа подхвата» – Весляров и Молох вкупе с коком Марфиным, и оглядев накрытый стол, Симбирцев разочарованно командовал:

– Отставить! Пельмени раскатать, тесто в исходное, мясо в холодильник, дым в трубу. Начинаем все сначала.

Он достал с полки «Справочник по военно-морскому церемониалу», открыл раздел «Прием иностранных гостей» и стал зачитывать вслух нужные абзацы.

– Да где ж я вам тут пирожковые тарелки найду или фруктовые ножи? – возмутился Весляров, оглядывая весьма неприятную кухню с разобранной батареей заглохшего водяного отопления и залитым верхними соседями потолком.

– Вы бы еще газет настелили и селедку на них нарежали, – гремел Симбирцев старпомовским басом. – Фуршет а ля сантехник дядя Вася... И чему вас в наших ВВМУЗах учили? Проведем учения по накрытию столов. Норматив – тридцать минут. Время – ноль!

«Группа подхвата» заметалась по квартире с удвоенной скоростью – старпом пообещал снять все ранее наложенные им взыскания, если успеют к сроку.

– Из холодильника бутылки достали?

– Почти. Одна осталась.

– Давай сюда! Одна она не размножается...

– Георгий Васильевич, кофемолка не в строю!

– А где у нас командир электротехнической группы? Целый инженер минус старший лейтенант?

– Так он же дежурный по кораблю.

– Ну, тогда берите гантелю и толките зерна в кастрюле. Где начальник РТС2? Пусть магнитофон налаживает.

В конце концов «банкетный зал» принял вполне приличный вид. Под стеной, завешанной вместо ковра огромной картой Центральной Арктики, стоял раздвинутый стол, накрытый «разовыми» подводничскими простынями, которые вполне можно было принять, если не приглядываться, за белые льняные скатерти. Бутылки молдавского коньяка «Калараш» выстроились посреди стола с дистанцией «на одного линейного». Центральное место занимало серебряное ведерце со льдом, из которого торчала бутылка шампанского. Ведерко это, несмотря на одно отломанное колечко, было едва ли не главной гордостью симбирцевского дома. Пожалуй, что и во всем Северодаре не было второго такого ведерка. О его происхождении ходили легенды: по одной из них, серебряная вещица перекочевала в антикварный магазин из столовой адмирала Колчака. (Симбирцев уверял, что на комиссионном ярлычке фамилия сдатчика явно читалась как «Колчак», то есть не адмирал, конечно, а его родственники сдали ведерко в трудную минуту жизни.) По другой версии, не опровергаемой и не подтверждаемой старпомом, бабушка его, столбовая муромская дворянка, подарила внуку на производство в офицеры, дабы способствовать культуре питья на Северном флоте. Во всяком случае, ведерце сопровождало Симбирцева во всех его подводных автономках – вестовые подавали в нем на обед ежедневную бутылку пайкового сухого вина, чем вусмерть поражали залетных начальников, инспекторов и прочих проверяющих лиц. Во дни же береговых пирушек серебряное ведерце, наполненное до краев, ходило по рукам как братина.

Рядом со знаменитым ведерцем вместо вазы с цветами белел пышный коралл, выменянный когда-то у наших рыбаков в Средиземном море на полдюжины сигнальных патронов.

Консервные банки с лодочным паштетом и консервированным сыром, аккуратно вскрытые, без торчащих жестянок, стояли на фарфоровых блюдах, и против каждого посадочного места топорщился салфеточный шалашик, искусно свернутый доктором из «разовых» же носовых платков, невостребованных хозяином дома в последней автономке и выданных ему баталером по возвращении в Северодар целой пачкой.

Накрыли и сами ахнули:

- Вот это да! Не хуже, чем в «Ягодке».
- Да что там «Ягодка». На уровне «Космоса»!
- Бери выше. Почти как в «Астории».
- Королевский стол!

Королева явилась в сопровождении двух подруг – экстравагантной чернокудрой Азалии, дамы без возраста, и женщиной лет тридцати пяти в черном вечернем платье с глубоким декольте, затянутом дымчатым газом. Черные волосы были подвязаны черным же бантом.

3. Башилов

Света Черная! Я сразу же узнал ее, как только она вышла из неосвещенной прихожей. Светлана Ивановна Кайсарова-Тыркова, вдова командира бесследно сгинувшего в Атлантике подводного ракетноносца «К-921». Черной ее прозвали за то, что пятый год носила черные платья и черный бант. Она работала метрдотелем в мурманском «Космосе», и все подводники Дикой эскадры знали, что как бы плотно не был забит ресторан, стоило только сказать одно слово: «подплав», как Светлана Ивановна сама провожала их в зал, и не было случая, чтобы она не нашла им место. Перед нынешнем Новым годом мы рванули с Симбирцевым в «Космос», вырвавшись из мурманского дока. Стеклопанные двери осаждала толпа морских летчиков, пограничников и рыбаков с подругами. Швейцар с капразовским галуном по околышку, бывший крейсерский боцман, устал показывать на табличку: «мест нет и уже не будет!»

Надо было быть Симбирцевым, чтобы разворотить столь яростную толпу плечами.

– Куда претесь? В очередь!

– Тут и старше по званию стоят!

Швейцар осторожно приоткрыл дверь на цепочке.

– Мы к Светлане Ивановне.

– Тут все к Светлане Ивановне...

– Батя, передай ей это послание!

Гоша снял с кителя серебряную лодочку, завернул ее в червонец и сунул швейцару.

– Конверт можешь себе оставить, – напутствовал его Симбирцев.

Через минуту на крыльцо вышла элегантная дама в черном.

– Кто здесь подводники?

– Мы!

Она видела нас в первый раз, как, впрочем, и мы ее, зная о ней понаслышке.

– Идемте!

Новый год мы отметили не в ржавом железе доковской плавказармы...

Конечно же, она не узнала теперь ни Гошу, ни меня, и мы были заново представлены ей, как и все остальные.

Гости долго хлопотали перед зеркалом в ванной, поправляли прически, чем-то пшикали, меняли сапоги на туфли... Первой вышла Азалия с немислимым разрезом по бедру на длинной юбке цвета горящего пунша. Сказать, что это был разрез – стыдливо прикрыться эвфемизмом, – это была полностью распоротая юбка, прихваченная у пояса большим золотым скорпионом. При каждом шаге тяжелое полотнище открывало ногу во всю длину, и эта волнующая игра округлого бедра с колышущейся тканью, то легкомысленно разлетающейся, то строго закутывающей изящную ножку до самой щиколотки, напоминала по искусству своему восточный танец живота.

Черты восточного же лица ее были во многом смягчены европейской кровью, отчего она, как и все азиатские полукровки, была необычайно мила, но при этом отнюдь не простодушна: «да, я знаю, что я чертовски привлекательна, – слетало с кончиков ее длинных ресниц, – но я не ханжа и могу себе кое-что позволить, хотя и не завожу дешевых интрижек и вообще играю в этой жизни по самому крупному счету».

Наш новый доктор лейтенант Молох, высокий обходительный красавец, всецело завладел вниманием Азалии, произнес лишь одно магическое слово – «Джуна». Ученик легендарной Джуны сразу же попал в точку, так как директриса музыкальной школы была о нем весьма наслышана...

Чуть погодя в «банкетном» зале появилась Света Черная, отдав должное нашей сервировке.

Я ждал выхода Королевы... Даже без своего пышного наряда – в незатейливой белой блузке и синей плиссированной юбке – она все равно оставалась королевой. Статная, прямовласая, она ступала так, как будто забивала в паркет каблучками золотые гвоздики. В ушах ее подрагивали черные кораллы на серебряных подвесочках.

Первым делом она справилась у хозяина дома, здоров ли тот после коктейля, который он испил из ее туфельки, на что услышала, что моряк-подводник пьет все, что горит, соляр горит, значит, повредить себе он никак не мог. Симбирцев усадил Королеву по правую руку, а Светлану Ивановну по левую. Я сел наискосок, так, чтобы держать в поле зрения Людмилу, не пялясь на нее столь откровенно, как бы хотелось. Я попробовал на звук, на вкус, на разбив ее имя – Люд-ми-ла – и нашел его Великолепным. Оно шло ей, как все, чем она украшала себя, как эти черно-коралловые серьги, как этот серебряный перстенок в виде дельфина, охватывающего палец в прыжке. Я готов был оправдать и объявить совершенством вкуса все, что бы она не надела на себя, не молвила вслух...

Так нельзя... Но я ловил каждое ее движение, каждый жест, каждую улыбку, и точно так же, как там, в центральном посту, все это расточалось не мне, не мне, не мне...

Вдруг совершенно неожиданно пришел Абатуров с женой – зеленоглазой питерской дамой, наезжавшей в гости к мужу время от времени. Вообще-то он не жаловал своим присутствием симбирцевские мальчишники и заглянул на огонек, видимо поддавшись всеобщему энтузиазму – разрядиться после нервной встряски с торпедой. По сути дела мы праздновали не столько День Первого Солнца, сколько наш общий день нового рождения... Катерина Абатурова спросила, кто тамада, и получила резонный ответ Симбирцева на кавказском диалекте (Гоша здорово копировал Сталина):

– Дарагая Като, мы нэ в Грузии – зачим нам тамада? Тамада на Севере нэ выживает... На Руси застольем правили рулевые атаманы. Я, как единственный здесь природный казак, объявляю себя гулевым атаманом и первый тост – настоящий грузинский тост – тебе, дарагая! Слушай: чтоб умирэт тибе в сто лет от рук рэвниваго супруга, и не па навету, а за дэло! Вай!

Тост понравился всем, кроме той, кому он был обращен. И еще вспыхнул, облившись при этом холодным потом, доктор Молох, который вдруг остро понял, что в маленьком городе – предупреждали же его в Москве! – ничего невозможно скрыть. Старпом, конечно же, все знает! Откуда?!

Он украдкой посмотрел на Катерину – ведь не могла же она так быстро проболтаться?

С ненужной услужливостью память выхватила глущий стоп-кадр: его рука на черном треугольнике женского паха... Неужели это была она – эта чопорная дама в строгих одеждах.

Усилием воли он погасил предательское видение. Покосился на Абатурова и слегка успокоился: тот, по-видимому, ничего не подозревая, увлеченно толковал с соседкой в трауре. Катерина перехватила его взгляд и ободряюще улыбнулась, даже слегка подмигнула, как ему показалось. Но влажный холодок между лопатками так и не схлынул. Не прогнал его и глоток коньяка. Если старпом и в самом деле что-то пронюхал, пусть видит, что жена командира его ничуть не интересует, что ему по сердцу его соседка со столь ошеломительным разрезом на бедре, и что именно ее он пойдет провожать после застолья, и поскольку они уже уговорились, что он поможет ей снять боли в крестце от отложившихся солей, то, может быть, именно сегодня они проведут первый сеанс по методу Джуны... Женщины любят притворяться, что это не они, а их заманивают в любовные сети.

4

За час до полуночи на симбирцевский мальчишник, несколько разбавленный дамами, нагрянул капитан 2-го ранга Медведев. Самый лихой из всех лодочных командиров эскадры (и самый опытный) сорокалетний холостяк и неутомимый сердцеед («бабник» – в одних устах, «жизнелюб» – в других), игрок и прожигатель жизни на берегу, любимец фортуны и деспот в море, ему многое прощалось и начальниками, и экипажем, и женщинами, имевшими несчастье подпасть под обаяние его пиратской природы, его обманчиво наивных ясно-голубых глаз, которые столь разительно контрастировали с мощной коробкой черепа, хищневатым боксерски прибитым носом, шрамом на лбу и золотыми зубами на месте резцов, выбитых в шторм о перископ. Он вошел в «банкетный зал» в синем лоснящемся лодочном кителе, распространяя запах соляра, краски и французского лосьона «Гладиатор». Прозеленевшие от морской соли шевроны на рукавах кителя были слегка задраны о закраины рубочного люка – точная примета корабельного офицера, как и стертые о стенки входной шахты якоря на пуговицах хлястика, но кавторанговские погоны, сшитыми в них стальными пластинами, лежали на широких плечах ровнехонько, сияя новенькими звездами и свежими просветами. Медведев только что – в третий раз! – был произведен в капитаны второго ранга.

– Здравсьте вам обалденное! – приветствовал он честную компанию.

– Миша! – радостно ахнул Симбирцев.

– Гоша! – откликнулся гость с не меньшим восторгом и изготовился по-борцовски, видя, как напряжился, идя ему на встречу, «лепший кореш», лучший друг. Они схватились как два атлета, облапив друг друга в медвежьем объятье. Потом Симбирцев потребовал штрафную, и лейтенант Весляров, за столом, вылил в серебряное ведерце бутылку брюта, добавив туда полбутылки коньяка. Медведев поднял емкость и с любопытством посмотрел, как всплывшие льдышки кувыркаются в пузырящем шампанском.

– Вот так же мы вчера всплывали в битом льду!

– Куда ходили?

– За «уголок». «Марьятту» гоняли.

Ответ Медведева понятен был немногим, разве что Симбирцеву да Абатурову, да лейтенанту Федорову, начальнику радиотехнической службы. Впрочем, что такое «за уголок», ясно было даже для Катерины, нечастой гостье в Северодаре: за выступ Скандинавского полуострова, в Норвежское море ходил Медведев...

– А кто такая Марьятта? – спросил Башилов у Абатурова, тот улыбнулся:

– «Марьятта» – это разведывательный корабль. Ходит под норвежским флагом, но работает на американцев. Вечно пасется возле наших полигонов. Вчера стреляли телеуправляемыми торпедами, вот Медведев ее и отвлекал...

– Ну, ладно, – проникновенно вздохнул гонитель «Марьятты». – Если б море было водкой, стал бы я подводной лодкой! Носом к морю, быть добру...

– И как там «Марьятта», Миша? Вусмерть загонял?

– Завел в битый лед, похоже, борта она себе намяла, – отвечал лихой командир, осушив ведерце до дна. – О, и Людка здесь! – заметил он Королеву и ринулся занимать освободившееся хозяйское место. Симбирцев ушел на кухню проверять готовность пельменей.

5. Башилов

То, что он назвал Королеву «Людкой», – царапнуло по сердцу. И то, что она дружески улыбнулась ему при этом, уже не царапнуло – резануло...

Я уставился на колеса вращающихся бобин: из недр полураскученной «Яузы», коричневых от стертого с заезженных лент ферромагнитного порошка, сквозь треск и шипение прорывался хрипловатый баритон барда: «...Лечь бы на дно, как подводная лодка, и позывных не передавать!..»

А собственно, почему бы им и не фамильярничать? Они здешние, старожилы, знают друга друга который год... И я снова ощутил себя безнадежным чужаком, пришельцем...

Высоцкий утешал:

Друг подавал мне водку в стакане,
Друг уверял, что это пройдет...

Нет, конечно, между ними что-то было... Вон как воркуют... А почему бы и нет? Кто устоит против такого корсара глубин? Пожалуй, я бы и сам пошел к нему в экипаж. Должно быть, с ним очень нескучно и жить, и плавать, и погибать...

В полночь замигали в такт порывам ветра люстра и все лампочки в доме, затем все разом погасло – весенние шквалы в очередной раз оборвали провода.

Зажгли свечи. Ели пельмени при свечах. Магнитофон замолчал, Симбирцев принес гитару, ею тут же завладел лейтенант Весляров...

От огромной карты Арктики веяло холодом, а может, просто дуло из оконных щелей. Гриф гитары покачивался у среза черного погона, и струны срывались из-под пальцев как

тетивы, и простуженный тенорок минера бросал в раскрывшиеся души незамысловатые слова: «Я – подводная лодка, Меня не пугать глубиной...»

И опять думалось, что все это происходит в не нашей, а в иной – новой – жизни, дарованной нам сегодня у Шестого причала...

Вдруг вспыхнул свет, рывкнул включенный магнитофон, и начались танцы под ритмы Аббы...

На двадцать шестом году жизни я совершил для себя ошеломительное открытие: оказывается, человечество делится не на классы, расы, партии, а прежде всего, и это главное деление – на мужчин и женщин. Что мне американский империализм и пролетарии всех стран, когда на меня не смотрит красивая женщина? Из всех треволнений дня самые острые, самые мучительные, самые счастливые перипетии – это охота за ее глазами, за ее взглядами, за ее вниманием. Что бы ни отдал за то, чтобы в общем разговоре она перекинулась с тобой хотя бы двумя фразами, как со счастливым доктором, или улыбнулась твоей шутке, как засмеялась механику, который слова «белль амур» из итальянской песни расслышал как «беломор». И уж вовсе немислимое счастье – остаться наедине хотя бы минутку, как повезло Медведеву, с которым она вышла покурить на площадку...

Но кто-то же услышал мои мольбы?!

– Белый танец! Белый танец! – закричала вдруг Азалия, вытаскивая из-за стола Симбирцева.

– А мне – мне?! – протянула руку Королева.

Это уже потом я догадался, почему именно мне – просто я оказался в этот момент рядом, а к ней ринулся, несмотря на то, что приглашали женщины, Медведев, весьма нетвердо уже державшийся на ногах; спасаясь от него, она и ухватилась за меня. Все это осозналось позже, а тогда, в первую минуту, меня обдало жаром посреди изрядно настынувшей уже комнаты. Все было так, как в первый школьный вальс: обмирая от робости, блаженства и счастья, я обнял ее за талию и повел, повел, повел, стараясь не столкнуться с какой-нибудь слишком уж энергичной парой. Карта Арктики поплыла перед глазами, качались чьи-то плечи в погонах и бретельках... Тур с Королевой – это было достойное вознаграждение за утренний ужас, пережитый на Шестом причале. Правда, ей, и я заметил это ничуть не обманываясь, было все равно, в чьих объятиях покачивалась она сейчас; полускрыв глаза – боже, какие ресницы! – она была не здесь, музыка, должно быть, очень памятная ей, отрешала ее от всего... Она передвигалась автоматически, как искусно разработанная кукла. Но я благодарил судьбу за то, что все же держу Королеву за плечи, касаюсь щекой ее волос, вдыхаю теплый аромат ее шеи, а при поворотах бедра ее слегка налегало на мое...

Я ничего не знал о ней. Для меня она была просто Красивой Женщиной вне всякого быта. Я и знать о ней ничего не хотел, чтобы чудо о Снежной Королеве, явленное сегодня в центральном посту, не поблекло от пошлых житейских мелочей и не развеивалось как можно дальше.

Потом с ней танцевали наперебой и Медведев, и Симбирцев, и Абатуров, и Молох... И снова Медведев, Маринеско Дикой эскадры, моряк удачи...

Я ушел на кухню, где мичман Марфин кипятил воду в электросамоваре и рассыпал по стаканам растворимый кофе. Каким родным и милым человеком показался он в минуту душевной невзгоды. Конечно, он тоже был под мухой, потому и засыпал в кофемолку вместо зерен арабики кедровые орешки; как ни странно, заваренный кипятком помол дал прекрасный напиток, не отличимый по цвету от кофе, но с нежным ароматом кедрового молочка. Он так и не заметил свою ошибку, а я не стал раскрывать ее и попивал свой «кофе по-сибирски», глядя в прострел распахнутых дверей, как тасуются в их рамках танцующие пары.

6

Людмила зябко передернула плечами – из щелей, заклеенных старыми штурманскими картами, дуло так, что свечи оплавливались наискось. Медведев, не прерывая спора – что эффективнее при аварийном всплытии: воздух высокого давления или подъемная сила рулей, – расстегнул китель, снял и накрыл им плечи Королевы.

Терпеть не могу, когда женщины напяливают на себя фуражки мужей или набрасывают их тужурки, – в этом много жеманства, и жеманства пошловатого. Но медведевский китель обнимал Людмилины плечи мужественно и романтично. Из нагрудного кармана торчал уголок расписки за полученные торпеды, подворотничок сиял девственной белизной, и я со стыдом подумал, что не смог бы поручиться за подобную свежесть своего ворота. Там, в «Золотой вше», в моей комнате, плавали в цинковом тазу, кроме неотстиранных рубаш, парадное кашне и с полдюжины белых тряпиц, отрезанных от старой простыни. Щегольской китель Медведева сшит на заказ, над клапаном верхнего кармана сияли командирская «лодочка», сделанная ювелиром из настоящего серебра, и бронзовый знак нахимовского училища. Людмилины волосы – светлые, неумные – ниспадали на кавторанговские погоны, закрывая большие звезды на желтых лучах. Она не сняла его китель, она приняла его. Королева сделала свой выбор. Увы, это так! И зря ты, Гоша, соляр пил!..

Я выбрался в прихожую, отыскал в копне черных шинелей свою и незаметно ушел.

Я стал себе чужим и противным, я смотрел на себя со стороны, видел невзрачного «каплея» с мелким крошевом звезд на погонах, в замызганной лодочной ушанке, с пятном сурика на обшлаге, с пуговицей на левом борту, закрепленной на спичке... Я жалел его и ненавидел за то, что не накрыл ее плечи своим кителем, за то, что не он познакомился с ней первым и не остался там по праву первопоклонника... Я гнал его из дома прочь, вниз, в гавань, на подводную галеру... Все! Хватит страданий! На лодку! Будем служить!

* * *

Скатерть белая, конечно же, была залита вином. И гусары, если еще не спали беспробудным сном, то были весьма близки к этому состоянию.

Медведев взялся провожать сразу двух дам – Людмилу Королеву и Свету Черную: они жили на одной улице. Азалию повел доктор Молох, прежде обменявшись тайным пожатием пальцев с Катериной, благо в темноте и суতোлке прихожей это можно было сделать незаметно.

Азалия тихо злилась на Медведева, который, казалось, совсем забыл их недавнюю страстную ночь в мурманской «Арктике» и поплелся провожать эту дуру Людку с ее малахольной соседкой. Утешало несколько то, что рядом шел красавец лейтенант, к тому же москвич, он рыцарски прикрывал ее от ветра и рассуждал при этом о ее здоровье:

– Возможно, все ваши недомогания связаны с тем, что ваша кровать стоит в геопатогенной зоне и ее надо просто передвинуть в другое место... – выкрикивал Молох в затишьях между снежными шквалами.

– Это не так-то просто сделать – у меня очень тяжелая двуспальная кровать из венгерского гарнитура «Марика». Знаете, за две тысячи, из мореного дуба?

– Я готов вам помочь.

– Хорошо, как-нибудь я вас приглашу...

Они уже вошли в подъезд и поднимались по лестнице.

– Но сначала нужно определить, действительно ли кровать стоит в геопатогенной зоне.

– Ой, а вы умеете? – спросила Азалия, вставляя ключ в замок обитой кожей двери.

Вместо ответа Молох быстро обнял ее и вообрал, втянул, всосал в себя ее податливые мягкие губы, горьковатые от французской помады и болгарского табака. Так они и ввалились в квартиру – в обнимку...

Глава шестая

1. Башилов

Едва я приоткрыл дверь подъезда, мне показалось, будто я заглянул в топку, бушующую белым пламенем. Пуржило неистово и небывало. Тугой воздушный ком ударил в спину, и я, как на коньках, заскользил по раскатанной дороге, пока другой вихрь не сдернул меня за полы шинели в сугроб. Я засмеялся от удовольствия. Со мной играло невидимое мягкое существо. Но существо было сильным. Оно легко водило меня из стороны в сторону. А когда ударяло в лицо, то перехватывало дыхание.

Поземка не мела, она текла сплошными белыми струями, которые время от времени закручивались в воронки.

Я брел под гору к нижним воротам подплава, ориентируясь по углам домов, едва выступавшим из снежной замети. Фонари слепо помигивали, видимо, буран замыкал провода, и когда они все же разгорались, то просвечивали сквозь роящийся снег тусклыми белесыми шарами.

Шквалы один за другим врывались в улицы, крутились среди скал и домов, и мчались, и ревели в одних только им ведомых руслах. Они скатывались по крышам, как по водопадным ступеням, прорывались в арки, словно в бреши плотин, и низвергались в гавань, обрушивая белое половодье на черные струги субмарин, выдувая из шпигатных решеток визжащий вой. Визжало все, за что мог зацепиться ветер. Дрожащее разноголосье сливалось в жутковатый хор нежити. Прорвалась всеобщая немота, и вещи запели, заныли, застонали... Выли дверные скважины и воронки водосточных труб, стальные жабры подводных лодок и чердачные жалюзи, провода, леера, антенны... Захлопал брезент на зенитных автоматах. Загромыхала сорванная жесть кровель. Задребезжали стекла.

Вертушка турникета в воротах подплава вращалась сама по себе, пропуская белые призраки, а те не торопились, гремели настывшим железом и тут же с порога ныряли в снежную кутерьму, мчались по причалам кубарем, вскачь, коловоротом... Ну, мело!

Пудовый крюк железнодорожного крана сорвался с привязи. Он мечется под вздыбленной стрелой буйно и страшно, словно огромная костистая рука крестит все, что попадает под скрюченный палец, – рельсы, сопки, рубки подводных лодок, невидимые в пурге дома, арсеналы, казармы...

С мостика нашей лодки бьет прожектор. Луч его вязнет в метели, шквалы сдувают узкий свет. Шквалы сдувают меня с голых досок настила. Я тараню упругую стену ветра, перебираю ногами, но ни на шаг не приближаюсь к трапу. Все, как в дурном сне – идешь, и ни с места. Якорный огонь на корме брезжит маняще и недоступно. Я превратился в белую пешку, которую шторм передвигает с клетки на клетку, с половицы на половицу. Игра уже не игра. Снежный тролль кинулся под ноги, как самбист, которому нужно сбить противника. И ведь сбил же! Шинель тут же завернулась на голову, ветер вздул ее черным парусом и поволок меня по скользкому настилу туда, где причал обрывался в море. И зацепиться не за что, и никому не крикнешь – верхний вахтенный укрылся в обтекателе рубки, а обшивка гудит как огромный бубен.

Но буря смилоствивилась и швырнула мне капроновый конец, за который стаскивают сходню на борт. Обычно трос скручен в бухту и лежит на причале словно круглый придверный коврик. Но ветер давно разметал кольца... Подтянувшись, я ухватился за леер родной сходни. От медного поручня рубки меня не оторвать. Цепко перебираю руками: еще шесть шажков по карнизному краешку борта – и ныряю в овальную нору обтекателя рубки. Здесь темно и тихо,

если не считать бутылочного подвывания газоотводного «гусака». Сверху из выреза мостика еще захлестывают обрывки шквалов, но я уже дома. Отряхиваюсь, отфыркиваюсь, сдираю с усов сосульки. На рулевой площадке тлеет плафон, под ним боцман – в ватнике, сапогах, шапке, дымит сигаретой, поглядывая в лобовой иллюминатор, полузалепленный снегом.

– От бисова свадьба! – роняет Белохатко в знак приветствия. От боцмана веет ямщицким степенством, уютно становится от его дымка и от хохлацкого говора.

– Что командир?

– Еще не прибыли.

Шахта входного люка обдает машинным теплом, соляром, духом жилья и камбуза. Спускаюсь по трапу в центральный пост, и белые взрывы бурана бушуют уже высоко над головой, над подволоком, над рубкой...

В лодке все готово к немедленной даче хода на тот случай, если лопнут швартовы. Но на палы причальной стенки заведены дополнительные концы – не оторвет. К тому же мы в «золотой середине» – между стенкой и лодкой Медведева – та стоит крайним корпусом. На ней тоже завели дополнительные швартовы, перебросив их на наши кнехты.

Медведева пока нет, и вряд ли он скоро появится. Службой у него правит старпом – сутулый мрачный субъект с язвой желудка, которую скрывает от врачей, дабы поступить на офицерские классы.

У нас все «на товсь!»: включены машинные телеграфы, прогреты моторы. Штурман через каждые четверть часа выбирается с анемометром на мостик – замеряет ветер. Прибор у него зашкаливает, и Васильчиков не устает этому удивляться:

– Тридцать два метра в секунду! Во дает!.. Боцман, гони верхнего вахтенного на причал! Если нас оторвет, будет хоть кому чалки принять!

Верхний вахтенный – матрос Данилов – греется в ограждении рубки, засунув под тулуп лампу-переноску. С превеликой неохотой выбирается он на причал и прячется за железнодорожным краном, колеса которого застопорены стальными «башмаками».

Ветер сдувает с неба звезды, как снежинки с наших шинелей. Вода в гавани заплескалась, заплясала, зализала корпус, вымывая снег из шпигатных решеток. Лодку покачивает. В такую погоду хорошо бы погрузиться да переждать ураган на грунте. Но командир еще не пришел, нет и Симбирцева.

Боцман с сигнальщиками затягивают брезентом мостик, чтоб не наметало в ограждение рубки. Вырез в крыше обтекателя – «командирский люк» – закрыли железной заглушкой. Законопатились.

2

Три звонка. Это сигнал верхней вахты о том, что идет кто-то из начальства. Вертикальный трап дрожит и вздрагивает, в обресе нижнего люка появляются ботинки, облепленные снегом. Начальников на подводных лодках узнают снизу – по обуви. Эти широкие сбитые каблуки ботинок сорок пятого размера могут принадлежать здесь лишь одному человеку – Гоше Симбирцеву. Я радуюсь его приходу, я радуюсь ему, как родному брату.

Старпом – единственный на корабле человек, с которым я могу разговаривать на «ты», ничуть не поступаясь субординацией. У нас с ним равные дисциплинарные права и равное число нашивок на рукавах – две средние и одна узкая. У нас с ним все рядом – места за столом, каюты в отсеке, столы в береговой канцелярии. Наши пистолеты хранятся в соседних ячейках... Мне не терпится затащить его в каюту и посидеть, как давно не сидели, – с веселой травлей под крепкий чай, с нечаянными откровениями и нетягостным молчанием.

Меня опережает дежурный по кораблю:

– Смирно!

Лейтенант Симаков подскакивает с рапортом.

– ...Плотность аккумуляторной батареи... Дизеля прогреты. Готовы к немедленной даче хода. Команда на местах. Двоих людей выделили для наблюдения за швартовыми.

– Выделяют слизь и другие медицинские жидкости. Людей на флоте – назначают. Ясно?

– Так точно. Назначены для наблюдения за швартовыми. – На бедре у Симакова пистолетная кобура, слипшаяся от застарелой пустоты, китель перехвачен черным ремнем, белосиняя повязка надета с щегольским небрежением – ниже локтя.

– Повязку подтяни. На коленку съехала...

Симбирцев разглядывает его так, как будто видит впервые.

Глядя на них, трудно представить, что вчера на «мальчишнике» по случаю дня рождения Симбирцева Симаков хозяйствовал на старпомовской кухне и, когда вдруг кончился баллонный газ, проявил истинно подводничью находчивость: поджарил яичницу на электрическом утюге.

– Идем, Сергеич, посмотрим, есть ли жизнь в отсеках?

Рослый, крутоплечий, с черепом и кулаками боксера-тяжеловеса, Симбирцев ходит по отсекам, как медведь по родной тайге, внушая почтение отъявленным дерзцам и строптивцам.

Для него старпомовский обход отсеков не просто служебная обязанность. Это ритуальное действие, и готовится он к нему весьма обстоятельно. Сквозь распахнутую дверцу каюты вижу, как Гоша охорашивается перед зеркальцем: застегивает воротничок на крючки – китель старый, «лодочный», с задравшимися от частого соприкосновения с железом нашивками, но сидит ладно, в обтяжку; поправляет «лодочку» на груди, приглаживает усы, приминает боксерский ежик новенькой пилоткой с прозеленевшим от морской соли «крабом»...

– К команде, Сергеич, – перехватывает мой взгляд, – надо выходить, как к любимой женщине... франтом.

Симбирцев натягивает черные кожаные перчатки (не пижонства ради, а чтобы не отмыть потом пемзовым мылом руки, чернеющие от измасленного лодочного железа), вооружается фонариком – заглядывать в потаенные углы трюмов и выгородок, и мы отправляемся из носа в корму. Нас встречают громогласным «смирно», а произносить «вольно» старпом не спешит...

– А кто это там стоит в позе отдыхающего сатира? – вглядывается Симбирцев в машинные дебри отсека. – Е-ре-ме-ев!.. Ручонки-то опусти, была команда «смирно».

Еремеев неделю как нашел лычки старшины второй статьи – теперь пусть молодые вытягивают «руки по швам»... Симбирцев не из тех, кто любит, когда перед ним замирают «во фрунте», но надо сбить спесь с новоиспеченного старшины.

– Ёрема, Еремуш-ка... – в ласковом зове старпома играет коварство. – Ты чего такой застенчивый? На берег идешь – погон вперед, чтобы все видели. По килограмму золота на плече. Расступись, суша, – мореман идет! И домой уж, поди, написал: «Мы с командиром посоветовались и решили...»

В рубке радиометристов прыснули.

– Что, была команда смеяться?!

Команды не было, но это именно то, чего добивался старпом. Над гоношистым Еремеевым посмеялись сотоварищи. Это в десять раз больнее, чем простое одергивание.

Матросы любят Симбирцева. Он распекает без занудства: справедливо, хлестко и весело. Его разносы сами собой превращаются в интермедии. Улыбаются все, даже сам пострадавший, хотя ему в таких случаях бывает – и это главное – не обидно, а стыдно.

По короткому трапу Симбирцев спускается в трюм. Я – за ним. Луч фонарика нащупывает в ветвилнице труб круглую голову матроса Дуняшина. Голова уютно пристроилась на помпе, прикрытой ватником.

– Прилеж вздремнуть я у клинкета... Подъем! – Дуняшин вскакивает, жмурится...

– А кто будет помпу ремонтировать? – ласково вопрошает старпом. – Карлсон, который живет на крыше? Хорошо спит тот, у кого матчасть в строю. Иначе человека мучают кошмары... Чтобы к утру помпа стучала, как часы. Ясно?

– Так точно.

Из-за пурги переход на береговой камбуз отменили, ужин будет на лодке сухим пайком. Коки кипятят чай и жарят проспиртованные «автономные» батоны: лодочный хлеб не черствеет месяцами, но если не выпарить спирт-консервант, он горчит.

У электроплиты возится кок-инструктор Марфин, вчерашний матрос, а нынче мичман. Фигура Марфина невольно вызывает улыбку: в не подогнанном кителе до колен и с длинными, как у скоморохов, рукавами он ходит несуразно большими и потому приседающими шагами. По натуре из тех, кто не обидит мухи – незлобив, честен.

Марфин, родом из-под Ярославля, пошел в мичманы, чтобы скопить денег на хозяйство. По простоте душевной он и не скрывает этого. В деревне осталась жена с сынишкой и дочерью. Знала бы она, на что решился ее тишайший муж! Да и он уже понял, что подводная лодка – не самый легкий путь для повышения личного благосостояния.

У Симбирцева к Марфину душа не лежит: не любит старпом тех, кто идет на флот за длинным рублем. Симбирцев смотрит на кока тяжелым немигающим взглядом, отчего у Марфина все валится из рук. Горячий подрумяненный батон выскальзывает, обжигает Марфину голую грудь в распах камбузной куртки.

– Для чего на одежде пуговицы? – мрачно осведомляется старпом.

– Застегивать, – добродушно сообщает Марфин.

– Во-первых, не «застегивать», а «застеживать», во-вторых, приведите себя из убогого вида в божеский!

Марфин судорожно застегивается до самого подбородка. Косится на китель, висящий на крюке: может, в нем он понравится старпому?

– Эх, Марфин, Марфин... Тяжелый вы человек...

– Что так, товарищ капитан-лейтенант? – не на шутку встревоживается кок.

– Удивляюсь я, как вы по палубе ходите. На царском флоте вас давно бы в боцманской выгородке придавили. – Марфин сунул плечи.

– В первом – окуроч, в компоте – таракан. Чай... Это не чай, это сиротские слезы!..

Окуроч и таракан – это для красного словца; чтобы страшнее было. Но готовит Марфин и в самом деле из рук вон плохо.

– Вы старший кок-инструктор. Вы по отсекам, когда матросы пищу принимают, ходите? Нет? Бойтесь, что матросы перевернут вам бачок на голову? Деятельность вашу, товарищ Марфин, на камбужном поприще расцениваю как подрывную.

Марфин ошарашенно хлопает ресницами. Мне его жаль. Он бывший шофер. «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник»... Беда и для экипажа, и для Марфина. Что с ним делать? Списать? Переучить? И то и другое уже поздно.

А тут еще его прямой начальник – Федя-пом.

3

Помощник командира старший лейтенант Федя Руднев внушил себе, а может, так его закодировали враги «Буки 410-й», что он обладает недожизненным кулинарным талантом. Иногда, по настроению, он приходил на камбуз и брал бразды правления в свои руки. Штатные коки жались по переборкам, наблюдая, как их главный начальник шаманит с кастрюлями и жаровнями.

Федя считал, что больше всего ему удаются украинские борщи. Он полагал себя великим специалистом в деле приготовления украинских борщей, хотя любой хохол, отведав «Фединого

супчика», сначала бы очень удивился, что это блюдо столь безапелляционно названо украинским борщом, а затем бы и обиделся.

– Что это?! – с неприятным омерзением отшатывался от тарелки с «украинским борщом» доктор, подцепив ложкой нечто черное, морщинистое, хвостатое.

– Сушеная груша, – хладнокровно пояснял автор борща. – В украинский борщ всегда сушеные груши кладут. Фирменный секрет. Ноу-хау.

– У тебя, Федя, несколько странное представление об украинском борще, – ласково, стараясь не задеть авторских чувств кока-экспериментатора, вступал в беседу Симбирцев. – В украинский борщ не кладут все, что найдешь на камбузе и в провизиях.

– Но груши кладут! – отстаивал свое ноу-хау помощник.

– Тогда это будет компот, а не украинский борщ, – замечал Башилов.

– Да это вообще шурпа какая-то! – возмущался Мухачев.

– Помесь лагмана с компотом!

Пораженный единодушием сотрапезников, Федя Руднев затихал, но только для того, как потом оказывалось, чтобы изобрести новые варианты украинского борща. И когда в недельном меню, вывешенном на дверце кают-компания, появлялось это коварное – «украинский борщ», все настораживались. И не зря. И едва вестовой выставлял тарелки с дымящимся красноватым варевом, как едоки с неприятным интересом начинали рыться ложками в гуще, отыскивая очередное Федино «ноу-хау». И, конечно же, кто-нибудь самый подозрительный и привередливый патетически восклицал:

– Федя, что это?

– Как что?! – яростно огрызнулся приверженец украинской кухни. – Колбаса!

– А кладут ли в украинский борщ твердокопченую колбасу? – жалобно вопрошал присутствующих штурман.

– А из чего я тебе шкварки на лодке сделаю? – праведно возмущался помощник.

– Так ты ее еще и жарил? – дерзко изумлялся штурман, чувствуя молчаливую поддержку стола. – Твердокопченую колбасу жарил?!!

– Найдешь сало, сделаю а ля натюрель, – отвечал Руднев, тщаь из всех сил придать своему голосу добродушие и безразличие.

– А зачем его искать, Федя? – плотоядно вглядывался старпом в толстое брюшко горелулинара. – Сало оно всегда с нами.

– Прошу без намеков!

– Федя, ты же русский человек, ну что тебе дался украинский борщ, – увещевал его старпом. – Ты лучше щи приготовь. Это и проще, и безопаснее.

Однако помощник не оставлял попыток приготовить «настоящий украинский борщ». Это была его идея-фикс, рано или поздно кто-нибудь из едоков должен был воскликнуть: «Вот это борщ! Настоящий украинский!» Он ждал этого возгласа, как жаждают освистанные солисты аплодисментов, как непризнанные гении надеются хотя бы на посмертное признание.

Жизнь заставила начальника службы снабжения быть хитрее. Теперь «украинский борщ» появлялся в меню под псевдонимом «суп свекольный по-киевски». Но это был самый ужасный из всех вариантов «украинского борща»: в темно-багровой жиже, подернутой разводами жира свиной тушенки, белели, точнее розовели, толстые макаронины.

– Наконец-то я ем настоящий украинский борщ, – произнес штурман вождественную фразу. Федя недоверчиво покосился на него. Признание его кулинарных талантов прозвучало в устах штурмана как-то очень грустно и даже мрачно. – Но чего-то в нем не хватает...

– Не хватает в нем голов тараньки, – столь же мрачно предположил старпом.

– И молока с соленым огурцом, – усложнил рецептуру доктор.

Все на минуту задумались, изобретая самые гадостные ингредиенты.

– Я бы добавил сюда сушеных мухоморов и побольше гусиного жира, – продолжил дискуссию минер.

– Перловки! Касторки! – летели предложения со всех сторон стола.

– Маслин!

– Машинного масла!

– Шампуня!

– Хмели-сунели!

– Серной кислоты!

Помощник хладнокровно встретил град издевательских советов. Так опытный шахматист, припасший хитроумную домашнюю заготовку, спокойно взирает, как с клетчатой доски одна за другой исчезают его пешки.

– Гарсон! – кликнул он вестового. – Ну-ка, позови сюда мичмана Белохатко.

Мичмана долго звать не пришлось, он случайно оказался во Втором отсеке, в двух шагах от дверей кают-компания.

– Белохатко, ты хохол? – спросил помощник, готовясь к хорошо подготовленному триумфу.

– Щирый! – подтвердил мичман-полтавчанин.

– Ну-ка, скажи, что это по-твоему? – протянул ему Федя свою ложку.

– Скажи, мичманок, скажи, – попросил и Симбирцев, гипнотизируя третейского судью тяжелым недобрый взглядом. Мичман мгновенно оценил расклад сил. Он долго причмокивал, вникая в сложный вкус рудневского варева, зачерпнул еще одну, дабы не допустить ошибки в выводах. На самом деле тянул время, пытаясь ответить самому себе на другой вопрос: что весомей – чаша общественного мнения или посуды помощника насчет трех банок сгущенки и бутылки «сахаря». От напряженных раздумий его прошиб пот, и он зачерпнул третью ложку из услужливо подставленной тарелки штурмана.

– Ты что, сюда жрать пришел? – не выдержал общего нервного ожидания старпом. – Говори, что это?

Голос Симбирцева не обещал ничего хорошего, и мичман отважился на правду.

– Змеиный супчик, – заключил он под торжествующий гогот кают-компания.

Конец эпопее с «украинским борщом» положил командир. Он пришел с мостика позже всех и когда выловил из «змеиного супчика» толстую розовую макаронину, облепленную волокнами свиной тушенки, внимательно рассмотрел улов – так зоологи изучают новый вид каких-нибудь многощетинковых гусениц, – обреченно уронил мохнатую макаронину в «свекольный суп по-киевски» и философски изрек:

– Вот из-за такого борща на «Потемкине» бунт вышел! Доктор, – поискал он глазами лейтенанта Молоха, – проследите лично, чтобы приготовлением пищи на камбузе занимались только допущенные лица!

Так из корабельного меню навсегда исчезли не только «украинские борщи», но и «киевские свекольники».

Себе в утешение помощник завел себе новое хобби – чеканку на грузинские темы: девушки с кувшинами, старцы с винными бочками.

4

В кормовом отсеке, не дожидаясь официального отбоя, уже подвесили койки, раскатали тюфяки... Никто не думал, что старпом появится в столь неурочный час.

– Картина Репина «Не ждали», – комментирует Симбирцев всеобщее замешательство. Он выдерживает мхатовскую паузу. – Товарищи торпедисты большой дизель-электрической подводной лодки! Ваш отсек можно уподобить бараку общежития фабрики Морозова. Бабы,

дети, мужики лежат, отгородившись простынями... Я понимаю, – усмешается старпом, – вы измучены вахтами у действующих механизмов, вы не отходите от раскаленных в боях за Родину стволов... Ирония зла, ибо самые незанятые люди на лодке – торпедисты. Никаких вахт у действующих механизмов они не несут. Вижу, румянец пробежал по не-ко-то-рым лицам! Есть надежда, что меня понимают...

Последнюю фразу Симбирцев тянет почти благодушно и вдруг рубит командным металлом:

– Учебно-аварийная тревога! Пробоина в районе... дцать седьмого шпангоута. Пробоина подволочная. Оперативное время – ноль! Зашуршали!

Щелкнул секундомер, щелкнул пакетный выключатель, отсек погрузился в кромешную тьму. Темнота взорвалась криками и командами.

– Койки сымай!

– Аварийный фонарь где?

– Федя, брус тащи!..

– Ой, баля... По пальцам!

Разумеется, «пробоина» была там, где висело больше всего коек. Теперь с лязгом и грохотом летели вниз матрасные сетки, стучали кувалды, металась лучи аккумуляторных фонарей, выхватывая мокрые от пота лица, оскаленные от напряжения зубы, бешеные глаза... Работали на совесть, знали: старпом не уйдет, пока не уложатся в норматив.

– Зашевелились, стасики, – усмехался в темноте Симбирцев, поглядывая на светящийся циферблат. Зажглись плафоны. Красный аварийный брус подпирает пластырь на условной пробоине. Вопрошающие взгляды: «Ну как?» Но старпом неумолим.

– Это не заделка пробоины. Это налет гуннов на водокачку. Брус и пластырь в исходное. Повторим еще раз. Учебно-аварийная тревога! Пробоина...

На глаза Симбирцеву попадает раскладной столик с неубранным чайником и мисками. Все ясно, «пробоина» будет в том углу.

– ...в районе задней крышки седьмого торпедного аппарата!

Злополучный столик летит в сторону. Нерадивому бачковому теперь собирать миски под настилом... И снова:

– Это не есть «вери велл»... Пробоина в...

Мы возвращаемся в центральный пост. Круглые латунные часы на переборке штурманской рубки показывают время политинформации. Беседы с матросами проводят все офицеры – от доктора до механика. Сегодня мой черед. Обычно народ собирается либо в кормовом торпедном отсеке, либо в дизельном – там просторнее. Но сейчас объявлена «боевая готовность – два, надводная», все должны быть на своих местах, поэтому я включаю микрофон общелодочной трансляции и разглаживаю на конторке вахтенного офицера свежую газету. Впрочем, она мне не нужна. То, о чем я прочитал утром, весь день не выходит из головы... Я рассказываю, как рыбаки зацепились за что-то на дне тралом. Спустили аквалангиста, и это «что-то» оказалось подводной лодкой, типа «щука», погибшей в начале войны. К месту находки подошло аварийно-спасательное судно. Водолазы сумели открыть верхний рубочный люк, и из входной шахты вырвался воздух сорок первого года. Люди в скафандрах проникли в центральный пост «щуки» и обнаружили скелеты подводников. Все они лежали там, где им положено быть по боевому расписанию.

Я говорю о мужестве, о воинском долге и знаю, что сейчас меня слушают все – все, кто бы чем ни занимался и в какой бы глухой лодочной «шхере» ни находился.

Щелчок тумблера. Политинформация окончена. Забираюсь в свою каютку с чувством хорошо сделанного дела. Тут и Симбирцев пролезает в гости. Диванчик под тяжестью его тела продавливается до основания.

– Зря ты, Сергеич, эту загробную тему поднимал... – вздыхает старпом.

Шутит или всерьез?

– Завтра глубоководное погружение. А ты про покойников. Мысли всякие в голову ползут.

– Ты это серьезно?

– Между прочим, завтра десятое апреля.

– Ну и что?

– «Трешер» погиб на глубоководном погружении десятого апреля одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. Слышал об этом?

– В общих чертах.

– Ну так вот, я тебе расскажу в подробностях. А завтра посмотришь, каково тебе будет на предельной глубине.

Они вышли из Портсмута в Атлантику – новейший американский атомоход «Трешер» и спасательное судно «Скайларк». После ремонта «Трешеру», как и нам, надо было проверить герметичность прочного корпуса. Сначала он погрузился в прибрежном районе с малыми глубинами – двести полета, двести шестьдесят метров. Ночью пересекли границу континентального шельфа, и глубины под килем открылись километровые...

Симбирцев поглядывает на меня испытующе. Я беззаботно помешиваю ложечкой чай.

– Значит, так, глубина впадины Уилкинсона, где они начали погружение, две тысячи четыреста метров. На борту «Трешера» команда полного штата и заводские спецы – всего сто двадцать девять человек.

В восемь утра они ушли с перископной глубины и через две минуты достигли стодвадцатиметровой отметки. Осмотрели прочный корпус, проверили забортную арматуру, трубопроводы. Все в норме. Доложили по звукоподводной связи на спасатель и пошли дальше. Через шесть минут они уже были на полпути к предельной глубине – метрах на двухстах. Темп погружения замедлили и к десяти часам осторожно опустились на все четыреста. На вызов «Скайларка» «Трешер» не ответил. Штурман, сидевший на связи, забеспокоился, взял у акустика микрофон и стал кричать: «У вас все в порядке? Отвечайте! Отвечайте, ради бога!» Ответа не было.

Чай в моем стакане остыл. Я без труда увидел этого американского штурмана, привставшего от волнения и кричавшего в микрофон: «Отвечайте, ради бога!»

Они ответили. Сообщение было неразборчивым, и штурман понял только, что возникли какие-то неполадки, что у них дифферент на корму и что там, на «Трешере», всюду дуют главный балласт. Шум сжатого воздуха он слышал с полминуты. Потом сквозь грохот прорвались последние слова: «...предельная глубина»... И тишина.

На спасателе еще не верили, что все кончено. Решили, что вышел из строя гидроакустический телефон. Часа полтора «Скайларк» ждал всплытия «Трешера». Но всплыли только куски пробки, резиновые перчатки из реакторного отсека, пластмассовые бутылки...

Обломки «Трешера» обнаружили через год на глубине двух с половиной километров. К нему спускался батискаф «Триест» и поднял кое-какие детали. Но по ним так ничего и не определили...

– Но какую-то версию все-таки выдвинули?

– Версий было много. Американские газеты писали про «тайную войну подводных лодок», мол, его, «Трешер», подстерегли и всадили торпеду. Но это чушь, и они сами это признали. Возможно, кто-то из личного состава ошибся, и они пролетели предельную глубину. Но скорее всего, в сварных соединениях были микротрещины. Очень спешили в море, не провели дефектоскопию... Ладно, Сергеич, пойду посижу на спине. – И усмехнулся: – Спокойной ночи!

Я тоже раскатываю тюфяк, застилаю диванчик простыней и укладываюсь между стальной боковиной стола-сейфа и бочечным сводом правого борта.

Подводная лодка вздрагивает от шквальных порывов, будто лошадь от ударов хлыста. Поскрипывает дерево обшивки. Покачивает. Я лежу, как в колыбели. Лишь одна мысль отравляет душевный покой: «Зачем вызывают в особый отдел?»

На языке вертятся слова из шуточной весляровской песни: «На утро вызывают в особенный отдел: «Что же ты, подлюга, в лодке не сгорел?!»

И все-таки – зачем?

Еще два дня жить с этим неотвязным вопросом – как под дулом пистолета.

5. Башилов

...А наутро ударили весенние морозы. Буря стихла. Море затянуло летучим паром, будто рваное облако расстелилось по заливу. В одной из проредей мелькнула усатая голова то ли нерпы, то ли тюленя.

Торпедный кран медленно катится по рельсам причала. Промерзший металл визжит и хрустит словно битое стекло под катком.

Рубка изнутри обсахарена инеем. Торпедоболванка на пирсе серебристо-пушистая и похожа на елочную хлопущку. Вахтенный у трапа греется в клубках пара, бьющего из дырявой трубы под причальным настилом. Морозно. Бр-р...

Команды подводных лодок вышли на расчистку снежных заносов. «Объект внешней приборки», закрепленный за нашим экипажем, – многомаршевый деревянный трап, ведущий на вершину пологой с берега, но крутой с моря сопки. На картах она именуется «гора Вестник», и это весьма точно определяет роль высоты в жизни подплава. С ее голой вершины идут в штаб вести о штормах и циклонах, летящих к Северодару. Казалось, именно там находится главный диспетчерский пункт, по приказам которого все эти бураны, шквалы, выюги отправляются по своим маршрутам.

Лестницу так замело, что она превратилась в скат многоярусного трамплина. Матросы скальвают «карандашами» – корабельными ломачами – лед со ступенек. Сбоку, у перил, замечаю чьи-то узкие следы. Они не могли быть оставлены ни разлапистыми матросскими «прогарами», ни офицерскими ботинками. Это был женский след, след Королевы, и он вел в рубленный домик музыкальной школы. При одной только мысли, что я могу сейчас ее увидеть, сердце забилось резкими клевками. Шапка стала тесной и жаркой... Я стащил ее, потом надел... Поглядел по сторонам: ближайший ко мне матрос – Данилов, длинный худой москвич, – равнодушно долбил лед, никто на меня не смотрит...

Я поднимаюсь по трапу, и дома, корабли, люди становятся все меньше, все мельче... Зато открылись вершины дальних сопки и кручи островов. Базальт бугрился округлыми вспучинами, и видно было, что лестница взбиралась по застывшему в яростном бурлении каменному вареву древнего вулкана. Лунный ландшафт сопки состоял сплошь из наплывов, складок, впадин, точно вокруг были свалены скульптуры неких гигантских тел, и они полусплавились так, что округлости одного перетекали во впадины другого...

Посреди первозданного хаоса стоял бывший храм Николы Морского с сетью антенн, заброшенных в невидимый океан эфира. Но и храм этот был повержен, ибо, вопреки христианским канонам, в алтаре его, хоть и бывшем, волховала живая богиня.

Отсюда, с вершины Вестника, зимнее море в белой кайме припая открывалось широко и плоско – до самого горизонта, пушисто размытого дымкой. Его не заслоняли ни скалы, ни острова, ни извивы фьорда. Пожалуй, только отсюда и виден был тот синий мир, в толще которого жили рукотворные рыбины – наши странные корабли.

Лодка Медведева с белыми цифрами «105» на рубке вытянулась под горой во всю свою змеиную длину. За ее острым черным хвостом оставался бело-зеленый след взбитой винтами воды. «Сто пятая» уходила в «автономку».

На мостике торчали три головы в зимних кожаных шапках: Медведева, его старпома и боцмана у сигнального прожектора. Потом появилась еще одна – и что-то блеснуло над перископной тумбой. Присмотревшись, я узнал «колокольчик» – выносной динамик громкоговорителя. «Колокольчик» направили раструбом на нас, то есть на гору Вестник, и вдруг на всю гавань грянуло удалое руслановское:

Живет моя отрада
В высоком терему.
А в терем тот высокий
Нет входа никому!

Людмила поигрывала уголком шали. Королева Северодара слушала серенаду. Жаль, что магнитофонную...

Песня металась в гранитной теснине, разбивалась на эхо, так что в домик долетало и «отрада» и «никому» – сразу.

С рейдового поста замигал прожектор. Людмилинин помощник, оторвавшись от метеокарты, читал семафор по слогам:

– «Ко-ман-диру ПЛ. Что за ре-сто-ран «Поп-ла-вок». Вопрос. Объявляю выговор. Контр-адмирал Чернецов».

Медведев отсемафорил: «Вас понял. Благодарю за пожелание счастливого плавания. Командир ПЛ».

Так уходила «сто пятая»...

Я был уверен, что от такой серенады растает сердце любой женщины. Но Королева вдруг разозлилась.

– Ага! – повернулась она ко мне. – Так это по вашей милости я летела сегодня с лестницы?! Вы знаете, что я из-за вас чулок порвала?!

– Запишите его на наш лицевой счет! – попробовал я отшутиться. Но женщины меньше всего склонны потешаться над порванными чулками.

– Вас бы по этой лестнице спустить! За зиму ваши матросы могли хоть раз здесь появиться?!

Как хорошо, что я не успел сказать, что у матросов были более важные дела, чем скалывать лед со ступенек.

– Еще раз так запустите лестницу – буду звонить командиру эскадры!

Я пообещал, что гидрометеослужбе не придется обременять адмирала подобными просьбами, и ушел, гордо расправив плечи. Но едва я спустился на злополучный трап, как поскользнулся и лихо проехал по забитым снегом ступенькам. Вскочил, отряхнулся... Кажется, никто не заметил.

Боже, скорей бы в море! Если только выпустят особисты. Зачем я им?

И тут я понял, в чем дело! Косырев!

Бригадный пропагандист. Пропаганец. Вынюхал и заложил.

За полчаса до конца политзанятий я всегда объявлял матросам:

– А теперь всем писать письма!.. – И раздавал бумагу, чтобы не драли листы из конспектов.

У матроса-подводника в базе почти нет свободного времени. Письма домой пишут редко, урывками. Почта работает преотвратно, так что многие родители месяцами не получают весточек от пропавших на северах сыновей. Абатуров передал мне уже несколько тревожных запросов: «Где мой сын? Почему от него нет писем?»

Пусть лучше они пишут письма, чем выводят под запись липовые цифры грандиозных планов. Я понимаю, что для нашего начпо (у него на эскадре две клички – «НачЧМО» и «Папа-Гестапо») это чудовищная крамола. Но тут никто из матросов меня не заложит.

Всякий раз, когда я вынужден талдычить им об успехах нашей промышленности и сельского хозяйства, меня прошибает тихий стыд. Кому я вешаю лапшу на уши – этим ребятам, которые во сто крат лучше меня знают, что творится в их разоренных деревнях, в их рабочих трущобах, это им-то, наглотавшимся чернобыльской пыли и такой же кыштымской – радиоактивной водицы, детям спившихся родителей я должен втолковывать про преимущества социалистического образа жизни?

Мне стыдно.

Я закончил московский университет. В его стенах учились Лермонтов и Полежаев... Мне стыдно нести всю эту околесицу и всю эту самозабвенную ложь, которой меня усердно пичкают со страниц ГЛАВПУРОВских пособий и разработок.

Я выхожу из положения так.

– Вот что, орлы, – говорю я своим слушателям в синих фланелевках. – Сейчас быстро запишем то, что должно остаться в ваших конспектах, а потом я расскажу вам кое-что интересное...

Двадцать стриженных и не очень, двадцать разномастных, разнородных голов с тяжелым вздохом склоняются над тетрадами. Я диктую им фразы, которые должны остаться в их конспектах. Для проверяющих из отдела «Папы-Гестапо». На это уходит минут десять-пятнадцать. Все остальное время я рассказываю им про то, что они должны были знать на уроках истории и географии. Но они, после своих десятилеток, ни черта не знают!

Я был поражен, когда матрос Марусев не смог показать на карте Москву. Матрос Дуняшин на вопрос «Как зовут президента Америки?» после напряженных раздумий выдал: «НАТО».

Гидроакустик Костышин не знал таблицы умножения, и лейтенант Федоров, начальник РТС, день за днем проходит с ним столбцы. Костышин уже дошел до «семь на...».

Я рассказываю им про Средиземное море, куда мы пойдём, про Великое Море Заката, как называли его древние греки, про пиратов и путешественников, про подводных археологов, которые нашли на древнем затонувшем корабле, близ турецкого города Каш, золотую печать Нефертити, про ее мужа фараона Эхнатона, властителя Верхнего и Нижнего Египта, про Сент-Экзюпери, чей самолет покоится на дне все того же Великого Моря Заката...

Дневальные дважды сообщали мне, что Косырев трется у дверей ленкомнаты, подслушивая мои речи.

Заложил, гад, пропаганец!

6

Башилов с трудом дождался понедельника. Но с утра политзанятия. Даже визит к начальнику особого отдела не может быть причиной опоздания.

По дороге в подплав встретил Людмилу, поздоровались. Она даже улыбнулась ему, как старому приятелю. Этой улыбкой и жил он весь препротивный день.

На политзанятия в старшинской группе вошли посреди лекции кот Базилио и лиса Алиса – пропаганец Косырев и бригадный «комсомолец» (помощник командира бригады по работе с комсомолом) лейтенант Нестерчук.

– Почему нет наглядных пособий? – спросил Косырев, помечая в своем кондуите еще многое из того, чего у Башилова не было «для проведения полноценной политической учебы».

– Я отвечу вам на этот вопрос, – мрачно процедил капитан-лейтенант, – после занятий.

– А почему не сейчас? – поинтересовался «комсомолец».

– А потому, что бестактно проводить разбор занятий, когда они еще не закончились, да еще в присутствии подчиненных. Прошу покинуть кубрик!

Башилов дерзил. Предстоящий поход к эскадренному чекисту наполнял душу бесстрашием обреченного.

– Ну, ну, не очень-то, – отступал к дверям Косырев. – Я тебя по должности старше. Имею право.

Он выдал эту тираду плаксивым бабьим голосом и лишь потом удалился. Старшинам выходка зама очень понравилась, и до конца урока Башилов чувствовал на себе их одобрительные взгляды.

Лишь после обеда и «адмиральского часа» можно было наведаться к полковнику Барабашу.

Дверь начальника «особенного отдела» оббита черной кожей, простегнутой гитарными струнами. Набрав в грудь воздуха, Башилов толкнулся в жутковатый кабинет, где, казалось ему, все души просвечивают как на рентгене.

– Прошу разрешения! – выдохнул он.

Массивный дядя в черной тужурке с краснопросветными погонами полковника береговой службы листал на широченном столе бумаги. Башилов сразу же отвел от них глаза, чтобы чекист не уличил его в попытке прочесть названия этих, надо было полагать, сверхважных для государственной безопасности документов.

– Капитан-лейтенант Башилов по вашему приказанию прибыл, товарищ полковник!

Барабаш приостановил свое священнодействие. Он глянул из-под портрета Дзержинского, скопировав пронзительный взгляд «железного Феликса»:

– Ну, так что же это вы, Алексей Сергеевич, вводите в заблуждение и командование, и партию, и органы, наконец?

У Башилова противно похолодело в груди, и мерзкий холодок пополз вниз живота.

– Не понял, товарищ полковник, – с трудом выдавил он из пересохшего рта четыре слова.

– А чего же тут не понимать-то? В анкетах пишете, что родственников за границей не имею, а сами наследство через Инюрколлегию получаете.

– Наследство? – опешил Башилов. – Через что?! – Изумление его было столь неподдельно, что эскадренный чекист, слегка смягчившись, позволил себе сделать уточнения:

– Извещение вам пришло от иностранной юридической коллегии СССР. А извещают вас о том, что Башилов Дмитрий Сергеевич, скончавшийся в городе Ницца, оставил в наследство некую недвижимость.

Сбивчиво и косноязычно Башилов принялся излагать семейное предание о том, что «деда Дима» погиб в шестнадцатом году на линкоре «Императрица Екатерина» и что... Но Барабаш перебил его излишняя, прихлопнул тяжелой короткопалой ладонью листок извещения.

– Но вот же документ! Какие, к черту, линкоры. Сбежал ваш дедушка с беляками за кордон и вас забыл о том в известность поставить. Такое бывало. И не раз. И я охотно верю, что вы ничего не знали. Но что нам с наследством-то делать?

– Не знаю! – испуганно пожал плечами капитан-лейтенант.

– Есть два пути, – со знанием дела начал Барабаш. – Первый – отказаться от наследства в пользу нашего государства, и тогда эпизод с вашим дедушкой можно будет замять для ясности. Второй путь – принять наследство. Но тогда вам придется положить на стол партбилет, а к нему кортик и погоны. Советский офицер не может быть домовладельцем в Ницце. Надеюсь, вы это понимаете?

– Да, конечно...

– Выбирайте!

– Да какой уж тут выбор. Я в моря хочу!

Барабаш хлопнул в ладоши и довольно потер руками.

– Вот слово настоящего офицера! Именно это я и хотел услышать. Молодец! Уважаю! – Он протянул горячую ладонь и пожал ледяные башиловские пальцы. – А теперь слушай сюда, – доверительно перешел он на «ты». – Об этом извещении никто не должен знать. Даже начло. Знаем об этом только ты да я. Да Инюрколлегия. Понял?

– Понял.

– Ни хрена ты не понял. Но сейчас поймешь. Ты у нас вроде как не замужем?

– Холост.

– Пора, пора... Я в твои годы уже пеленки сушил. Но и спешить не след. Мне дед говорил: женись за неделю до смерти – вот так наживешься. Если доверишься, я тебе жену подыщу. Красавицу. Блондинку. Языки знает. Мечта!

Башилов изумленно уставился на полковника: шутит? разыгрывает? издевается? Барабаш вдруг резко переменял тему.

– Иди сюда! – подозвал он его к карте Средиземного моря. – Смотри, вот она твоя Ницца. А вот рядом Тулон, главная военно-морская база Франции. А с этого бока Генуя – главная судостроительная база Италии. А чуть ниже, – палец его скользнул на Сардинию, – крупнейшая американская база атомных подводных лодок... Сечешь, в каком местечке тебе твой дедушка дом оставил? Это ж волшебник, а не дедушка. Прямо старик Хоттабыч! А ты от наследства вздумал отказываться. Надо брать! Надо жениться и жить на берегу Лазурного моря. А невеста для тебя есть – эх, сам бы три раза женился!

– Я плавать хочу, товарищ полковник, – насупился Башилов, поняв, к чему клонит особист.

– Ну и плавай себе на здоровье. Мы тебе яхту подарим. А хочешь – катер?

– Я хочу служить на подводной лодке.

– Вот заладил! Дались тебе эти лодки. Ты ж университет кончал, а не какую-нибудь учебку! Хватит матросам про пиратов Средиземного моря и прочую чушь мозги засе...ть. Ты Родине нужнее в другом месте. Ну?

– Разрешите подумать, – выдохнул Башилов, ошеломленный не столько предложением Барабаша, сколько тем, что пропаганец Косырев заложил-таки его...

– Подумай, подумай... – отечески похлопал его Барабаш по погону. – Малый ты головастый, сам поймешь все как надо. Хотя чего тут думать?! Ты только представь себе объявление на столбе: «Меняю – дом в Ницце на каюту плавказармы в Северодаре». Ха-ха-ха! Ну, жизнь, блин, смешная. И человек еще думает. Нет, ты думай, думай... Шаг серьезный. Я не тороплю. Мне в Москве должность предложили, и то – думал... Но пока ты думаешь, домиکتо мы оформим. Нельзя таким наследством разбрасываться. В Москве давно не был?

– С прошлого отпуска.

– Ну вот. Бери три дня «по семейным обстоятельствам». Начпо я шепну. Отпустит. В Москве зайдешь в свой военкомат... Откуда призывался?

– Из Краснопресненского.

– Зайдешь в Краснопресненский, возьмешь свой старый гражданский паспорт. Военкома предупредим. И с паспортом по гражданке придешь на Горького три – в Инюрколлегию. Там все сделают. Действуй! И думай. Если хочешь, дам адресок. Посмотришь на будущую супругу.

Башилов ушел. Глядя ему в спину, Барабаш придумал оперативную кличку: Конек. Троянский. Точнее, Ниццкий. Конек, который вывезет его на более серьезные дела, чемковыряться в подноготной эскадры. В Москве еще не знают о наследнике из подплава. Это его находка. Это его конек...

7. Башилов

Психологи называют это «сшибкой» – когда в мозгах, в сознании сшибаются как машины лоб в лоб разнополярные понятия и веления. Я ожидал всего, только не того, что услышал. Поражало не извещение о наследстве, хотя и это давило на психику, поражало то, что дед все эти годы был жив! Жил в Ницце, наслаждался райской жизнью и ни разу за полвека не дал знать о себе.

Бабушка боготворила его, портрет «деды Димы» с заретушированными погонами висел у нее над кроватью. Дедом тайно гордились, вполголоса поминами при случае, ставили свечи в церкви... И вот он жив, был жив до самых последних лет! Это не укладывалось в голове, как не находило в ней места и предложение Барабаша. Идти в разведку? Быть шпионом? Жить в Ницце под видом торговца, диссидента, заправщика на бензоколонке – или кем там еще, кого они придумают? – мне совсем не хотелось. Конечно, побывать во Франции, пожить в этой всегда притягательной для русской души стране мечталось лишь в самых призрачных грезах. Но ведь на другой чаше весов лежали глубины не пройденных морей и океанов, подводная лодка, мой корабль, где я не пассажир, а заместитель командира, член экипажа, в котором такие парни, как Гоша Симбирцев или боцман Белохатко... Наконец, этот странный город с его Снежной Королевой.

Право, в мире не было другого такого города – на красных скалах, у зеленой воды, под голубым небом – в полярный день, под радужным всполохами – в арктическую ночь.

Но самое главное – здесь жила Снежная Королева, и жила она в подъезде моего дома – двумя этажами выше. Это было ошеломительное открытие!

8

Англичане говорят: «От соленой воды не простужаются». Простужаются. Заболел. В голове мерный ткацкий шум. Глазам жарко от пылающих век. Сердце выстукивает бешеную румбу.

Я возвращаюсь из офицерского патруля. Надо бы спуститься в гавань, разыскать у причалов лодку, сдать «заручное оружие» – пистолет – дежурному по кораблю, а затем снова подниматься в город. Но дом рядом, и я захожу выпить чаю.

Прилег не раздеваясь – холодно. Радиатор паровой батареи пребывает в термодинамическом равновесии с окружающей средой. Ребристая железная глыба леденит спину. Из теплоизлучателя она, похоже, превратилась в теплопоглотитель и втягивает в себя последние остатки тепла.

За стеной соседка баюкает дочку. Пробую уснуть под ее колыбельную. Девочка кричит. Который год слышу рядом беспрестанный детский крик: в купе, из гостиничного номера, из комнат соседей... Будто вечный младенец растет за стеной и никак не может вырасти.

Соседка забывает закручивать на кухне кран. Ей невдомек, как тревожен этот звук – капающей ли, журчащей, рвущей воды. Встаю. Закручиваю кран. Заодно стучусь к соседке – нет ли анальгина? Наташа перерыла домашнюю аптечку, не нашла ничего путного и побежала куда-то за таблетками. Я возвращаюсь к себе, накрываюсь шинелью с головой и понимаю, что до утра уже не встану и никуда на ночь глядя не пойду...

Ветер старательно выл на одной ноте, меланхолически переходя с одной октавы на другую, третью... У переливчатого воя была своя мелодия – тоскливая, зимняя, бесконечная.

Лицо пылало, и хотелось зарыться им в снег, но снег лежал за окном... Я расстегнул кобуру и положил на лоб настывший на морозе пистолет. Ледяной металл приятно охлаждал

кожу, а когда он нагрелся с одной стороны, я перевернул его... Потом пистолет снова нагрелся, и тогда я снял его и стал рассматривать, как будто видел впервые...

Как точно пригнана по руке эта дьявольская вещица: ладонь обхватывает рукоять плотно, и все впадины и выпуклости кисти заполняются тяжелым грозным металлом. Каждый палец сразу находит себе место: указательный удобно пристроился на спусковом крючке, выгнутом точь-в-точь под мякоть подушечки.

Изящная машинка, хитроумно придуманная для прекращения жизни, походила на некий хирургический инструмент. Разве что, в отличие от жизнерадостного блеска медицинской стали, ее оружейная сталь матово вычернена в цвет, подобающий смерти...

По стволу идет мелкая насечка, точно узор по змеиной спине. Глубокая рубчатка рукоятки. Я оттягиваю затвор. Словно клык обнажается короткий ствол, обвитый боевой пружиной. Все до смешного просто – пружина и трубка.

Затвор, облегающий ствол, – слиток человеческой хитрости: его внутренние выступы, фигурные вырезы и пазы сложны и прихотливы, как извивы нейронов, их придумавшие. Жальце ударника сродни осиному... Рука моя, слитая с хищным вороненым металлом, показалась чужой и опасной.

В дверь постучали, и на пороге возникла – я глазам своим не поверил – Людмила. Я быстро сунул пистолет под подушку.

– Заболел? – Она тронула мой лоб.

Ладонь ее после мертвенной стали показалась целебной и легкой, как лист подорожника. Восхитительная прохлада разлилась по лбу, и если бы она провела пальцами по щекам, то и они, наверное, перестали бы гореть. Но вместо этого она захрустела целлофаном, извлекая из облатки большую белую таблетку анальгина. Значит, это к ней бегала Наташа... Потом она подогрела чай, принесла баночку малины, и мне захотелось плакать от малинового запаха детства, повеявшего из горячей чашки. А может, оттого, что все это – и Королева, чужая, красивая, желанная, и хруст целлофана, и чашка с восхитительным чаем – примерещилось в жару, что утром в моей комнате и следа не останется от ее присутствия, и я не поверю сам себе, что она была здесь, у меня, в моих стенах...

Утром я нашел на столе клочок аптечного целлофана с обрывком надписи «альгин».

Она была!

Открыв себе это в ясном сознании и поверив в это, я оглядел свою комнату так, как будто видел все здесь впервые, как будто оттого, что здесь побывала она, все вещи стали иными, щемяще сокровенными... Вот стол – простой казенный, не застланный ни скатертью, ни клеенкой, с инвентарной бляшкой, на которой выбито: «1942 год», – чудом избежавший костра из списанной мебели, служил, быть может, кому-то из фронтовых командиров, теперь уже легендарных, неизвестно исчезнувших в море, – Видяеву ли, Котельникову или Гаджиеву. Тайны скольких писем, дневников, карт, чертежей хранит его столешница, исцарапанная, прижатая с угла упавшей свечой, с кругом от раскаленного чайника, с нечаянным клеймом от утюга...

Вот тумбочка из крашеной фанеры, перетащенная сюда прежним жильцом из матросской казармы. На тумбочке, накрытой старым флагом – белым, в красную шашечку, – кружка с электрокипятильником и керосиновая лампа на случай обрыва проводов.

На гвозде, вбитом в стену, – шинель, фуражка, черное кашне. В углу, у изголовья железной койки, – четыре книжных сталагмита и шестиструнная гитара... В незанавешенном окне – снега, заснеженные скалы, гавань в сугробах и выбеленные пургой подводные лодки...

Она здесь была.

Она спускалась сюда.

Она видела все это.

Вернется ли она сюда когда-нибудь?..

Лодочный доктор лейтенант Коньков пришел ко мне после подъема флага. Для солидности он надел поверх кителя белый халат. Док принес лекарство, освобождение на три дня и ушел, захватив мой пистолет, на лодку.

Она обещала заглянуть вечером.

Весь день я ждал. Я почти выздоровел, потому что болезнь моя перегорала в этом томительном и радостном ожидании. Я переоделся в единственный свой гражданский костюм, повязал галстук – и после старого лодочного кителя, из которого не вылезал почти всю осень, показался себе довольно элегантным. Пока не пришла она и ласково не высмеяла мой наряд, вышедший из моды лет пять назад.

Лю принесла пакет яблок, а я приготовил что-то вроде ужина из баночного кальмара, морской капусты и чая с консервированным лодочным сыром. Королева присела на ободраный казенный стол, накрытый вместо скатерти чистой «разовой» простыней, и комната – моя чудовищная комната со щелями в рамах, с тараканьими тропами за отставшими обоями, с играющими половицами и голой лампочкой на перекрученном шнуре – превратилась в уютнейший дом, из которого никуда не хотелось уходить и в котором можно было бы прожить век, сиди напротив эта женщина с цветочными глазами.

После охоты за ее взглядами там, в гостях, на людях, после ловли фраз ее, обращенных к тебе, после борьбы за минуты ее внимания вдруг становишься обладателем несметного богатства – целых три часа ее жизни принадлежат тебе безраздельно. Они твои и ее.

Ветры проносились впритирку к оконным стеклам – шумно и мощно, словно локомотивы, глуша на минуту все звуки и сотрясая все вещи.

Она чистила яблоко, разгрызала коричневые семечки – ей нравился их вкус – и рассказывала про родной город, где родилась и выросла, – про Камчатский Питер, Петропавловск, про долину гейзеров, про вулканы с гранеными горлами, про корейцев, торгующих на рынке маньчжурскими орехами, огородной зеленью и жгучей капустой чим-чим. Она рассказывала это не столько для меня, сколько для себя, вспоминала вслух, забыв, где она и с кем она... Я готов был слушать ее до утра, ничем не выдавая своего присутствия, и она ушла к себе действительно под утро, за час до того, как горнисты в гавани завели певучую «Повестку»...

...На другой вечер она снова пришла ко мне, и снова на горячем моем лбу остался ледяной след ее пальцев. И я играл ей на гитаре, и стекла в рамах гудели, словно туго натянутые полотнища. Стеклянные бубны и гитарные струны звенели заодно.

Так было и на следующий день, хотя я и вышел на службу, но вечером всеми правдами и неправдами мне удалось к ее приходу быть дома. К счастью, подводная лодка не спешила в море, корабль прочно стоял у стенки судоремонтной мастерской, и наши ночные посиделки продолжались по-прежнему: чай, свеча, гитара, ветер...

Я разучился спать, точнее, научился добирать необходимые для мозга часы покоя на скучных совещаниях, в паузах между делами, прикорнув в каюте до первого стука в дверь.

Команда сразу чувствует, что в жизни того или иного офицера появилась женщина. Женщины похищают лейтенантов из стальных плавучих монастырей. Похищенный виден – по туманному взору, по неумеренному щегольству в одежде, по стремлению вырваться на берег при первом же случае. На этот раз похищен я...

9

Свечи назывались почему-то железнодорожные. Их выдавали на гидрометеопост в пачках из провощенной бумаги на случай, если буря оборвет провода. Одну из пачек Людмила принесла мне и теперь в каждый свой приход зажигала посреди стола белую парафиновую свечу.

Что приводило ее ко мне? Скука зимних вечеров? Близость наших дверей, когда так просто пойти в гости: не надо собираться, выходить на улицу, возвращаться в темноте. Спустилась этажом ниже – и вот он, благодарный слушатель твоих воспоминаний, ждет не дождется. Я и вправду любил ее слушать: она рассказывала не спеша, чуть запрокинув голову... В такие минуты Королева Северодара, одним лишь словом срезавшая записных сердцедов, превращалась в доверчивую большеглазую девчонку.

И однажды случилось то, что уже не могло не случиться. Под переливчатый свист пурги я отложил гитару, задул свечу и зарылся лицом в ее холодные душистые волосы...

И это уже не мне пел эскадренный горн и это без меня спускали флаги, гремели цепи на колесах грузовиков и взывали лодочные сирены, маршировали экипажные строи и рассыпали бодрую дробь малые барабаны... Морской ветер, который устал ерошить шерсть гренландских медведей, трепать флаги дозорных фрегатов и крушить ледяные поля Арктики, ломился в наше окно, тщась высадить раму. Шквалы бились с разлета – зло, коротко, сильно, будто выхлестывали из пушечных жерл. Стены вздрагивали, точно дом был не щитовой, а картонный...

Вскакиваю с первым звуком сигнала «Повестка», как с первым криком петуха. Корабельный горнист трубит сигнал за четверть часа до подъема флага. За эти минуты успеваю побриться, одеться, застегнуть на бегу шинель и встать в строй. Стою на скользком обледенелом корпусе, за рубкой, на правом фланге офицерской шеренги; слева – плечо Симбирцева, справа – Абатурова. Ищу в созвездиях городских огней ее окно. Оно совсем рядом. По прямой нас разделяют каких-нибудь полтора шага. Но эта прямая перечеркнута трижды: тросом лодочного леера, кромкой причала и колючей проволокой ограды.

Причальный фронт резко делит мир надвое: на дома и корабли. Дома истекают светом, словно соты медом. Лодки черны и темны. Этажи горят малиновыми, янтарными, зеленоватыми фонарями окон. В колодцах рубочных люков брезжит тусклое электричество. Комнаты – оазисы уюта и неги: мягкая мебель, книги, кофе, шлепанцы, стереомызыка... Отсеки – стальные котлы, узкие лазы, звонки учебных аварийных тревог, торпеды и мины... Отсеки и комнаты – в немыслимом соседстве.

«Все здесь за-мер-ло до ут-ра...» – пропели радиопозывные «Маяка». И тут же на всю гавань грянул мегафонный бас:

– На флаг и гюйс – смирно!

Над огнями и дымами города, меж промерзших скал, заметалась медная скороговорка горна. Горн прокурлыкал бодро и весело, словно пастуший рожок, созывающий стадо. «Стадо» – угрюмое, лобастое, желтоглазое – расплзлось по черной воде гавани; «стадо» чешет округлые бока о ряжи причалов...

Наш истрепанный ветрами в пятнах соляра флаг в мгновение ока вползает «до места» на невысоком кормовом флагштоке.

– Вольно!

Короткий отыгрыш горна. Все. Очередной флотский день сорвался со стопора...

– Господа офицеры, – распоряжается старпом, – глотайте окурки и на проворачивание. У нас еще сегодня замена перископа...

Глава седьмая

Башилов

Меня отпустили с условием, что я найду офицера, который подменит меня на вечернем дежурстве – «обеспечивании» – в команде. Офицеров у нас в экипаже сейчас только четверо, остальные в отпусках, в госпитале, в патруле и всевозможных дежурствах. Из этих четверых подменить меня сможет только штурманенок Васильчиков. Васильчиков сможет меня подменить лишь после того, как «выдернет» краном сломанный перископ и погрузит его на торпедолов, идущий на ремонтный завод. Работа не самая сложная и больше часа не займет, но! Но у автокрана короткая грузовая стрела, и надо ждать отлива, когда лодка сможет опуститься у причала метра на два. Только тогда кран сможет вытащить трехтонный ствол перископа, если при этом не будет сильного ветра. Дежурный метеоролог меня обнадежил: отлив начнется до усиления ветра. Во всяком случае, час безветренной погоды при малой воде он гарантирует. А за этот час крановщик успеет выдернуть злополучный перископ и уложить его на палубу торпедолова.

Отлив начался в шесть вечера – и ветра не было! Но не было и матроса-крановщика. Бегали вместе с лейтенантом Васильчиковым по всем закоулкам бербазы и искали запропастившегося крановщика.

Текли драгоценные минуты, в которые очередной циклон летел к Северодару со скоростью парогазовой торпеды. Таял «залог верного свидания»...

Крановщика, которого я собирался растерзать на месте, мы обнаружили в кубрике матросов береговой базы, он бессовестно дрых на койке, несмотря на рабочее время. После скорого и бурного разбирательства выяснилось, что крановщик не может сесть за рычаги своего агрегата, поскольку после обеда помощник начальника штаба эскадры капитан 2-го ранга Федорук (за глаза – Федурак) отобрал у матроса просроченное удостоверение. Но если дежурный по бербазе даст «добро» работать без удостоверения, то он, крановщик, разумеется, перископ выдернет, «как два пальца об асфальт».

Я был благодарен этому рыжему увальню из-под Каунаса за дельный совет. На мое счастье, сегодня дежурил по береговой базе «цербер советского рубля» капитан финслужбы Миша Антипов, тучный и благополучный «финик», острый на язык, но понимавший душу подводника. Миша сразу же заявил, что его «добро» на преступную – без должных документов – погрузочную операцию будет стоить банку с «золотой рыбкой». Но под рукой жестянки с воблой нет.

– Давай утром принесу, – умоляю я.

Но Миша неумолим:

– Знаю я вас, героев глубин. Сначала деньги, потом – стулья.

– Ну, хочешь я тебе расчетную книжку оставлю?

– У меня своя есть... Знаю я вас. Утром в море уйдете – и плакала Саша, как лес вырубали.

– Да куда ж мы в море без командирского перископа уйдем? Мы же его выгружаем!

– А у вас второй есть... Зенитный. Чукча все знает. Чукча юколу любит. Чукче до утра стоять. Чукча кушать хочет.

Я с тоской смотрю на круглые корабельные часы над Антиповской головой – циклон приближается...

Наверное, я бы так и остался сидеть с матросами в казарме, не улыбнись Фортуна еще раз (который за вечер?!): навстречу нас с Васильчиковым валко вышагивает наш баталер вещевого мичман Верещагин. Идет в обнимку с двумя банками «золотых рыбок».

– Елистратыч, одолжи одну до завтра!

Царственный жест и вот уже одна из жестянок уже поблескивает на столе дежурного. А дальше все как в сказке. Миша звонит в кубрик, крановщик садится за рычаги, стрела крана вытаскивает из просевшей в отлив лодки перископ, и едва лоснящийся маслом ствол ложится на палубу торпедолова, как налетает первый порыв шквала. Успели!

Васильев идет подменять меня в казарму, а я на черных шинельных крыльях лечу за ворота с клыкастыми якорями поверх красных звезд...

Выигранный в лотерею вечер мы решаем с Лю провести на том берегу – в Мурманске, в ресторане. Тот же торпедолов, груженный нашим же перископом, благополучно переправил нас через Кольский залив в Росту.

О, вечер удач! Первый же таксист – наш. Мчимся по петливой горной дороге. Мы – на заднем сиденье. Водитель включил приемник. Голос диктора объявил: «Играет духовой оркестр республиканской гвардии Парижа». Я уже ничему не удивляюсь, даже тому, что нам в лапландских сопках играет оркестр республиканской гвардии Парижа. Дорога несется в переплетении аккордов и поворотов, в переплетении наших пальцев.

Вдоль заснеженных дорог – голубые вороха огней. Над Мурманском сияет колючее «искусственное солнце» – тысячеваттный ртутный лампийон.

Ресторан.

Я совсем забыл, что на свете существуют такие странные места, где по вечерам нарядно одетые люди поют и едят под музыку, никуда не спеша, не опасаясь никаких оповестителей, срочных вызовов, колоколов громкого боя.

В гардеробе – в ароматах надушенных мехов и кожаных пальто – моя шинель источает резкий дух лодочного соляра, морского йода и этинолевой краски. Я не успел переодеться, мой китель со сломанными погонами портит общее благолепие. Но Лю одета как надо – в белосиние цвета военно-морского флага: синяя юбка и белая ажурная блузка. За мраморной колонной она стягивает зимние сапоги, приоткрыв на мгновенье тонкие колени бегуны, переобувается в легкие туфли, похожие на выгнувших спину кошек, и мы, утопая в мягком ворсе паласа, идем в зал.

Столик на двоих. Влажный шепот шампанского в высоких и узких бокалах. Все это уже когда-то было. Все это, как в кино – про нас и не про нас... Лю бросает в вино дольку шоколада, долька мгновенно обрастает пузырьками, всплывает и тут же опускается на дно бокала, затем снова всплывает и снова опускается... Лю следит за ней, улыбаясь:

– Чтобы и у вас на одно погружение было два всплытия, – произносит она старый подводничий тост. – За удачу!

А потом грянуло пронзительное танго с россыпями барабанных дробей и страстными выкриками золоченых труб. Руки ее лежали на моих погонах, пальцы мои прикипели к узкой талии. Я поглядывал в зал поверх ее плеча и нечаянно ловил взгляды завсегдатаев – сытые, сонные, с проблесками похоти...

Волосы ее щекожут мое примороженное ухо. Высоко открытая шея источает теплые ароматы экзотических духов. Иногда чувствую щекой ее ресницы. Легкие волнующие касания ее бедер... Все это из другого мира.

Станцуем танго, юнга,
Под гонги из Гонконга...

Мы танцуем. На душе счастливо и тревожно. Слишком много удач в этот день. И чем-то еще придется расплачиваться с Фортуной? Взрывом аккумуляторной батареи? Потерей секретного документа? Бегством матроса?.. Но сегодняшний вечер стоит любого ЧП...

У нас с ней нет общего прошлого. Но оно необходимо, чтобы вспоминать вместе. Мы старательно его создаем. У нас уже есть общие словечки, понятные только нам обоим. Свой шифр. Мы уже умеем переглядываться и понимать друг друга с полуслова. Правда, пока все это только азы...

Ближе к полуночи мы поднимаемся: надо успеть на рейсовый катер. В гардеробе я замечаю невысокую плотную фигуру в черном флотском одеянии. Еще не решаюсь увериться в догадке, как к сердцу подкатывает противный холодок. Фигура оборачивается – на смушковой каскетке сверкает золото адмиральского шитья: Ожгибесов! На секунду меня охватывает смятение школяра, которого директор застал на вечернем сеансе для взрослых.

– Здравия желаю, товарищ адмирал!

Это говорю не я, эту спасительную фразу выстреливает автомат, встроенный в мою подкорку. Что-то вроде телефонного ответчика... Небрежный кивок мне и царственная улыбка ей:

– Позднехонько, Людмила Сергеевна. Домой? Могу подбросить. На катер вы уже опоздали.

– До катера еще полчаса, – уточняю я в надежде, что приглашение Ожгибесова это обычная любезность.

– Рейд закрыт из-за тумана. Так что в Северодар вы можете попасть только на моем катере, – настаивал командир эскадры, не сводя глаз с Лю.

Я прекрасно понимал, что адмиральское приглашение относилось прежде всего к ней и скорее всего только к ней. Мне же полагалось доверить свою даму вышестоящему начальнику и добираться своим ходом. И все же я предерзко соглашаюсь:

– Спасибо, товарищ адмирал. Мы воспользуемся вашей любезностью.

Ожгибесов был под легким шафе, и я надеялся, что мой кураж сойдет с рук.

Черная «Волга» со старомодным оленем на капоте – здесь на Севере он был весьма уместен – бесшумно и быстро доставила нас к воротам морского вокзала. Рейд и в самом деле был закрыт из-за сильного парения моря, но запрет не касался адмиральского катера. Мы спускаемся по трапу на палубу бывшего торпедоносца, и Ожгибесов, а не я, вступивший на трап первым, первым подает руку Людмиле. Здесь мой начальственный соперник предстает во всем своем морском величии. Это только ему только что прокричали с борта катера «Смирно!». Это только он первым вступает на трап. Это он, хозяин катера, уводит Лю в ходовую рубку, куда мне, не спросив разрешения, входить нельзя, да собственно, и некуда: рубка столь тесна, что в ней с трудом помещаются четверо: мичман-командир, рулевой, Ожгибесов и Лю.

Я спускаюсь в носовой кубрик, кипя от ревности и бессильной ненависти. Я раздавлен. Я ничтожество. Чеховский чиновник-червяк – даром что с военно-морскими нашивками на рукавах. Я ненавижу этот катер, переделанный некогда из боевого корабля в эту лакейскую ладью. Я ненавижу куцую мачту-треногу с двухзвездным флагом командира эскадры. Я ненавижу сытых матросов катера – адмиральскую челядь.

В кубрике, присев на груды спасательных жилетов, я начинаю мрачно мечтать: вот сейчас в тумане катер наскакивает на скалу (якорную бочку, створный буй, на встречное судно...), все в ледяной воде. Ожгибесов трусливо хватается всплывший нагрудник и плывет прочь к берегу, к спасательной шлюпке. Я хорошо плаваю, и я поддерживаю Лю на плаву, помогаю ей забраться на якорную бочку (скалу, буй, спасательную шлюпку...), я растираю ей окоченевшие руки, ноги...

Они стоят сейчас там, в рубке. О чем он ей говорит? Ведь ей наверняка льстит внимание первого человека в городе... Он не дурен собой, наделен немалой властью... Конечно же, он

ей нравится. Он не может не нравится. Женщина любит сильнейшего... Надо было отказаться от этого проклятого катера. Добрались бы сами...

Вот сейчас Ожгибесов, почти без свидетелей – матрос-рулевой не в счет, к тому же рев мотора скрывает слова – назначает ей свидание. Говорят, у него есть тайная «холостяцкая» квартира, где он принимает гарнизонных кокоток и тех жен, которые добиваются продвижения своих мужей любыми путями.

С отчаянием и ужасом я ловлю себя на мысли, что не верю Лю. И даже не столько ей, сколько женской натуре вообще. О, эти темные аллеи женской души, эти катакомбы инстинктов... Я ничуть не обвиняю ее, скорее, я оправдываю ее с помощью столь услужливо всплывших в памяти изречений Ницше, Фрейда, Нордау... Но от этого не легче. От этого еще тягостнее. Я отчетливо вижу зашторенную комнату, полураздетую Лю, торопливо стягивающую черные чулки, ожгибесовские ладони на узкой смуглой талии, я вижу, как Лю выгибается в пароксизме страсти...

Она к нему придет! Придет даже из одного женского тщеславия – повергнуть к своим ногам властелина Северодара.

Химера яростной ревности вдруг властно и четко перестраивает все мысли, на смену горячечным видениям приходят ледяные расчеты. Я убью Ожгибесова! План мести складывается быстро и весьма реально. Кажется, предусмотрена любая мелочь... Послезавтра я заступаю старшим офицерского патруля. Целые сутки я буду владеть пистолетом с двумя обоймами и целые сутки смогу появляться там, где мне заблагорассудится – что в городе, что на эскадре. Послезавтра – общеэскадренный строевой смотр. Проводить его будет Ожгибесов, и я смогу выстрелить в него прямо на плацу. Я убью его на глазах всей эскадры. Потом подойду к трибунке с микрофоном и объясню, почему я этот сделал...

– Товарищ капитан-лейтенант! – трясет меня за плечо матрос. – Прибыли. Выходьте!

Прибыли... Хоть бы скорее уйти в моря, подальше от этой земли с ее неразберихой, ревностью, злыми страстями... Я прихожу в себя. Выбираюсь из носового салона на палубу. Ледяной ветер целебно остужает пылающее лицо. Лю, подняв пушистый воротник пальто, ждет меня на причале. Ожгибесов удаляется в сопровождении начальника штаба. Если контр-адмирал Стожаренко приехал встречать Ожгибесова за полночь, значит, что-то случилось. Что? И не с нашей ли «букашкой»?

Мы молча бредем с Лю в город. Дорога в гору, ветер в лицо – говорить трудно. Да и не хочется. Я решаю проводить ее до подъезда и вернуться в казарму. Узнаю у Васильчикова, как там и что, а потом доночую в своем кабинете. Благо там стоит заправленная койка.

Ветер такой, что у чугунного на гранитном пьедестале матроса вот-вот взвываются чугунные ленточки. Метель. Идем, ориентируясь лишь по углам зданий, едва выступающих из белой замети.

В подъезде я хочу распрощаться, но Лю поднимается по лестнице, ничуть не догадываясь о моем намерении уйти. Окликнуть ее? Я поднимаюсь за ней на третий этаж. Она бесшумно вставляет ключ. Легкое и всегда волнующее движение – поворот ключа, отпирающего дверь, за которой – одиночество для двоих. Я переступаю порог за хозяйкой дома. В сумраке прихожей – электричества нет, ветер снова порвал провода – она снимает с меня заснеженную ушанку, взъерошивает волосы и улыбается. О, эта женская улыбка – у самых твоих губ – томная, медленная, уверенная в неотвратимости поцелуя.

Ладно, живи пока, Ожгибесов...

* * *

По утрам ее будили чайки. Они хохотали так заразительно, что Людмила невольно улыбалась сквозь сон, а потом открывала глаза и видела в окне густое мельтешение белых крыльев.

Чайки летели вдоль ручья, петлявшего в сопках. Когда-то по ручью поднималась семга. Теперь же старый охотничий путь выводил чаек на камбузную свалку, и птицы радостно гоготали, предвкушая поживу.

Она высунула из-под одеяла ногу, нащупала ледяной крашенный пол, тихо взвизгнула и на пятках, чтобы не студить ступни, пробежала в ванную. В ее доме не было ни ковриков, ни тапочек. Шлепанцы бывшего мужа – зануды и ревнивца – она выбросила год назад вместе с немногими оставшимися от него вещами – бритвенным помазком, джинсовыми подтяжками, коробочкой с флотскими пуговицами и учебником «Девияция компасов». С тех пор она целый год прощалась с городом, собираясь то в Петропавловск к маме, то в Ригу к сестре, то в Симферополь к одному вдовому инженеру, с которым познакомилась в отпуске и который забивал теперь почтовый ящик толстыми письмами с предложениями руки и сердца.

Целый год в ее квартире гремели «отвальные», приходили подруги с кавалерами, бывшие друзья бывшего мужа, новоявленные поклонники... Шипело шампанское, надрывался магнитофон, уговоры остаться перемежались с пожеланиями найти счастье на новом месте. А она слушала и не слушала, прижимая к ноющему виску маленькое холодное зеркальце...

Она была безоговорочно красива. Наверное, не было ни одного прохожего, который бы не обернулся ей вслед. Даже самые заскорузлые домохозяйки поднимали на нее глаза, и на мгновение в них вспыхивала безотчетная и беспричинная ревность. Королева принимала всеобщее внимание безрадостно, как докучливую неизбежность, и если бы в моде были вуали, выходила бы из дома под густой сеткой.

Она ненавидела свою красоту, как ненавидят уродство. Она считала ее наказанием, ниспосланным свыше. У нее не было настоящих подруг, потому что рядом с ней самые миловидные женщины обнаруживали вдруг у себя неровные зубы, или слишком тонкие губы, или худые ключицы, или полную талию.

Мужчины в ее обществе либо одинаково терялись, лезли за словом в карман, вымученно шутили, либо, напротив, как сговорившись, становились отчаянно развязными, хорохорились, нарочито дерзили. И то и другое было в равной степени скучно, плоско, невыносимо. Знакомаясь с новым поклонником, она с тоской ждала, что вот-вот начнет он мяться, тушеваться, отвечать невпопад либо бравировать, рассказывать слишком смелые анекдоты, выпрашивать телефон и назначать двусмысленные свидания.

Красота ее обладала особым свойством: она превращала мужчин либо в трусов, либо в фанфаронов. Она ничего не могла поделать с этим, как тот император из восточной сказки, который был наделен самоубийственным даром – обращать в серебро все, к чему бы ни прикоснулась рука. Он умер с голоду, так как рис и фрукты, едва он подносил их ко рту, тотчас же становились серебряными.

Она бы, не раздумывая, пошла за человеком, который сумел бы выйти из этого заколдованного круга. Но такого человека все не было и не было...

По утрам она подолгу стояла у окна. Синеву полярного рассвета оторачивала узкая – не выше печных труб – зоревая полоса.

Она любила Северодар и ненавидела подводные лодки. То было не просто женское неприятие оружия. Она ненавидела подводные лодки, как ненавидят могущественных соперниц. Жутковато красивые машинные существа взяли над здешними мужчинами власть всецелую, деспотичную, неделимую, они владели телами их и душами.

И все же ей не хотелось уезжать отсюда ни в уютную Ригу, ни в теплый Симферополь, ни в родной Петропавловск...

На этом скалистом клочке земли бушевала некая таинственная аномалия. Она взвихряла человеческие судьбы так, что одних било влет, ломало, выбрасывало на материк, других возвышало, осыпало почестями, орденами, адмиральскими звездами. И все это происходило очень быстро, ибо темп здешней жизни задавали шквальные ветры. И так же шквально, скоропали-

тельно, бешено вспыхивала и отгорала здесь любовь. А может, так было по всему Полярному кругу – ристалищу судеб? И аномалия эта, бравшая людей в оборот, на излом, на пробу, называлась просто – Север...

О времени в Северодаре понятие особое. Здесь не знают слова «поздно», и сон здесь не в чести. Можно в глухую полночь прийти в гости, и никто не сочтет это дурным тоном. «Человек уходит в море!», «Человек вернулся с моря!» – только это определяет рамки времени, а не жалкая цифирь суток. Сегодня друг на берегу, сегодня друг дома, значит, у друга праздник, и ты идешь делить его с ним не глядя на часы... Так живет плавсостав, и так живет весь город.

Глава восьмая

1. Башилов

Полковник Барабаш выхлопотал-таки мне отпуск в Москву – трое суток без учета проезда «для устройства личных дел», как было записано в отпускном билете. Людмила долго допытывалась, что за личные дела я собираюсь устраивать в Москве. Но я не мог выдать главную цель поездки – инюрколлегия. Да она бы все равно не поверила насчет домика в Ницце... Я и сам-то с трудом верил, что все это не выдумка полковника Барабаша.

Москва поразила абсолютно мирной, почти блаженной жизнью. Здесь никто не удручал себя мыслями о столкновении двух военно-политических блоков – НАТО и Варшавского договора. Здесь не знали ни учебных тревог, ни построений, ни строевых прогулок... Никто не бегал с противогазами на боку, не козырял друг другу и не следил за тем, зашита ли у тебя спинка шинели, не опасался усиления ветра...

Еще я не мог отделаться от мучительно настырной мысли... Оказывается, все эти годы у меня был дед – второй после отца и третий, если считать маму, родной человек, к тому же моряк, офицер императорского флота. И жил он в каком-то потустороннем параллельном мире, в который было не докричаться, не дозвониться, не пробиться... Жил во Франции!

Ни бабушки, его жены, ни отца, его сына, уже не было в живых. Я не мог ни о чем их расспросить. Мама же призналась, что лет пять назад она получила из Франции письмо – дед разыскал нас через Международный Красный Крест – и ответила Дмитрию Сергеевичу, даже послала фотографии, но мне о том не стала ничего говорить, дабы не навредить моей военной карьере. Да и деда просила войти в обстоятельства. Тот и вошел – молчал до самой смерти, пока не вскрыли пакет с завещанием.

Моя комната, моя студенческая келья... Книжки, «Мастер и Маргарита», вырванные из журналов, переплетенные, со вклеенными вырезками цензуры. Эти купюры продавались в Старом Университете из-под полы...

Первое, что поразило в родном доме – розетки электросети, не отмаркированные, как на лодке или в казарме, не опечатанные. Я прикинул, что в случае пожара выбраться из задымленной квартиры, с девятого этажа будет очень не просто, и решил, что в следующий раз раздобуду маме изолирующий противогаз или ПДУ. И вообще, жители московских многоэтажек мне показались совершенно обреченными людьми: в случае пожара все они должны были задохнуться в ядовитых дымах. У нас в отсеках хоть какие-то защитные аппараты.

Страх пожара, точнее мысль, что надо делать, если пойдет полыхать пламя, преследовала меня повсюду – в библиотеке, в кино, в вагоне метро. Отсечные тренировки по борьбе за живучесть, с каким духом, должно быть, возвращается из загробного мира и бродит среди привычных людей и вещей, зная, что срок отлета отмерен очень скупно.

Бреду по родной Преображенке.

Март. Грязь повсюду – на стеклах окон и бортах трамваев, на исковерканных решетках, которые прикрывают тут все и вся, никого от ничего не защищая. Тут царил некий мрачный союз решеток всех типов и всевозможных назначений: стальные прутья на окнах первых этажей, чугунные ребра водостоков, забытые бумагой и полиэтиленом, решетки въездных ворот, даже тоненькие решеточки на фарах вмерзшей в сугроб «Волги» – все они, казались, связаны между собой одной формулой, неким Заговором Решеток. «Решетки всех стран – соединяйтесь!»

О, эта улица Бужаниновская! Эти падающие монастырские стены.

Грязь, решетки, рухлядь, какие-то баллоны торчали из-под серого снега. Дымящие синим газом грузовики, тюремные ворота и рядом, впритык – колючка секретного завода, порталы вонючих овощных складов...

Все, все выдавало здесь жизнь неустроенную, неопрятную, подневольную, недоверчивую, озлобленную, нездоровую, полууголовную.

Здесь не живут, здесь проживают, тянут срок, отмеренный Богом, как тянут расконвоированные свои ссыльные срока. Унылая застройка недоброй памяти тридцатых годов. Стекляшка кафе-шашлычной, встроенной в стену старинного Преображенского кладбища, – из того же абсурда, что и стекляшка Дворца съездов в древнем Кремле.

Может, и в самом деле махнуть в Ниццу?!

В инюрколлегии я за полчаса решил все дела: к большому удовольствию местных клерков поставил с дюжину подписей на многочисленных бумагах – и дедовский дом на Лазурном берегу отошел в собственность Советского государства. Живи и крепи, родная держава! И никакой полковник Барабаш не вправе мне указывать, как распорядиться личной собственностью. Все! Нет у меня больше никакой порочащей недвижимости за рубежом!

2

Выполнив все просьбы и наказания, лечу обратно, в мир совсем иной, на север, в родную гавань...

Она всегда рядом, эта Гавань Смерти. И в тысячеверстной дали от нее я чувю ее за плечом, за спинкой ресторанного кресла, за изголовьем любовного ложа, за изнанкой безмятежного сна. Где бы ты не скрывался от ее притяжения в Москве, как бы не пытался забыть, ни стальная дверь дома, ни мамина молитва, ни коньячный кураж ни на йоту не ослабят ее грозной власти. Я всего лишь вольноотпущенник, москвич на час. На мне незримое клеймо: «Северодар. 2-я эскадра. Подводная лодка «Б-410».

И когда тебе пришлют «черную метку» в виде срочной телеграммы или пролетит последний час отпуска, даже вкус прощального поцелуя не истает на губах, как могучая сила проволочет тебя по воздуху на мрачные берега сей тайной заводи... Только и ахнешь про себя: «О, Господи, я снова здесь!..» Будто продал душу или проклял тебя кто. Но это – мое. Навсегда.

Шереметьево. Суэта бывшего международного аэропорта. Никто из попутчиков, соседей по очередям, по автобусным и самолетным креслам не подозревает, что ты летишь, хоть и вместе с ними – на Север, но в особую зону, в тайное тайных. И в голову не придет никому, что ты – служитель этого подводного ада, возвращающийся на свою галеру, что ты торопишься в стальную камеру отсека...

Они беспечно спуют рядом с тобой, спрашивают у тебя то время, то зажигалку, то дорогу в буфет, они жуют, пьют кофе, читают рядом с тобой, скучают, не догадываясь ничуть, что все они на самом деле следуют по неведомой для непосвященных апиевой дороге, по *via combusta*, Дороге Сожженных Мостов и Проданных душ, что все эти залы ожидания и пассажирские салоны – это преддверия к Гавани Смерти, в которую, конечно же, они никогда не попадут и даже не узнают о ней, потому что на одном из поворотов, развилок, пересадочных узлов ты, не замеченный никем, шагнешь в сторону от общего потока, сядешь в автобус без номера, но по известной лишь тебе примете, и пойдут, пойдут мелькать шлагбаумы и караульни – первая стража, вторая, третья... Всего минуешь ты их шесть, прежде чем попадешь в свое подводное жилище.

Сначала матрос в черном кожухе и валенках с галошами строго глянет в твои документы и первая стража – КПП Северного флота – опустит натянутую цепь под колеса автобуса, и ты введешь в закрытую страну под названием КСФ – Краснознаменный Северный Флот. Вторая

стража – пограничная – у турникета на морском вокзале Североморска. Бдительный пограничник сверит припечатанное к удостоверению личности фото с твоим лицом. Проходи!

Третья стража проверит тебя на выходе из катера в Северодаре – а есть ли у тебя штамп на въезд в закрытый город? Есть.

Четвертая стража остановит тебя в дверях проходной будки у стальных ворот эскадры. «Предъяви пропуск в развернутом виде!» Предъявляю. Проходи!

Пятая – преградит путь у самого трапа на подводную лодку. Полусонный матрос в драном полушубке с укороченным автоматом наперевес вяло окликнет:

– Товарищ капитан-лейтенант, кому и как о вас доложить?

– Дуняшин, ты что, спишь, что ли? Не узнал?

– Виноват! – конфузится первогодок, отступает в сторону и жмет на тангенту сигнального звонка.

Ты ступаешь на обледенелую палубу, и, козырнув флагу, влезаешь в узкую рубочную дверь, затем взбираешься по стальным ступенькам, словно на помост железного эшафота, на рулевую площадку, посреди которой зияет жерло стального колодца – вход в подводную преисподнюю, и ты лезешь по вертикальному трапу внутрь лодки, внутрь гавани, и вода над твоей головой не смыкается только потому, что разъята развалом овальных бортов... Там, у нижнего среза входной шахты, тебя встречает последняя – шестая – стража: дежурный по кораблю, с черной флотской кобурой на черном ремне, опоясывающем китель. Лейтенант Весляров записывает твое имя в журнал центрального поста: «На подводную лодку прибыл капитан-лейтенант Башилов...»

Все. Кончен путь из москвичей в варяги. Ты пронесся по воздуху, аки демон с серебристыми самолетными крыльями за спинкой кресла. И пыль Арбата и Сокольников слетает с твоих ботинок на черный резиновый коврик Второго отсека. И скомканный билетик московского трамвая летит в мусорную кандейку – пустую банку из-под огнеопасной «регенерации». И ты открываешь дверцу своей каютки и пригнувшись втискиваешься между диванчиком и рундуком, привычно бьешься лбом о маховик аварийной захлопки, торчащей с подволока, и окончательно приходишь в себя.

Слава богу, я – дома.

3

Там, в Москве, я и представить себе не мог, что когда-нибудь буду жить такой странной жизнью: без выходных, без личного времени, в судорожной спешке – успеть, успеть, все успеть до выхода в большие моря... Время мое принадлежало кораблю и экипажу безраздельно. И только тогда, когда в казарме зажигались синие плафоны-ночники и в спину мне козырял дежурный по команде, я сбегал по бетонным ступенькам, чувствуя, как с каждым шагом в сторону города слабеет силовое поле подплава, отпуская нервы и сердце.

Ночь и снег. Снег и ночь. Белизна и темень. Чистота и тайна. Я иду к ней... Наш нечаянный роман обречен. Она собирается уезжать из Северодара. Навсегда. На другой край земли – домой, на Камчатку, к маме. А я уйду в море. Надолго. Когда вернусь, подрастут деревья и дети, построят новые дома, изменится мода, отпечатают новые календари... Нас разносит в разные полушария земли – ее в восточное, меня – в западное. Мы невольно станем антиподами. Даже наши письма не смогут найти нас. И почтальоны, это уж точно, «сойдут с ума, разыскивая нас».

Будь нам по семнадцать лет, мы бы отделились прекрасной игре в разлуку и верность. Но нам не семнадцать. И мы дожигаем наши железнодорожные свечи – сколько еще их осталось там, в пачке? – с мудрым спокойствием.

Ее комната не уютнее гостиничного номера. Временное пристанище: криво висящая книжная полка, протоптанная до древесины дорожка на грубо крашенном полу, случайная казенная мебель. И только ровные ряды красных кухонных жестянок с эстонскими надписями да керамический сервиз, который она расставляла на столе завораживающе красиво, говорили о том, что Королева Северодара знавала иную жизнь. И еще свеча – квадратная, фиолетовая, полуоплывшая от былых возжиганий – немо свидетельствовала о более счастливых временах.

Из окна ее, обклеенного по щелям полосками старых метеокарт, сразу и далеко открывается горная тундра, такая же дикая, первозданная, как и миллионы лет назад. Один каменный холм, гладкобокий, кругловерхий, вползал, натекал или стекал с точно такого же другого лысого холма, облепленного осенью лишайниками, зимой снежными застругами, весной перьями линяющих чаек.

Другое ее окно выходило на гавань. Пейзаж здесь прост: корабельная сталь на фоне гранита. Оскалы носовых излучателей отливают хищным блеском лезвий и взрывателей. Смотря в это окно, я всегда ловил «взгляд» нашей подлодки – пристальный, немигающий взор анаконды: «Возвращайся скорее! Твое место – в моем чреве».

Лю не спрашивала, когда я приду в следующий раз. Знала, что мне это неизвестно так же, как и ей. Кто бы мог сказать, куда и насколько мы уйдем в ближайшие два часа? И когда вернемся в гавань? И когда отпустят дела?

Ей ничего не надо было объяснять. Она знала, какой жизнью живет подплав. Хотя порой и она не догадывалась, чего мне стоило переступить ее порог, какой шлейф невероятных случайностей – серьезных и курьезных, роковых и нелепых – тянулся за моей спиной от ворот подплава.

И всякий раз это было вожаденным чудом, когда посреди погоняющих друг друга служебных дел, сцепленных без разрывов, как звенья якорь-цепи, – из построений, проворачиваний механизмов, погрузок, перешвартовок, совещаний, дифференровок, политинформаций, тренировок, – вдруг возникали ее стены, ее лицо, ее глаза... Оно не долго длилось, это призрачное счастье, – считанные часы, а то и минуты – до стука посыльного в дверь, до тревожного воя сирены, до отрезвляющего пения «Повестки»... И снова грохотала нескончаемая якорь-цепь срочных горящих дел: ремонты, зачеты, собрания, медосмотры, учения, дежурства, наряды, караулы, выходы в полигоны... Мы сверяли свое время по разным стрелкам: она – по часам, я – по секундомеру.

Мы могли видеться только по ночам, и потому встречи наши, украденные у сна, казались потом снами... Днем же спать хотелось, как зеленому первогодку. Сон подкарауливал меня в любом теплом и покойном месте, чаще всего на общих подплавовских собраниях и совещаниях...

Получалось так, что мы вообще не имели права встречаться, ибо любой мой час принадлежал службе, кораблю, экипажу. Даже будь я существом абсолютно бессонным, и то бы не успевал делать того, что требовали от меня директивные письма, приказы, наставления, уставы, инструкции... В те считанные часы, которые мы проводили вместе, я бы – суди меня суровое начальство – мог сделать как раз то, что должен был исполнить месяц назад, – составить «план реализации замечаний» или заполнить «журнал учета чрезвычайных происшествий»... Разумеется, никто не заставлял меня корпеть по ночам над карточками учета взысканий и поощрений или сводками о наличии... Но в подсознании все же тлела вина перед кораблем, перед службой, она тайно жгла, и оттого наши встречи были еще желанней.

* * *

К весне в Екатерининской гавани становится тесно. Из дальних морей и из ближних фиордов сползаются к родным причалам подводные лодки, сбиваются в стаю, словно угри, готовясь

к долгому переходу в теплые моря. Уходят на боевую службу и возвращаются бригадами – по 9—10 лодок одновременно.

Вопли чаек. Взвизги сирен. Мерный топот матросских сапог. Строй в бушлатах, в шинелях, в пилотках марширует по доскам причала. Лейтенант-строевода налегке, в кительке и в обмятой, грибом, фуражке шагает сбоку, ежась на свежем морском ветру. На чумазых скулах матросов, на мальчишеском лице офицера ярые блики марта. Непривычное солнце – ох, долгая ты, полярная ночь! – пляшет на горных снегах Императрицынского острова, на красных глыбах гранита, пересверкивает на зеленой ряби воды, греет черные лбы рубок и слепяще вспыхивает на блескучем титане округлых носов. Лодки, черно-красные, как паровозы, сипят и попрыкивают зимогрейным паром.

«У!»

«У!!»

«У!!!» – басит чей-то тифон, И что-то перронное, щемяще дорожное закрадывается в душу: в путь, в путь, в путь... Туда, за синий поворот залива, за боновые ворота, за крутой бок острова, – откуда приносят норд-весты бодрящий холодок ледяных полей студеного океана и где под закатной багровой дугой тяжело перекачивается мертвая зыбь туманной Атлантики.

4

Екатерина Абатурова очень удивилась, когда у самой кассы аэрофлота к ней подкатила черная адмиральская «Волга» и адъютант Ожгибесова, старший мичман Нефедов, распахнул перед ней дверцу:

– Командир эскадры просит вас прибыть к нему в штаб!

– Меня?!

– Вы жена капитана 3-го ранга Абатурова? – уточнил на всякий случай адъютант.

– Да... – сказала Катерина и чуть не добавила «бывшая».

– Вот именно вас он и приглашает к себе.

– Но зачем?

– Он сам вам скажет об этом.

Весьма заинтригованная Катерина села в машину. Благо ехать было всего пять минут.

О том, что командир «Б-410» капитан 3-го ранга Абатуров расторгает свой брак, Ожгибесов узнал от начальника политотдела. Это было пренеприятное известие, так как благополучие командирских семей, совершенно справедливо полагали в верхах, прямым образом сказывается на боеготовности кораблей. Начпо сулил разведенцу всякие неприятности, вроде партийных взысканий за «моральное разложение», задержки очередных званий и прочие напасти. Ожгибесов, обладавший даром, как он полагал, знатока женских сердец, вел душеспасительные беседы с женами-отступницами сам.

Чаще всего это ни к чему не приводило. Но Ожгибесов считал, что он обязан сделать все, чтобы спасти гибнущую командирскую семью от развала. Вот и в этот раз он первым делом запросил у начальника особого отдела «подноготную» на Екатерину Абатурову.

«Екатерина Борисовна Абатурова, урожденная Альметьева, 27 лет. Окончила севастопольский приборостроительный институт. Родители проживают порознь. Отец – министр коммунального хозяйства Карельской АССР. Мать – работник севастопольского горкома КПУ.

До брака проживала и проживает сейчас в кооперативной квартире в Ленинграде. Детей нет...»

Ожгибесов видел красивую крымчанку-ленинградку всего лишь несколько раз, поскольку в Северодар она приезжала нечасто. Ее внешние данные, фигура, волосы, глаза, манера держаться – были оценены Ожгибесовым по высшему балу. Но жены командиров –

табу. Это он постановил себе с первых же дней службы на Севере. Лейтенантши – другое дело, тут он как бы наказывал «своею властью» молодых офицеров, опрометчиво начавших свою флотскую службу с дворца бракосочетаний, а не с плавказармы, тренажеров, полигонов...

Она вошла в его кабинет после доклада адъютанта. Ожгибесов вышел из-за стола, точно монарх, спустившийся с престола, и тут же провел гостью к чайному столику, сразу давая понять, что разговор пойдет не официальный и совершенно доверительный.

– Как же так, Екатерина Борисовна, я не могу поверить, это, конечно, ваше глубоко личное дело, но... Абатуров один из лучших наших командиров. Я представляю, как он деморализован. Ему предстоит такой сложный выход...

– И вы хотите, чтобы я оставалась его женой до конца «сложного выхода»? – усмехнулась Катерина. Ее забавляло смятение адмирала – ну кто бы мог подумать, что ее решение о разводе вызовет такой переполох в этих суровых государственных стенах.

– Мы бы хотели, чтобы вы оставались ему женой не только до конца похода, но и навсегда, если это все-таки возможно, оставались членом нашей гарнизонной семьи.

– Я никогда не была членом вашей гарнизонной семьи, поскольку так и не обрела своей собственной – полноценной! – семьи. – Катерину начинало злить столь бесцеремонное вторжение в ее личную жизнь, и Ожгибесов сразу же это почувствовал.

– Я понимаю, я понимаю... К сожалению, нам приходится много плавать, больше, чем выдерживают семейные устои. Но так складывается обстановка в мире. Мы по сути дела ведем боевые действия в мирное время. И люди, и корабли используются с чудовищным коэффициентом напряжения...

– Вы хотите, чтобы я изменила свое решение, исходя из международной обстановки?

– Я понимаю вашу иронию... Но мне очень горько, поверьте, лично мне, не как командиру эскадры, начальнику капитана 3-го ранга Абатурова, а как человеку, даже, если хотите, как мужчине. На моих глазах рушится семейная жизнь, возможно, и по моей вине... У меня тоже был такой период, когда жена не вынесла моих бесконечных «автомонок», и мы чуть не разошлись. Слава богу, что этого не случилось. Мы все-таки удержались, выстояли...

– А я вот не выстояла... Не хватило терпения ждать, когда главное место в его жизни займу я, а не его подводная лодка. Простите, вот такая я! Я живой человек, и меня волнует прежде всего... ну, никак не ваше железо, которому вы так рьяно служите и которое губит вас. Я хочу быть счастливой без ваших кораблей, вашего гарнизона, вашего женсовета... И я буду счастливой! Уверю вас! И не делайте государственной проблемы из нашей совершенно заурядной семейной драмы!

– Хорошо! – согласился Ожгибесов. Он осторожно наполнил рюмки коньяком. – Не будем делать никаких проблем. Просто мне жалко, что еще одной красивой женщиной на Севере станет меньше. За вашу новую жизнь!

Катерина залпом опрокинула рюмку, и Ожгибесову это понравилось.

– Вы ведь родом из Ленинграда? – спросил он, наполняя опустевшие рюмки.

– Я родилась в Севастополе, но живу в Ленинграде.

– Значит, мы земляки. У меня квартира в Автово.

– А у меня на проспекте Ветеранов.

– Да мы почти соседи! Приходите в гости.

– Спасибо.

– Вам чем-нибудь помочь? С транспортом, с билетами? Вы когда уезжаете?

– Завтра.

– Позвоните мне вот по этому – прямому – телефону. Если будут проблемы. Или даже если их не будет.

– Хорошо.

– Ну, на посошок! – и Ожгибесов наполнил рюмки в третий раз. Он сделал все, чтобы спасти советскую семью.

* * *

Контр-адмирал Ожгибесов сутками не выходил из штаба. Никто не давал сигнала на вскрытие красного спецпакета. Но все распоряжения, все мероприятия шли явно по готовности «номер один».

Неужели война?

Но она и так уже шла.

В сумрачных глубинах Атлантики и в лазурных водах Средиземноморья, под ледяным куполом Арктики и над безднами Великого океана кружили, выслеживая друг друга, подводные крейсера и подводные истребители. Одни выдерживали свой залповый курс, чтобы по первому спецсигналу разрядить ракетные шахты по столицам и промышленным центрам, другие – выслеживали их, заходили им в корму, готовые немедленно выпустить свои торпеды по «убийцам городов» – кочующим подводным ракетодромам.

Подводные лодки враждующих станов выслеживали, прятались и отрывались друг от друга, применяя все древние как мир уловки джунглей, разве что облаченные в электронику искусственного мозга.

Как ящерицы отбрасывают хвосты, отвлекая преследователей, так и субмарины отстреливали подводные имитаторы своих шумов, сбивая погоню на ложный след.

И тактика «волчьих стай», и коварство щучьих засад – все, все переняли, приспособили на морской лад стратеги подводных войн, командиры «потаенных судов». Пока что они не стреляли, держа друг друга в электронных прицелах, но тихая война вела счет своим жертвам. Подводные лодки порой сталкивались, подобно самолетам, порой взрывались по неведомым причинам, горели, тонули; они неслись в спрессованный мрак океанских бездн почти отвесно, как авиабомбы, лопаясь на предельных глубинах, и как бомбы же вонзались в грунт, уходя в синие глины древних эпох, пронзая слежавшиеся слои тысячелетий; сдирая свои легкие корпуса, точно кожуру, разбрасывая по дну баллоны ВВД, якоря, рынды да вещи подводников, вылетевшие из трещин...

А люди, торпедное мясо, живая начинка подводных пирогов? Одни и сейчас лежат в стальных своих саркофагах – беспленные на мертвых глубинах, другие по-прежнему пытаются военное счастье во все тех же роковых широтах. Они получают боевые ордена и дозы облучения, звезды на погоны и язвы в желудке, льготные квартиры и ранние инфаркты, а те, кто выжил, уходят на берег с мечтой дожить свои годы лесником в каком-нибудь глухом заповеднике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.